

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 44

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук *Р.Л. Ахмедшин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. – Ч. 44 / Под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 240 с.

ISBN 978-5-7511-1925-6

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа. Статьи посвящены актуальным вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, а также актуальным вопросам теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Авторами исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-7511-1925-6

© Томский государственный
университет, 2009

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НАКАЗАНИЯ) ПРИ ДАЧЕ ВЗЯТКИ В УК РФ И УК РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.Г. Антонов

Отличительной чертой современного российского уголовного законодательства является наличие довольно широкого круга специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в Особенной части УК РФ. Вместе с тем ни в науке, ни в правоприменительной практике нет однозначного отношения и к этим нормам, и к их практическому применению. В частности, это касается сущности, условий и оснований применения примечания к ст. 291 УК РФ «Дача взятки». Для отечественного законодателя представляет интерес положительный зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации данного вида специальных оснований.

Согласно примечанию к ст. 291 УК РФ «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица или если лицо добровольно сообщило органу, имеющему право возбуждать уголовное дело, о даче взятки».

Подобная норма есть и в УК зарубежных стран. Так, согласно ст. 390 УК КНР «давшему взятку лицу, до начала судебного преследования по своей инициативе рассказавшему о факте дачи взятки, наказание может быть смягчено, либо такое лицо может быть освобождено от наказания». В УК КНР выделяется и такой состав преступления, как посредничество при даче взятки. При этом также предусмотрено освобождение от наказания или его смягчение в отношении посредника в даче взятки при аналогичных условиях. Из изложенного видно, что в УК КНР условием освобождения от наказания может быть только добровольное сообщение о даче взятки. Не может служить основанием освобождения от наказания или его смягчения факт вымогательства взятки.

Несколько иначе подходит к данному вопросу законодатель Испании. Согласно ст. 427 УК Испании «освобождается от наказания за взятничество частное лицо, которое случайно уступит домогательству с требованием подношения или подарка, совершенному должностным лицом или государственным служащим, и заявит об этом деянии должностному лицу, ответственному за расследование, до начала соответствующего производства, если со дня деяния прошло не более десяти дней». Примечательна данная норма указанием на срок выполнения позитивного посткриминального деяния и на должностное лицо, которому виновный обязан сделать соответствующее заявление. Совокупностью условий освобождения от наказания в приведенной норме являются наличие «домогательства» должностного лица или государственного служащего и добровольное сообщение виновного о преступлении.

Болгарский же законодатель выделяет альтернативные условия освобождения от наказания при даче взятки: вымогательство взятки и добровольное заявление виновного о совершенном преступлении. В соответствии со ст. 306 УК Болгарии «не подлежит наказанию тот, кто дал взятку: а) если имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица либо эксперта или б) если он добровольно сообщил об этом органу власти».

Таким образом, в ряде УК зарубежных стран имеет место позиция, сходная с позицией российского законодателя, отражающая необходимость закрепления специального основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) или смягчения наказания при даче взятки.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕПРЕСТУПНОГО УГОЛОВНО-ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Т.Г. Антонов

Уголовным законом иногда регулируются общественные отношения, выходящие за пределы таких основополагающих категорий этой отрасли, как «преступление» и «наказание». В частности, это касается регулирования поведения осужденного после вынесения обвинительного приговора и его юридических последствий при злостном уклонении от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, или невыполнении требований суда, выдвинутых при применении условного осуждения, условно-досрочного освобождения, а также при предоставлении отсрочки беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей.

Юридическое закрепление такого поведения возможно несколькими способами. Во-первых, путем криминализации таких деяний. Некоторые авторы придерживаются именно этой позиции¹. Однако данный способ на сегодняшний день нельзя считать приемлемым. Общая тенденция уголовной политики направлена на декриминализацию, и, напротив, предполагается исключение относительно малозначительных деяний из числа уголовно наказуемых. Уклонение от наказаний, не связанных с лишением свободы, а также непроступные нарушения предписаний суда, вынесенных при применении условного осуждения и условно-досрочного освобождения, не представляют достаточной для криминализации степени общественной опасности. Кроме того, одним из принципов криминализации является отсутствие возможности бороться с такими нарушениями другими мерами. Такая возможность есть – институт замены наказания, а также возможность привлечь осужденного к ответственности в рамках другой отрасли права.

Есть мнение, что непроступное уголовно-противоправное поведение осужденных – это основание уголовной ответственности² или иной ответственности в уголовном праве³. Однако такой подход противоречит ст. 8 УК РФ, в которой основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. А признание наличия какой-либо иной ответственности в уголовном праве размывает эту категорию.

На наш взгляд, целесообразно признать такое поведение основанием индивидуализации уголовной ответственности в процессе исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера. В соответствии с таким подходом уголовно-правовым последствием непроступного уголовно-противоправного поведения будет «ординарная» замена одного наказания другим. И в то же время такое поведение нельзя оставлять безнаказанным, потому что оно не только препятствует реализации уголовной ответственности, но и служит самостоятельным правонарушением, которое должно повлечь за собой ответственность. Но поскольку в уголовном праве ответственность возможна только за совершение преступления, в данном случае необходимо говорить об исполь-

---

¹ *Иванчин А.В.* Необходимость конструирования в УК РФ ряда новых составов уклонения от отбывания наказания // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 29–30 ноября 2007. Новокузнецк, 2007. Ч. 1. С. 71–75.

² *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 170.

³ *Сафин Л.Р.* Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 38.

зовании комплексного реагирования на такого рода поведение. Ответственность можно установить либо в уголовно-исполнительном праве, либо в административном. В уголовном же праве неправомерное поведение будет представлять собой юридический факт, который приводит к изменению существующего уголовно-правового отношения, а именно: к замене вида наказания, отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения или отсрочки отбывания наказания.

ПРЕДМЕТ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ПРИ ОТСУТСТВИИ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Е.А. Барышева

Изучение юридической литературы показывает, что о предмете преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, высказано достаточно много суждений¹. Практически все авторы считают возможным отнести к предмету этого преступления денежные средства, подлежащие передаче виновным потерпевшему. В то же время некоторые авторы к предмету причинения имущественного ущерба относят и транспортные средства, за эксплуатацию которых виновный не передал собственнику (владельцу имущества) соответствующие денежные средства. Об этом пишет, в частности, Н.Г. Логинова².

Как представляется, согласиться с ней нельзя. На наш взгляд, в этом случае используемая вещь может быть предметом иного преступления: хищения, уничтожения или повреждения, что требует самостоятельной

---

¹ Надо отметить, что в ряде научных трудов авторы не определяют предмет анализируемого преступления, делая акцент на объективной стороне (способах и формах) и в вопросах разграничения с хищениями, используя при раскрытии признаков объективной стороны термин «имущество» («виновный не передает имущество»), не раскрывая признаков последнего применительно к комментируемому составу (См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР / Отв. ред. Б.С. Никифоров. М., 1963. С. 232–233; Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. М.И. Ковалева, Е.А. Фролова, М.А. Ефимова. Свердловск, 1964. С. 228–230; Курс Советского уголовного права. Часть Особенная: В 5 т. Т. 3 / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 447–450; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под. ред. Ю.Д. Северина. М., 1980. С. 210–211; и др.).

² Логинова Н.Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 13–14.

уголовно-правовой оценки и в итоге – квалификации по совокупности с действиями по фактически незаконному использованию чужого имущества, причиняющими ущерб собственнику этого имущества. В данной ситуации предметом преступления выступают подлежащие передаче денежные средства или иное имущество, указанное в договоре, либо, в отсутствие договорных отношений, денежные средства, обычно взимаемые при обычных условиях гражданского оборота¹.

По мнению Н.И. Панова и В.А. Романцова, при одновременном нарушении «отношений и по использованию имущества, и по формированию фондов собственности», например при провозе проводником поезда безбилетных пассажиров, предметом преступления являются те материальные блага, которые должны были поступить в фонд собственника, и деньги в размере стоимости износа противоправно использованного виновным имущества². Стоит отметить, что в таком случае излишне относить к предмету причинения ущерба деньги в размере стоимости износа использованного имущества, так как эта сумма охватывается подлежащей передаче денежной суммой.

Как правило, предметом причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием выступают денежные суммы, но не исключена возможность использования, к примеру, при расчете за оказанную услугу и иного имущества – строительных материалов, продуктов питания, ценных бумаг на предъявителя и т.д. Предметом причинения имущественного ущерба могут быть и не обладающие признаками вещи объекты, которые имеют определенную экономическую ценность – стоимость. Такими нематериальными объектами могут выступать результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (интеллектуальная стоимость), услуги или работы, обещанные виновным в счет полученного не имеющего форму вещи (соответственно не образующего хищения) блага (как правило, это определенная услуга, оказанная потерпевшим).

---

¹ Амортизационные издержки, неизбежные при эксплуатации вещей, полностью покрываются подлежащим передаче платежом за использование. Если же в процессе такого использования умышленно или по неосторожности имущество повреждается или вовсе уничтожается, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности ст. 165 и 167 или 168 УК РФ.

² См.: *Панов Н.И.* Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С. 19; *Романцов В.А.* Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (Уголовно-правовые вопросы): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 80.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА И НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

О.А. Беларёва

В Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС РФ) от 27.12.2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ и от 18.11.2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»² содержатся схожие разъяснения о квалификации незаконной предпринимательской деятельности, связанной с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Согласно рекомендациям ПВС РФ содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 159 и 238 УК РФ (п. 9 ППВС РФ от 27.12.2007 г.) либо ст. 171 и 238 УК РФ (п. 15 ППВС РФ от 18.11.2004 г.).

Возникает ряд вопросов: для квалификации каких действий предусмотрены данные рекомендации ПВС РФ? Чем они различаются? Нет ли противоречий между данными рекомендациями?

Изготавливая и реализуя фальсифицированные товары, например спиртосодержащие напитки, лекарства, под видом подлинных, лицо обманывает потребителей данной продукции относительно качества и иных характеристик товара, влияющих на его стоимость. Потерпевшие передают свои деньги, полагая, что приобретают, например, лекарство. На самом деле, то, что они приобретают под видом лекарства, в лучшем случае – мел, аскорбиновая кислота и т.п. Следует согласиться с выводом ПВС РФ, что содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ не требует. Такая деятельность преступна по содержанию, придать ей форму законной предпринимательской деятельности невозможно. В связи с этим изготовление с целью сбыта и сбыт фальсифицированных товаров следует квалифицировать как мошенничество, независимо от того, кто осуществляет такую деятельность: лицо, зарегистрированное в качестве субъекта предпринимательской деятельности, или лицо, не имеющее такого статуса. Следует отметить, что в литературе высказывались иные варианты квалификации деяний, состоящих в производстве фальсификата. Так, Б.В. Волженкин предлагал подобные действия отнести к мошенничест-

---

¹ Российская газета. 2008. 12 янв.

² Российская газета. 2004. 7 дек.

ву, если их совершил легальный предприниматель. Если же такие действия совершены предпринимателем-нелегалом, он относит их к незаконному предпринимательству¹.

В случае, когда под видом одного лекарства предлагают другие, обладающие иным действием, или вещества, растворы, не являющиеся лекарствами и не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, налицо совокупность преступлений, предусмотренных ст. 159 и 238 УК РФ.

Вместе с тем вызывает недоумение отнесение подобной деятельности к разряду предпринимательской, пусть и незаконной. Предпринимательская деятельность есть общественно полезная форма социальной активности. К предпринимательской можно отнести только те виды деятельности, которые являются законными по содержанию, т.е. их осуществление не запрещено законом, необходимы лишь государственная регистрация в качестве субъекта предпринимательской деятельности и получение лицензии (в предусмотренных законом случаях). Несоблюдение последних условий означает незаконность такой деятельности, но не по содержанию, а по форме.

Изготовление или сбыт фальсифицированной продукции направленные на противоправное изъятие чужого имущества путем обмана, и называть такую деятельность предпринимательской нельзя. В п. 9 ППВС РФ от 27.12.2007 г. следует исключить указание на предпринимательский характер деятельности, о которой в нём говорится.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Л.В. Ведерникова

Согласно Конституции РФ (п. 2 ст. 8) в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. УК РФ 1996 г. охраняет собственность путем установления уголовной ответственности за противоправное посягательство на нее. Многие из статей Особенной части УК РФ упоминают о собственности как о дополнительном объекте преступлений (ст. 205 – террористический акт, ст. 281 – диверсия и т.д.). В то же время в УК РФ содержатся специальные составы (гл. 21), в которых собственность является основным объектом преступлений. Именно

---

¹ *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С. 191.

нормы этой главы выступают основным средством уголовно-правовой защиты собственности. Однако возникает вопрос: все ли объекты права собственности находятся под защитой норм, содержащихся в гл. 21 УК РФ, а именно, может ли недвижимое имущество выступать предметом преступлений, предусмотренных этой главой УК (в частности, хищений и вымогательства). Изучение уголовно-правовой литературы показывает, что авторы в целом соглашались с тем, что недвижимое имущество может выступать предметом лишь одной формы хищения (мошенничества), а также вымогательства. Что же касается иных форм хищения (кража, грабеж, разбой, присвоение и растрата), то на этот счет в литературе нет единства мнений. А.И. Бойцов, например, указывает, что «физические и юридические свойства, присущие некоторым видам недвижимого имущества, исключают возможность их похищения тайным или насильственным способом». Л.Д. Гаухман указывает, что недвижимое имущество «может являться предметом мошенничества, присвоения и растраты... в качестве предмета кражи, грабежа, разбоя абсолютно не могут выступать земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, лес и т.п., т.е. то, что вообще не поддается изъятию, и лишь с бесконечной малой степенью вероятности таким предметом могут быть дома». Г.Н. Борзенков, напротив, считает, что предметом хищений может быть как движимое, так и недвижимое имущество, а «признак движимости имущества не имеет определяющего значения для определения хищения»¹.

Представляется, что вопрос о возможности признания недвижимости предметом хищений должен решаться положительно. Не следует забывать, что недвижимость – это абстрактное понятие, некая юридическая фикция, созданная для регламентации порядка закрепления права собственности на соответствующие объекты (государственная регистрация). В реальной жизни это объекты материального мира, которые обладают всеми тремя признаками предмета хищения (физический, экономический, юридический). Когда, например, субъект похищает бревенчатый дом, разобрав его на части и собрав в другом месте, имеет место не что иное, как кража дома. В этом случае важен сам дом как предмет хищения, а не его правовой статус (объект недвижимого имущества).

В то же время возможно завладение недвижимостью в результате разбойного нападения, т.е. нападения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего или с угрозой применения такого

---

¹ *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 162–163; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005. С. 145; Российское уголовное право: Учебник. Т. 2 / Г.Н. Борзенков и др. М., 2008. С. 177.

насилия, когда последнее выступает способом завладения правом на имущество, а не подкрепляет угрозу, как при вымогательстве¹.

Также следует отметить, что для наличия оконченного состава хищения необходимо не только изъятие имущества, но и обращение его в свою пользу, т.е. перевод виновным имущества в свое окончательное обладание, выражающееся в постановке себя или других лиц на место собственника. Осуществить это с недвижимостью можно только путем перерегистрации права собственности. Это требует составления подложных документов, потому подобное деяние обычно расценивается как мошенничество, т.е. хищение чужого имущества путем обмана. Но такая квалификация будет верной, если умысел на приобретение права на недвижимое имущество возник до момента передачи недвижимости виновному². В ином случае обман будет являться не способом изъятия чужого имущества из владения собственника или иного владельца в пользу лица, его похищающего, а способом фиксации незаконного владения чужим имуществом (перерегистрация права собственности). Таким образом, деяние лица, которому было вверено недвижимое имущество и которое путем составления подложных документов перерегистрировало право собственности на это имущество на себя или в пользу третьих лиц, а умысел на совершение этого деяния возник у него после того, как имущество было ему вверено, должно быть квалифицировано по ст. 160 УК РФ.

Таким образом, при решении вопроса о признании недвижимости предметом хищений необходимо уяснить, что деление вещей, предложенное гражданским законодательством, не должно существенным образом влиять на применение норм уголовного права. Гражданско-правовое деление вещей на две категории (движимые и недвижимые) обусловлено способом закрепления прав собственности на них в зависимости от их физических свойств, что не может служить основанием для определения возможности или невозможности их хищения. Кроме того, родовое понятие «хищения», определенное в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, не вводит никаких ограничений относительно предмета преступного посяательства. Законодатель говорит о хищении «имуще-

---

¹ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 2005. С. 45.

² Так, согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: «В случае, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него».

ства в пользу виновного», не определяя, может ли это быть движимое или недвижимое имущество, что позволяет трактовать это положение закона расширительно.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В.Н. Винокуров

Ответственность за посягательство на имущественные отношения предусмотрена в гл. 21 «Преступления против собственности», при этом объектом признается собственность в единстве экономического и юридического аспектов, в связи с чем возникает вопрос о квалификации завладения имуществом, которым лицо владело неправомерно.

В теории по этому поводу существуют две позиции. Согласно первой – такие действия являются хищением, так как осложняется, если не полностью исключается, возможность возвращения имущества. Во-вторых, виновный, приобретая имущество противоправным путем, ставит себя на место собственника, игнорируя принцип распределения благ, нарушает условия функционирования отношений собственности, т.е. незаконно (паразитически) обогащается. В-третьих, невозможно установить четкую границу между законным и незаконным владением¹.

Сторонники противоположной позиции приводят свои аргументы. Во-первых, закон не может охранять негативные социальные отношения, поэтому незаконное обогащение виновного находится за рамками составов преступлений против собственности. Хищение похищенного не является преступлением, если виновный знал, что завладевает имуществом, полученным преступным путем. Завладение имуществом, которым лицо владело незаконно, совершенное с применением насилия, следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья, если субъект не знал, что имущество добыто преступным путем, – как покушение на хищение². Во-вторых, если руководствоваться тем, что хищение похищенного затрудняет возвращение похищенного, то как хищение следует квалифицировать действия лица, приобретающего похищенное. В-третьих, это будет считаться не чем иным, как примене-

---

¹ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. С. 47; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 197–198; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности. СПб., 2003. С. 140–141.

² Елисеев С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1. С. 48–49.

нием уголовного закона по аналогии, так как вред собственнику не причиняется, что недопустимо. В то же время такие противоправные действия нарушают отношения по распределению материальных благ, и поэтому не должны оставаться безнаказанными и ответственность за их совершение следовало бы предусмотреть в конкретной статье Особенной части УК РСФСР, либо исключить из понятия хищения такой признак, как «причинение ущерба собственнику или иному владельцу»¹.

Более приемлемым следует признать предложение о переименовании главы «Преступления против собственности» в главу «Имущественные преступления», так как завладение имуществом, которым лицо обладало незаконно, является преступлением не только потому, что закон охраняет интересы недобросовестного владельца, а потому, что всякое хищение нарушает имущественный порядок, выражающийся в запрете самовольного лишения имущества. Кроме того, право собственности на квартиру, транспортное средство появляется у обладателя с момента государственной регистрации, и потерпевшим при совершении преступлений против собственности может быть не только собственник, но и владелец, например арендатор².

Таким образом, расширение объема отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны, позволит решить многие вопросы квалификации завладения имуществом, которым лицо владело незаконно.

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Е.А. Дудина

Политическая и юридическая история формирования нормативной основы избирательных процедур в советское и постсоветское время свидетельствует, что первые советские уголовные кодексы имели своей задачей не охрану политических прав граждан, а защиту процесса формирования государственных выборных структур, для того чтобы не допустить участия в избирательном процессе представителей «враждебных эксплуататорских классов», об этом свидетельствует закрепление в

---

¹ Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 18–21; Складов С.В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 66.

² Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 107–108; Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2002. С. 32–33.

ст. 104 УК РСФСР 1922 г. и ст. 91 УК РСФСР 1926 г. норм об ответственности за участие в выборах в Советы лиц, лишенных пассивных и активных избирательных прав.

Впервые запрет каким-либо образом препятствовать осуществлению избирательных прав появился в советском уголовном законодательстве в 1929 г. В УК РСФСР 1926 г. была внесена ст. 91¹. Однако под защитой закона оказалась только одна категория граждан – наемные работники, а субъектами данного деяния могли быть только их наниматели и только в сельской местности. В основу официальной уголовно-правовой оценки снова был положен принцип классово-принадлежности.

Провозглашение в Конституции 1936 г. всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании потребовало новой для советской законодательной практики защиты избирательных прав граждан. Положением о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденном Постановлением Четвертой сессии ЦИК СССР 7-го созыва 09.07.1937 г. была предусмотрена уголовная ответственность любого лица, которое препятствовало гражданину СССР осуществлять права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР. В нем же впервые был прописан состав преступления, предусматривающего ответственность за нарушение избирательного процесса лицами, которые призваны были его обеспечивать.

В УК РСФСР 1960 г. появилась самостоятельная глава «Преступления против политических и трудовых прав граждан», в которую были помещены статьи о посягательствах на политические, трудовые и иные права и свободы граждан. УК РСФСР 1960 г. включил в эту главу нормы об ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательного права (ст. 132) и подлог избирательных документов или неправильный подсчет голосов (ст. 133). Составы этих преступлений не претерпели существенных изменений с момента их первоначального оформления в 1937 г., впрочем, как и избирательное законодательство.

Начавшаяся в перестройку демократизация общественной жизни, переход от однопартийной к многопартийной системе, создание новых органов власти послужили основанием для разработки нового избирательного законодательства, внесения дополнений в уже существовавшее. Качественно новый избирательный процесс подкреплялся и новой уголовно-правовой защитой. Так, в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 133¹ «Нарушение избирательного законодательства (законодательства о референдуме) лицом, ранее подвергавшимся административному взысканию», от 16 октября 1990 г., содержащая норму с административной преюдицией. Закон РСФСР от 28 апреля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и Кодекс РСФСР об администра-

тивных правонарушениях» внес существенные изменения в ст. 132 «Воспрепятствование осуществлению гражданином РФ своих избирательных прав либо работе избирательных комиссий», ст. 133 «Подлог, подделка избирательных документов (документов референдума), заведомо неправильный подсчет голосов или установление результатов выборов» УК РСФСР 1960 г.

УК РФ 1996 г. предусмотрел в Особенной части преступления, посягающие на избирательные права граждан и на право участия в референдуме (ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» и ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов» УК РФ). Составы этих преступлений получили обрисовку, отвечающую новому избирательному законодательству, новым социальным и политико-правовым реалиям.

ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М.С. Закурский

Известно, что отличие континентальной, или романо-германской, системы права от англо-саксонской заключается в том, что первая характеризуется четким разграничением норм права на материальные и процессуальные. Основным источником права в ней является нормативный акт, а среди нормативных актов – закон. Широко используется кодификация отраслей права. Судебный прецедент создает не общие, а лишь казуистические нормы, то есть правила для решения конкретного дела. В англо-саксонской системе права, напротив, правовая система не имеет четкой структуры, не систематизирована и не кодифицирована, большую роль в ней играет судебный прецедент. В этой связи различаются и подходы к определению тяжких последствий преступлений, и применение таких оценочных терминов, как «иные тяжкие последствия», «тяжкие последствия».

Тяжкие последствия преступлений – это оценочное понятие, наличие их в каждом отдельном случае определяется судом, исходя из конкретных обстоятельств дела. Виды тяжких последствий в законодательствах зарубежных стран весьма разнообразны. Тяжесть ущерба определяется исключительно характером общественно вредных изменений в объекте преступного посягательства. Различны и социально-криминологические основания выделения того или иного преступного последствия в качестве тяжкого.

В уголовно-правовых актах США и Великобритании законодатель вовсе не использует оборотов «тяжкие последствия» или «иные тяжкие последствия», предпочитая полностью конкретно описывать возможные последствия тех или иных преступлений. Например, преступления против жизни в американском законодательстве дифференцированы на «тяжкие» и «простые» убийства, но в данном случае законодатель имеет в виду не тяжесть последствий данного преступления, а способ совершения этих общественно опасных действий.

В странах континентальной системы права подходы законодателей к этому вопросу неоднозначны. Так, в Уголовном кодексе Франции законодатель не использует оборот «тяжкие последствия», описывая возможные конкретные последствия совершаемых преступлений в диспозиции тех или иных статей, либо выделяет однородные преступления с более тяжкими последствиями в отдельные статьи кодекса. Например, в ст. 222-23 Уголовного кодекса Франции «изнасилование» описывается как «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения или обмана. Изнасилование наказывается пятнадцатью годами уголовного заключения». В этой статье преступление описывается без последствий, которые, по нашему мнению, могут быть отнесены к тяжким. Вместе с тем в ст. 222-24 УК Франции «изнасилование наказывается двадцатью годами уголовного заключения: 1. Если оно привело к увечью или хроническому заболеванию...». Статья 222-25 гласит: «Изнасилование наказывается тридцатью годами уголовного заключения, если оно повлекло смерть потерпевшей». В этой статье описаны наиболее тяжкие последствия, которые могло повлечь за собой изнасилование.

Данный подход характерен и для других стран континентальной Европы. Так, в уголовном законодательстве Австрии, Германии, Норвегии и Турции законодатели также предпочитают полностью описывать возможные последствия преступлений в диспозиции статей уголовных кодексов.

Иной подход существует в странах СНГ. В Уголовном кодексе Киргизии законодатель традиционно использует обороты «тяжкие последствия» в диспозициях статей. Например, в ст. 120 УК Киргизии «Незаконное прерывание лечения больного» говорится: «Незаконное прерывание медицинским работником лечения больного, находящегося в тяжелом состоянии, в результате которого по неосторожности наступили тяжкие последствия, – лишение свободы на срок до трех лет». Подобные обороты встречаются и в других статьях УК Киргизии.

Категория «тяжкие последствия» используется и в уголовном законодательстве Казахстана. Уголовный кодекс Республики Казахстан со-

держит в себе указания на тяжкие последствия. Например, в п. 3 ст. 113 УК Казахстана «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации или иного использования»: «Те же деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть донора или иные тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет». Данные обороты встречаются в ч. 2 ст. 119, ч. 3 ст. 120, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 125, ч. 2 ст. 127 и в ряде других статей УК Казахстана. Интерпретация тяжких последствий и подход законодателя в данном случае не отличаются от отечественного законодательства.

В связи с вышеуказанным можно заключить, что в разных странах законодатель неоднозначно подходит к описанию и выделению «тяжких последствий». В Великобритании, США, Австрии, Франции, Германии, Норвегии и Турции в диспозициях статей исчерпывающе и конкретно описаны последствия, которые могут наступить в результате совершения преступления. В Киргизии и Казахстане, так же как и в Российской Федерации, законодатель не делает перечень возможных последствий абсолютно определенным, применяя в текстах статей такие обороты, как «тяжкие последствия», «иные тяжкие последствия».

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

О.В. Ермакова

Одним из преступлений против собственности является вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ч. 1 ст. 163 УК РФ).

Анализ научной литературы привел к выводу, что большинство авторов верно определяют конструкцию состава вымогательства в качестве формального, поскольку в уголовном законе отсутствует указание на общественно опасные последствия.

Несмотря на то, что конструкция состава вымогательства больших разногласий не вызывает, момент окончания данного преступления не находит однозначного понимания в науке уголовного права.

Так, В.А. Владимиров, Н.А. Лопашенко считают вымогательство оконченным в момент предъявления требования, подкрепленного соответствующей угрозой¹.

Однако А.И. Бойцов, В.П. Верин ограничивают момент окончания вымогательства исключительно предъявлением требования².

Данная дискуссия о моменте окончания вымогательства основывается на том, что одни ученые требование передать имущество и угрозы рассматривают как самостоятельные действия, придавая им равноценное значение³, другие полагают, что именно в требовании заключается суть вымогательства, а угроза – это лишь средство совершения преступления⁴. Поэтому представители первой позиции связывают момент окончания вымогательства с предъявлением требования, соединенного с угрозой, а представители второй позиции – только с требованиями передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера.

Грамматическое толкование диспозиции ст. 163 УК РФ позволяет сделать вывод, что объективная сторона вымогательства заключается в виде двух обязательных действий:

1) требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера;

2) угроза применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Самостоятельность указанных действий подчеркивается тем обстоятельством, что законодатель в тексте закона излагает данные действия путем перечисления. В том случае, если бы законодатель не придал угрозам самостоятельного значения, он использовал бы другие формулировки, например «требование, высказанное путем угроз и т.д.».

Исходя из этого, для вымогательства обязательными являются как требование, так и угроза, а преступление считается оконченным в момент предъявления требования, соединенного с вымогательской угрозой.

---

¹ См.: *Владимиров В.А.* Преступления против личной собственности граждан. М., 1962. С. 45; *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 178–179.

² См.: *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 709; *Верин В.П.* Преступления в сфере экономики. М., 2003. С. 26.

³ См.: *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Ответственность за преступления против собственности. М., 2001. С. 119; *Клименко В.А., Мельник Н.И.* Уголовно-правовая борьба с вымогательством индивидуального имущества граждан. Киев, 1993. С. 28.

⁴ См.: *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 154.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 157 УК РФ «ЗЛОСТНОЕ
УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ
ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ»
В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
КАК ОСНОВА ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ**

Р.В. Калегов

Уголовно-правовая охрана семьи, несовершеннолетних, защита их законных прав и интересов является одним из основных направлений деятельности государства. Забота о детях, их воспитание являются согласно Конституции РФ правом и обязанностью родителей. В свою очередь, трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях (ст. 38). Статья 157 Уголовного кодекса РФ, признает злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей преступлением и относит к категории небольшой тяжести. Статья 157 УК РФ содержит два состава преступления. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (п. 4, ч. 3, ст. 151) определил проведение дознания по ст. 157 УК РФ Федеральной службе судебных приставов России. При осуществлении дознания по ст. 157 УК РФ дознавателю приходится сталкиваться с определенными трудностями при привлечении лиц к уголовной ответственности.

Работа самих судебных приставов – исполнителей по исполнению судебных решений о взыскании алиментов является достаточно сложной и трудоемкой, кроме непосредственного принудительного исполнения им приходится выявлять и документировать факты злостного уклонения от уплаты алиментов. Однако привлечь должника к уголовной ответственности не так просто, как кажется на первый взгляд. Во-первых, по сложившейся практике дознания в Управлении ФССП по Томской области необходимо, чтобы он не менее двух раз письменно под роспись был предупрежден о возможной уголовной ответственности, во-вторых, ответственность предусмотрена только за злостное уклонение.

В Российской Федерации, как на уровне службы судебных приставов, так и на уровне прокуратуры, отсутствует единая позиция по вопросу о количестве предупреждений и сроках уклонения от исполнения обязанностей по уплате средств на содержание. В одних регионах органы прокуратуры требуют наличия не менее 2 предупреждений об уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ и не менее 4 месяцев уклонения должника от уплаты, в других установили 3 предупреждения и срок уклонения от 3 месяцев до одного года, в третьих отсутствие единообразного понимания закона имеется даже у прокуроров районов.

Как показывает практика дознания по ст. 157 УК РФ, судебному приставу-исполнителю следует знать, что внешними признаками, по которым можно сделать вывод о наличии у виновного лица признака злостности, являются: 1) продолжительность деяния; 2) уклонение от уплаты после официального предупреждения об уголовной ответственности; 3) повторное совершение того же самого преступления и 4) способ совершения преступления.

Таким образом, в целях единого подхода к определению понятия «злостности» для дознавателей, прокуроров, судей и привлечению к уголовной ответственностью виновных лиц считаю необходимым добавить в ст. 157 УК РФ примечание следующего содержания: «Под злостностью в настоящей статье следует понимать умышленные действия лица, направленные на неисполнения обязанностей, возложенных судом, по содержанию несовершеннолетних, а равно нетрудоспособных детей или нетрудоспособных родителей в течение 3 месяцев с момента письменного предупреждения судебным приставом-исполнителем и выраженные в следующих способах: сокрытие своего материального положения, источников дохода, с которых должно было быть произведено удержание, места работы, места жительства, бездействия в виде уклонения от устройства на работу».

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА

М.С. Красильникова

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», разрешило ряд насущных вопросов, возникающих при квалификации хищений, равно как и ранее принятое и впоследствии не раз подвергавшееся изменениям Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Несмотря на пристальное внимание правоприменителя к вопросам квалификации и разграничения хищений, на практике и в теории в настоящее время не наблюдается единого понимания целого спектра положений, являющихся принципиальными при решении указанных вопросов.

Так, например, Пленум определяет вверенное при присвоении или растрате имущество как такое, которое «находилось в правомочном владении либо ведении этого лица (виновного. – *М.К.*), которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управ-

лению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества» (п. 18 ППВС «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Кроме того, под правомерным владением также понимаются случаи признания вверенным и такого имущества, которое на основании соответствующего договора передается работодателем работнику.

Как обоснованно полагает проф. П.С. Яни¹, относя здания и сооружения к предметам преступления, предусмотренного ст. 160 УК, нужно исходя из определения Пленума решить, является ли актом вверения такого имущества договор аренды, заключенный с нарушением требований о форме такого договора. Согласно п. 1 ст. 651 ГК РФ несоблюдение письменной формы договора аренды здания или сооружения влечет его недействительность. По мнению И. Клепицкого², даже если несоблюдение предусмотренной законом письменной формы договора влечет его недействительность, в силу принципа субъективного вменения решающее влияние на квалификацию преступления должно оказывать реальное волеизъявление сторон. В связи с этим возникает вопрос о практическом применении данного положения: если умысел на хищение возник во время передачи имущества и считать ли вверенным во всех случаях имущество, находящееся у материально ответственного лица при нарушении данным лицом правил документооборота? (например, неоприходование остатков, выдача стройматериалов «с запасом» по инициативе подрядчика или хищение денег кассиром без отбивания чека, хищение в отношении охраняемых ценностей).

На наш взгляд, вверенным во всех случаях будет признаваться имущество, которое передается похитителю по инициативе собственника или иного законного владельца этого имущества, возникшей до появления виновного.

Пленум далее разъясняет, что совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим названными полномочиями (по управлению, распоряжению и т.д.), но имеющим доступ к похищенному имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано по ст. 158 УК РФ (п. 22 ППВС «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»), что представляется небесспорным.

Таким образом, предлагаем рассматривать вверенное имущество как имущество, переданное лицу по действительному волеизъявлению собственника независимо от способа и формы передачи указанного имущества.

---

¹ См.: Яни П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4.

² Клепицкий И. «Вверенное имущество» в уголовном праве // Законность. 1995. № 12.

МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.А. Лебеденко

До настоящего времени в науке уголовного и уголовно-процессуального права не сложилось единого подхода относительно понятия и содержания морального вреда, а также возможности его применения. И если взгляды ряда ученых сходятся в том, что моральный вред действительно причиняется преступлениями, объектом посягательства которых выступают такие неотчуждаемые права человека, как жизнь, здоровье, честь и достоинство; то вероятность наличия причинения морального вреда имущественными преступлениями ставится под сомнение.

Нормы Уголовного кодекса РФ оставляют данный вопрос без ответа. Пленум Верховного Суда РФ (в своем Постановлении от 12 июля 2000 г.) указывает на то, что действующим законодательством не предусмотрена возможность компенсации морального вреда, причиненного хищением чужого имущества. Гражданский кодекс РФ (являющийся основным нормативно-правовым актом, которым на сегодняшний день определяются основания и форма компенсации морального вреда, в ст. 151 и 1099) говорит, что моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права граждан, подлежит компенсации только в случаях, предусмотренных законом. Таким образом, ни в уголовном, ни в гражданском законодательстве прямо не сказано, что потерпевшие от преступлений имущественного характера имеют право на компенсацию физических и нравственных страданий.

Однако любая неправомерная деятельность, особенно связанная с совершением преступления, посягает на блага личные и блага имущественные. И для потерпевшего порой наибольшее значение приобретает не столько утрата имущественного блага, на которое направлено преступное посягательство, сколько моральные переживания, связанные с произошедшими событиями. Неправомерные действия преступника, посягающие на имущество потерпевшего, вызывают у последнего состояние душевного потрясения, страха, гнева, возмущения, агрессии, отчаяния и беспомощности. Все эти чувства возникают по поводу именно утраты определенного имущества, либо имущественных прав на него. И дело здесь не в стоимости похищенного и не в бессмысленном возведении предметов материального мира в категорию наивысших ценностей в ущерб духовным, а в том, что любому человеку свойственно по-своему истолковывать их значимость и жизненный смысл, переживать ту или иную индивидуальную привязанность к ним. Так, С.А. Беляц-

кин, А.М. Эрделевский, С.М. Воробьев, С.В. Нарижный, С.В. Краснопе-ев и другие ученые убеждены в том, что последствия причинения иму-щественного вреда вызывают нравственные и физические страдания, которые отражаются в сознании потерпевшего не менее, а порой и бо-лее остро, чем переживания от посягательств на нематериальные блага. Это вполне объяснимо, так как материальные ценности в современном обществе играют немаловажную роль в жизни человека, взаимодейст-вывая с его душевной внутренней сферой. Имущественные блага стиму-лируют и во многом определяют степень успешности, самодостаточно-сти, уверенности в себе и в завтрашнем дне. Так К.Э. Изард, проводя психологический анализ эмоциональных переживаний человека, связы-вает возникновение негативных переживаний с аффективной привязан-ностью любого человека к определенным объектам материального ми-ра. Утрата объекта привязанности, по его мнению, может означать для индивида не просто утрату какого-либо имущества, но и лишение ис-точника радости, любви, безопасности или чувства благополучия.

Говорить о том, что последствия преступного посягательства на собственность устраниются путем возмещения потерпевшему причи-ненного ущерба, либо компенсируются тяжестью и суровостью назна-ченного наказания, более чем несправедливо. Законодателю рано или поздно предстоит решить вопрос о гарантированном конституционном праве на защиту собственности и возмещение вреда, причиненного пре-ступлением.

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Я.В. Малышев

Показания свидетелей являются важным средством установления истины в ходе предварительного расследования и судебного разбира-тельства. В юридической литературе дискуссионным является вопрос, любые ли ложные сведения, сообщаемые свидетелем, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Еще в XIX в. дореволюционный российский ученый Н.А. Неклюдов отмечал, что при разрешении вопроса о преступности свидетельской лжи следует исходить из того предположения, что лицо, давшее такие показания, является единственным свидетелем, и его показания повлия-ли на правильное принятие решения по делу. Если же ложь не могла послужить во вред обвинению или защите даже в том случае, когда суд

положил показание данного свидетеля в основание своего решения, такая ложь должна признаваться преступной¹.

А.Т. Гужин, рассматривая вопрос о том, как отличить безвредную свидетельскую ложь от лжи, составляющей преступление, разделяет сообщаемые свидетелем сведения на три вида: сведения о фактах, характеризующих преступное деяние и деятеля; данные об отношении свидетеля к обвиняемому или подсудимому, к другим участникам процесса, к делу в целом; сведения о личности самого свидетеля. А.Т. Гужин также отмечает, что в основном важна правдивость ответов по обстоятельствам первого рода, но и здесь он признает юридически безвредную ложь².

Думается, к «юридически безвредной лжи», не влекущей уголовной ответственности, можно отнести сознательное искажение событий и фактов, от которых не зависит исход дела (например, свидетель при выяснении у него анкетных данных скрывает наличие судимости, неправильно указывает место жительства или работы и т.п.).

Таким образом, говоря о ложных показаниях, необходимо иметь в виду не все сведения, сообщаемые свидетелем при допросе, а только те показания, которые касаются предмета доказывания и имеют существенное значение для дела, в связи с чем необходимо проводить разграничение понятий «ложные показания, влекущие уголовную ответственность» и «ложные сведения, сообщенные при допросе».

По данным ИЦ УВД Томской области в 2008 г., судами г.Томска рассмотрено всего 5 уголовных дел указанной категории. Материалы указанных уголовных дел свидетельствуют о том, что заведомо ложные показания, данные свидетелями в ходе предварительного расследования и (или) судебного рассмотрения, касались исключительно обстоятельств, характеризующих событие преступления, и имели цель воспрепятствовать привлечению к уголовной ответственности своих друзей или знакомых.

Думается, следует согласиться с мнением И.М. Черных, который считает, что невозможно раз и навсегда установить единый для всех критерий отграничения преступных ложных показаний от непроступных. Этот вопрос должен в каждом конкретном случае рассматриваться судом, который, оценивая ложные показания в совокупности со всеми

---

¹ См.: Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части Русского уголовного права. Т. 4: Соккрытие истины: сокрытие своей личности, лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка. СПб., 1880. С. 117–118.

² См.: Гужин А.Т. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на советское правосудие: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1958. С. 76.

обстоятельствами дела, обязан решать, в какой степени данные ложные показания, будучи не изобличенными, могли повлиять на ход расследования или рассмотрения того дела, по которому они были даны¹.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ч. 3 ст. 195 УК РФ В СИСТЕМЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Е.В. Махно

Представляется, что состав преступления, сформулированный в ч. 3 ст. 195 УК РФ, не содержит в диспозиции признаков, дифференцирующих данную норму от других неправомерных действий при банкротстве.

Непосредственный объект преступлений, сформулированных в ч. 1–3 ст. 195 УК РФ, образуют общественные отношения, обеспечиваемые установленный законом порядок осуществления банкротства, частью которого является деятельность арбитражного управляющего и временной администрации, определяемая назначением института банкротства: «привести к возможно лучшему согласованию интересов кредиторов и несостоятельного должника»². В этом смысле любое посягательство на баланс интересов должника и кредиторов будет препятствовать выполнению соответствующими субъектами возложенных на них функций.

Содержание деяния – «незаконного воспрепятствования деятельности» законодателем в ч. 3 ст. 195 УК РФ исчерпывающе не раскрыто; среди его возможных форм названы уклонение или отказ от передачи имущества должника и документов. Названные формы незаконного воспрепятствования могут пересекаться с действиями, указанными в ч. 1 ст. 195 УК РФ (например, понятие «сокрытие» всегда предполагает и действия, связанные с фактическим непредставлением: уклонением, отказом от передачи). Исходя из целей деятельности арбитражного управляющего и временной администрации полагаем, что указанные законодателем в ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ неправомерные действия одновременно будут являться и возможными формами незаконного воспрепятствования осуществлению возложенных на них функций. Иные возможные формы незаконного воспрепятствования, как правило, также

---

¹ См.: *Черных И.М.* Ответственность за заведомо ложное показание // Советская юстиция. 1963. № 5. С. 15.

² *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000 (Сер. Классика российской цивилистики). С. 326.

конечной целью имеют уменьшение конкурсной массы и неправомерное удовлетворение требований отдельных кредиторов.

Сформулировав ч. 3 ст. 195 УК РФ по материальному типу, где понятие «крупного ущерба», как и в ч. 1–2 ст. 195 УК РФ, связывается с негативными имущественными последствиями именно для должника и его кредиторов, законодатель фактически поставил под защиту имущественные интересы последних, а не публичные функции соответствующих субъектов. Таким образом, незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации представляет общественную опасность, если его результатом является причинение крупного ущерба должнику и его кредиторам, что, прежде всего, предполагает совершение действий, сопряженных с традиционным «злостным банкротством».

Согласно ч. 3 ст. 195 УК РФ соответствующие деяния должны быть совершены в ходе внешнего управления и конкурсного производства при банкротстве юридического лица, а также когда приостановлены полномочия исполнительных органов кредитной организации и у неё отозвана лицензия на осуществление банковских операций, что предполагает наличие у должника признаков банкротства, которые, в свою очередь, могут иметь место намного раньше. Законодатель по непонятным причинам не охраняет деятельность временного и административного управляющих, чем создает возможность препятствовать их деятельности в ходе наблюдения и финансового оздоровления¹. Кроме того, из сферы применения нормы исключаются случаи банкротства индивидуальных предпринимателей и приравненных к ним КФХ.

Анализ ч. 3 ст. 195 УК РФ позволяет сказать, что это преступление в контексте других неправомерных действий при банкротстве не имеет самостоятельной уголовно-правовой природы, а является придатком других ранее сформулированных составов преступлений, поэтому вызывает сомнение обоснованность его выделения законодателем в самостоятельный состав преступления (тем более в предложенной законодателем редакции).

Не является однозначным и утверждение о специальном характере соотношения ч. 3 и ч. 1–2 ст. 195 УК РФ², поскольку в диспозициях отсутствуют четкие критерии, разграничивающие эти составы преступлений.

---

¹ См.: *Бабаева А.* Неправомерные действия при банкротстве // *Законность.* 2006. № 10. С. 59; *Туров Д.А.* Совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления, связанные с банкротством // *Российский следователь.* 2008. № 7.

² См.: *Завидов Б.Д., Селезнев А.М.* Новая редакция криминального банкротства и некоторые аспекты Постановления Конституционного суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П (комментарий новой редакции статей 195–197 УК РФ в свете нового законодательства) (Подготовлен для Системы «КонсультантПлюс», 2006).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ХАЛАТНОСТЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

С.Ю. Мелихов

В уголовном законодательстве подавляющего числа иностранных государств по-разному определяются или вообще отсутствуют нормы об ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в организациях, за ненадлежащее выполнение своих обязанностей. Взгляды на оценку общественной опасности этих деяний в странах дальнего зарубежья и в государствах бывшего СССР существенно разнятся, что объясняется относительно недавно принятым и устоявшимся законодательством бывших союзных республик, изменением их конституционного строя, формированием рыночных отношений, сделавших юридических лиц активными участниками общественной жизни. Составы преступлений такого рода присутствуют в уголовных кодексах Республики Казахстан, Украины, Латвийской, Литовской и Эстонской Республик, а из стран дальнего зарубежья, к примеру, в УК Польши и Болгарии. За рубежом законодателями используются два подхода:

- 1) закрепление в законе отдельного состава преступления (Казахстан, Латвия, Польша);
- 2) включение управленческих субъектов одновременно с представителями государства и самоуправления в понятие «должностного лица», для которого установлена уголовная ответственность за халатность на общих основаниях (Украина, Эстония, Литва, Болгария).

Формулировка ст. 232 о халатности управленческих субъектов в УК Казахстана повторяет положения УК РФ о должностной халатности. Диспозиция соответствующей ст. 197 в уголовном законе Латвии составлена неудачно в силу своей неконкретности и устанавливает ответственность за «халатное выполнение служебных обязанностей, совершенное ответственным работником предприятия». Признаки состава существенно обобщены и законодательно не раскрыты. УК Польши в ст. 296 прямо подчеркивает наказуемость неумышленных действий представителей хозяйствующих субъектов, занимающихся имущественными делами, размещая данный состав в главе «Преступления против хозяйственного оборота».

Законодатели Украины и Эстонии, входящих во вторую группу стран, излагая признаки «должностных лиц» как субъектов общего состава халатности (ст. 364 и 160 соответствующих УК), расширяют их классический перечень указанием на деятельность в учреждениях,

предприятиях и организациях любой формы собственности. Литовское законодательство (ст. 229 УК ЛР) приравнивает субъекта управленческой халатности к государственному служащему при условии выполнения первым ряда публичных функций, а также предусматривает специальную норму об ответственности за халатное ведение бухгалтерского учета (ст. 223 УК ЛР). УК Болгарии (ст. 93) чрезвычайно расширяет признаки «должностного лица» вплоть до его деятельности в общественной организации, на индивидуальном предприятии и в качестве помощника частного нотариуса.

Изучение зарубежного законодательства позволяет выделить важные требования к составу такого преступления в случае его возможного включения в УК РФ: а) очерчивание четкого круга деяний, входящих в объективную сторону, не требующего дополнительного толкования (полное или частичное неисполнение обязанностей либо некачественное их исполнение, форма выражения общественно опасных последствий и др.); б) закрепление всех юридически значимых признаков субъекта преступления, позволяющих достоверно определить перечень направлений деятельности и должностей, как подпадающих, так и не подпадающих под действие статьи (сфера деятельности субъекта, его полномочия, функции, кем они делегированы, на каком правовом основании и др.); в) однозначное определение субъективной стороны состава преступления, исключающее сомнения в форме вины правонарушителя (только ли неосторожное преступление либо предусматриваются обе формы вины; все ли виды преступного умысла либо неосторожности к нему применимы, входят ли в качестве обязательных элементов мотив и цель деяния и др.).

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ст. 134 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С НОРМАМИ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ

И.В. Потапова

В целях защиты детей от сексуальных злоупотреблений со стороны взрослых законодатель установил в ст. 134 Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК РФ) уголовную ответственность за насильственное половое сношение, мужеложство или лесбиянство, совершенные лицом, достигшим 18-летнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста.

В следственно-судебной практике нередко возникают трудности юридической оценки этого деяния, вызванные, прежде всего, недостатками уголовного законодательства. В частности, следует отметить несоответствие положений ст. 134 УК РФ о возрасте потерпевшего лица нормам Семейного кодекса РФ 1995 г. (далее – СК РФ). Так, согласно ст. 13 СК РФ в России минимальный брачный возраст составляет 16 лет, однако субъектам РФ предоставлено право своими законами определять порядок и условия, при наличии которых вступление в брак может быть разрешено в порядке исключения и при наличии особых обстоятельств до достижения возраста 16 лет. В частности, снижение брачного возраста предусмотрено законами Республики Башкортостан, Новгородской и Орловской областей¹. Следовательно, в указанных субъектах РФ сексуальные действия состоящих в браке лиц, одно из которых не достигло 16 лет, будут правомерны и не повлекут уголовную ответственность по ст. 134 УК РФ. Налицо явное противоречие норм уголовного закона положениям семейного законодательства, порождающее трудности правоприменения.

В связи с этим в целях правильного истолкования ст. 134 УК РФ, Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) 21 октября 2008 г. вынес определение, в котором разъяснил, что положения ст. 134 УК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 13 СК РФ исключают противоправность полового сношения лица, достигшего 18-летнего возраста, с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, только после регистрации их брака. Вместе с тем, как пояснил КС РФ, это не исключает право суда в каждом конкретном случае принимать решение о привлечении виновного к уголовной ответственности и назначении наказания либо об освобождении от них в порядке и по основаниям, установленным гл. 11 и 12 УК РФ².

Данная правовая позиция КС РФ представляется нам достаточно спорной и противоречивой. С одной стороны, КС РФ признает правомерность полового сношения, совершенного лицами, состоящими в браке, один из которых не достиг 16 лет, а с другой – оставляет решение этого вопроса на усмотрение суда.

Кроме того, позиция КС РФ имеет, на наш взгляд, не только интерпретационную, но и нормативную природу, поскольку фактически декриминализирует половое сношение, совершенное законными суп-

---

¹ Бакаева И.В., Стрелго В.Е. Условия заключения брака: обзор проблем // «КонсультантПлюс». Версия Проф.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 21 октября 2008 г. № 568-О-О // «КонсультантПлюс». Версия Проф.

ругами, один из которых не достиг 16 лет. Таким образом, КС РФ создает новую норму, выступая в роли законодателя. Вопрос же признания решений КС РФ источником права на сегодняшний день остается дискуссионным¹.

Для исключения произвольного применения уголовного закона, целесообразно, на наш взгляд, дополнить диспозицию ст. 134 УК РФ текстом следующего содержания: «...если эти лица не состоят между собой в установленном законом порядке браке».

Думается, такая редакция ст. 134 УК РФ не только устранил противоречивость норм уголовного и семейного законодательства, но также будет способствовать правильному и единообразному применению уголовно-правовых норм об ответственности за сексуальные посягательства в отношении детей как эффективного средства борьбы с преступностью в этой сфере.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

А.Н. Смирнов

Среди мер уголовно-правового характера, предусмотренных разделом VI УК РФ, находится субинститут возмещения причиненного вреда (ст. 104³ УК РФ). Прежнее его наименование говорило об определенном «проникновении» в уголовно-правовую «ткань» гражданско-правовых начал, так как применявшийся ранее термин «ущерб» характерен именно для цивилистической науки и практики гражданско-правового регулирования.

Возмещение вреда тесно связано с такой уголовно-правовой мерой, как конфискация имущества. Однако юридическая природа этих мер до сих пор не ясна и вызывает дискуссии. Так, по мнению И. Звечаровского, конфискация имущества не является ни наказанием, ни мерой уголовно-правового характера. Она представляет собой специальную конфискацию, предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством.

---

¹ См., например: *Ображиев К.В.* Решения Конституционного суда РФ в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2008. № 6; *Мадьярова А.В.* Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002.

ством¹. Действительно, в ст. 81 УПК РФ содержится норма о конфискации денег, ценностей и иного имущества, относящихся к вещественным доказательствам. При этом в п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ оговаривается, что «деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу». В п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК устанавливается, что предметы, не являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу, «передаются законным владельцам». Следовательно, и в отношении возмещения вреда можно посчитать, что это специальная мера уголовно-процессуальной реституции, по недоразумению законодателя попавшая в Уголовный кодекс. Но в то же время можно предположить, что возмещение ущерба – все-таки уголовно-правовая мера, порядок реализации которой определен в УПК. Положения о возмещении вреда в УК и УПК РФ звучат практически одинаково, и непонятно, где изложены основания, а где – порядок реализации названного возмещения.

Исходя из ч. 2 ст. 104³ УК РФ из стоимости имущества, подлежащего взысканию, при отсутствии у виновного иного имущества «... возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства. Непонятно только, почему вред должен возмещаться именно владельцу имущества, а не его собственнику, или в ст. 104³ УК РФ эти субъекты трактуются как синонимичные?

Возмещение вреда как иная мера уголовно-правового характера не может обладать свойствами наказания. В отечественной юридической науке сложилось представление о том, что по своему содержанию наказание есть претерпевание виновным лишений и страданий, обусловленных возмездными ограничениями его прав и законных интересов². Очевидно, что при возмещении причиненного вреда никакие законные интересы виновного пострадать не могут. Следовательно, считать возмещение вреда иной уголовно-правовой мерой более оправданно. Возникает вопрос: какой именно мерой? Если руководствоваться ч. 2 ст. 2 УК РФ, то нетрудно заметить, что по конструкции ст. 104³ УК РФ возмещение вреда лишено элемента «возмездности», а он должен быть присущим мерам уголовно-правового характера. Возмещение вреда применяется не «за» преступление, а «в связи» с его совершением. Полагаем, что данный уголовно-правовой институт имеет основание рассматриваться как мера, направленная на защиту интересов законных владельцев имущества.

---

¹ *Звечаровский И.* Понятие мер уголовно-правового характера // *Законность.* 2007. № 1. С. 21.

² *Ременсон А.Л.* Избранные труды. Томск, 2003. С. 14.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

М.А. Сутурин

Современный этап развития российского общества требует совершенствования системы уголовной ответственности. Такая ответственность должна стать более дифференцированной, гуманной и, одновременно с этим, более эффективной. Одним из перспективных направлений либерализации уголовной политики является расширение сферы применения мер, альтернативных лишению свободы. Такими мерами в Стандартах минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила») в числе прочих называется условное наказание или наказание с отсрочкой. При этом подчеркивается, что меры, альтернативные тюремному заключению, применяются не только в интересах правонарушителя, но и общества в целом.

Институт условного осуждения, существующий в законодательстве ряда государств больше века, в России действует около 90 лет. Получив с принятием УК РФ 1996 г. и УИК РФ 1997 г. статус межотраслевого, он продолжает динамично развиваться и совершенствоваться.

На сегодняшний день в рамках отечественной уголовной юстиции достаточно широко применяется практика назначения условного наказания, особенно в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Так, например, в 2007 г. на учете в УИИ состояло около 1141000 осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Из них осуждено: условно – 85,3%; к исправительным работам – 7,2%; к обязательным работам – 4,8%; к лишению занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью – 2,0%; женщин с отсрочкой отбывания наказания – 0,7%. Количество несовершеннолетних осужденных, состоявших на учете в УИИ за аналогичный период, составило 78230 человек; осужденных к обязательным работам – 54590 человек; осужденных к исправительным работам – 82678; осужденных к лишению занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью – 22670 человек; осужденных женщин с отсрочкой отбывания наказания – 7880¹.

В Иркутской области также наблюдается ситуация достаточно широкого применения условного осуждения к лишению свободы в отношении несовершеннолетних. Так, например, в 2004 г. из 2277 осужденных лиц данной возрастной категории 1599 было назначено наказание в

---

¹ Уголовно-исполнительные инспекции // Неволя. 2008. № 16. С. 28.

виде условного лишения свободы (70%). В 2005 г. эти показатели были следующими: 2052 осужденных, из них 1406 (68,5%) было назначено наказание в виде условного лишения свободы; в 2006 г. – 1687 осужденных, из них 1069 (63,3%) условно; в 2007 г. – 1982 осужденных, из них 1354 (68,3%) условно.

Несмотря на существенную реорганизацию деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2005 г. (увеличение их количества и штата), как в России в целом, так и в Иркутской области, проблематичным остается решение вопроса об эффективности контроля и надзора за условно осужденными. На практике наблюдаются сложности объективного характера в аспекте соотношения количества лиц, ежегодно приговариваемых к условному осуждению, и ресурсных (кадровых, технических, материальных, организационных и т.д.) возможностей органов, исполняющих наказания. Нередко именно неэффективность в деятельности государственных органов, в том числе уголовно-исполнительных инспекций, приводит к ситуации повторного совершения преступления несовершеннолетними, отбывающими наказание в виде условного лишения свободы.

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ПО УК РФ

А.В. Сухоносенко

В связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, определившим понятие коррупции и отнесшим к ней, наряду с другими правонарушениями, получение взятки (ст. 1), проблема исследования технико-юридических особенностей состава этого преступления остаётся весьма актуальной.

Как известно, субъект преступления – это физическое лицо, вменяемое, достигшее установленного законом возраста (ст. 19 УК РФ). Для составов преступления со специальным субъектом важно наличие (помимо вышеперечисленных) признаков, характеризующих специфику данных преступлений, что в полной мере относится и к составу получения взятки. В логическом процессе квалификации получения взятки, в частности установления признаков субъекта преступления, как правило, в первую очередь выявляются признаки специального субъекта, которые ему присущи и являются для этого состава строго обязательными, а затем уже возраст и вменяемость.

Как вытекает из уголовного закона, субъектом получения взятки по ч. 1 и 2 ст. 290 УК РФ является должностное лицо, по ч. 3 – лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а также глава органа местного самоуправления, по ч. 4 – любое из указанных в ч. 1–3 лиц. Признаки специального субъекта получения взятки раскрываются в особой норме уголовного закона – в примечании к ст. 285 УК РФ. Понятие должностных лиц содержится в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ; лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации – в п. 2 примечания к ст. 285 УК РФ; лиц, занимающих государственные должности субъектов Российской Федерации – в п. 3 примечания к ст. 285 УК РФ.

Большинство учёных, исследующих вопросы борьбы с должностными преступлениями уголовно-правовыми средствами (Б.В. Здравомыслов, Б.В. Волженкин, П.С. Яни и др.), дают исключительно толкование признаков должностного лица, лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, названных в законе. По этому же пути идёт и судебная практика. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» от 30 марта 1990 г. (в ред. от 10 февраля 2000 г.), а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. (в ред. от 6 февраля 2007 г.) даётся толкование законодательно закреплённых признаков должностного лица, лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации.

Толкование же такого обязательного признака субъекта получения взятки, как возраст, практически не встречается. Тем не менее, как уже отмечалось, это обязательный признак субъекта каждого преступления. Согласно Уголовному кодексу РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 20). За некоторые преступления, прямо названные в законе, уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Из анализа ч. 2 ст. 20 УК РФ вытекает, что ни за одно из преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, предусмотренных гл. 30 разд. X УК РФ, ответственность с четырнадцати лет не наступает. Отсюда следует только один

вывод: что возраст уголовной ответственности за названные преступления общий – с 16 лет. Но не всё так однозначно.

Изучение лишь некоторых нормативно-правовых актов, в которых содержится указание на возраст как обязательное требование к кандидату на соответствующую должность, показывает следующие особенности. Так, в соответствии с Конституцией РФ депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин РФ, достигший 21 года (п. 1 ст. 97), а судьями могут быть граждане РФ, достигшие 25 лет (ст. 119). Согласно Федеральному закону «О государственной гражданской службе РФ» от 27 июля 2004 г. (в ред. от 25 декабря 2008 г.) на гражданскую службу вправе поступать граждане РФ, достигшие возраста 18 лет (п. 1 ст. 21). В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ» от 17 января 1992 г. (в ред. от 25 декабря 2008 г.) на должности прокурора города, района, приравненных к ним прокуроров назначаются лица не моложе 25 лет; на должности прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним прокуроров назначаются лица не моложе 30 лет (п. 5 ст. 40.1). Как видим, для уяснения такого признака субъекта получение взятки, как возраст, с достижения которого наступает уголовная ответственность, необходимо обратиться к нормативным актам других отраслей права. Выявленные особенности наглядно характеризуют такой специфический инструмент законодательной техники, или способ формулирования уголовно-правового запрета, как бланкетность диспозиции. Представляется, что применительно к рассматриваемому составу преступления это более чем оправданно, что связано с процессом совершенствования нормативно-правовых актов в сфере государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, со стремлением законодателя избежать перегрузки Уголовного кодекса заимствованиями из понятийного аппарата и терминологии других отраслей права, а также для обеспечения стабильности содержания уголовного закона в целом.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХАЛАТНОСТЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.М. Тыняная

В УК РФ 1996 г. предусмотрена ответственность за халатность, которая определяется как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе. Надо сказать, что это преступление давно известно российскому уголовному праву. Изучение памятников права показывает, что ответственность за бездействие

власти и ненадлежащее выполнение служебных обязанностей появилась уже в начале XVIII в.

Так, указ 1720 г. (№ 3534) устанавливал, что «те, которые против своей должности оплошкой или вымыслом погрешат, неотменно наказаны будут»¹. В Генеральном регламенте Петра I устанавливалось наказание тем, «кто по дружбе или вражде или из взятков или других намерений, что пренебрежет, которое ему чинить надлежало»². При Екатерине II Устав благочиния, или полицейский, 1782 г. устанавливал, что «кто учинит злоупотребления должности, неисполнение должности или упущение должности, того отослать к суду»³. Наказание за бездействие власти для министров содержало и Общее учреждение министерств 1811 г. Свод законов уголовных 1832 г. в разделе «О преступлениях чиновников по службе» определял, что к таким преступлениям относится в том числе неисполнение должности и злоупотребление власти; а также ущерб казенному имуществу через небрежение, незаконное пользование, расточение и утрату. Свод законов предусматривал наказание виновного за медленность и нерадение по службе; за неисполнение указов по слабости, лености, пренебрежению своих обязанностей; бездействие, когда чиновник, «оставив власть, ему данную, небрежением своим попустит важное злоупотребление или государственный ущерб»⁴. В Уложении 1845 г. раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» начинался с главы, предусматривающей ответственность за неисполнение отдельных указов (именных или высочайших указов, указов Правительствующего Сената, других присутственных мест, предписаний или предложений надлежащих начальств) по легкомыслию и недостатку внимания⁵. Противозаконное бездействие власти Уложение 1845 г. определяло как неупотребление должностным лицом в надлежащее время всех указанных или дозволенных законами средств, коими он имел возможность предупредить или остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок. Аналогичные положения содержались в Уложениях редакции 1866, 1885 гг.

Известно, что в конце XIX в. в Российской империи была сформирована редакционная комиссия, которая разработала проект нового Уголовного уложения. Проект не содержал общей нормы о бездействии власти, а предусматривал лишь отдельные его виды (отказ в правосу-

---

¹ Уголовное уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. Преступные деяния по службе государственной и общественной. СПб., 1895. Т. 8, гл. 35. С. 101.

² Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 370.

³ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1. С. 600.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Свод законов уголовных. СПб., 1832. С. 85.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 101.

дии, небрежное исполнение своих обязанностей, попущение преступных деяний). Редакционная комиссия исходила из того, что само по себе бездействие власти является только способом для совершения преступлений, и потому указание на него равносильно указанию лишь способа, без указания самого преступного деяния. Однако это предложение не было принято законодателем, поскольку никакой перечень деяний не в состоянии был исчерпать всех видов вредоносного бездействия власти, как бы он тщательно не был составлен. Уложение, утвержденное Николаем II 22 марта 1903 г., содержало общую норму о бездействии и определяло его как непринятие служащим вопреки своей служебной обязанности мер и неученение действий, коими такой вред мог быть предупрежден или пресечен¹. В отдельных статьях Уложения приводились самостоятельные виды бездействия власти. Размеры наказаний за эти преступления варьировались в зависимости от вины и размера вреда, причиненного преступлением.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА (ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ)

С.С. Уткина

Федеральным законом № 321 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» от 30.12.2008 г. были внесены изменения в ст. 205 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за совершение террористического акта. Изменения, главным образом, коснулись квалифицированных видов состава террористического акта.

В настоящее время ч. 2 ст. 205 УК содержит три пункта. В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 205 квалифицирующим признаком террористического акта является его совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Повышенная общественная опасность в этом случае объясняется наличием соучастия. Совершение террористического акта группой лиц по предварительному сговору будет иметь место при выполнении двух условий: 1) террористический акт осуществлялся как минимум двумя соисполнителями, 2) сговор между ними состоялся до начала совершения взрыва, поджога или иных обще-

---

¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственном Совете и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 959.

опасных действий. Наличие организованной группы при совершении теракта будет в том случае, если преступление было совершено устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для проведения одного или нескольких террористических актов.

Пункт «б» ч. 2 ст. 205 предусматривает ответственность за теракт, повлекший по неосторожности смерть человека. Ранее этот квалифицирующий признак (как, впрочем, и совершение теракта организованной группой) относился к особо квалифицирующим. В п. «в» ч. 2 ст. 205 закреплен еще один новый квалифицированный состав террористического акта, повлекший причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Понимается, что имущественный ущерб может быть причинен этим преступлением как гражданам и организациям, так и государству. А под «иными тяжкими последствиями» следует понимать причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, причинение тяжкого вреда одному лицу, серьезные нарушения деятельности предприятий и организаций, вывод из строя объектов жизнеобеспечения и т.п.

Первым особо квалифицирующим признаком террористического акта в соответствии с ФЗ № 321 является его сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205). Использование этих предметов при совершении теракта резко повышает общественную опасность деяния. Поэтому правильно поступил законодатель, убрав такие квалифицирующие признаки, как «совершение террористического акта организованной группой» и «повлекшего тяжкие последствия», из разряда особо квалифицирующих. Так как степень их общественной опасности намного меньше, чем степень опасности теракта, сопряженного, например, с посягательством на объекты использования атомной энергии, или с использованием опасных химических или биологических веществ. В соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 205 УК особо квалифицированным является террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Подобное законодательное нововведение позволит теперь в случае убийства при совершении террористического акта квалифицировать действия виновных лиц не по совокупности ст. 205 и 105 УК, а только по п. «б» ч. 3 ст. 205.

Санкции, предусматривающие наказание за квалифицированные и особо квалифицированные виды теракта, законодатель оставил без изменений: «лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет» и «лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненное лишение свободы» соответственно.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОСТОРОЖНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРЬЮ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

П.С. Чупрына

Вина субъекта уголовного деяния как юридическая категория только упоминается, но не раскрывается в Уголовном кодексе ФРГ 1871 г. (в ред. от 13.11.1998 г.). Классическим считается определение вины, данное Верховным судом ФРГ, как упрека в приговоре. Субъект упрекается в том, что он поступил неправомерно, хотя имел возможность выбрать правомерную линию поведения. Вина может проявляться в форме умысла и неосторожности (точные дефиниции которых также отсутствуют в УК ФРГ). Неосторожно действует тот, кто противоправно осуществляет состав деяния, не желая этого или не зная об этом, если такое поведение может быть поставлено в упрек, то есть вменено субъекту. Неосторожность классифицируется на сознательную и неосознанную. Сознательная неосторожность налицо, если субъект хотя и знает, что совершает уголовно наказуемое деяние, но надеется, что результат не наступит. Неосознанно неосторожно действует тот, кто не предвидит, что он совершает противоправное деяние, но по обстоятельствам дела, своим способностям и знаниям должен был это предвидеть¹. В соответствии с § 223 УК ФРГ 1871 г. под тяжким телесным повреждением понимаются: потеря зрения на один или оба глаза, слуха, речи или способности к деторождению; потеря важного органа тела или невозможность длительное время пользоваться им; значительное и долговременное обезображивание; приобретение хронической болезни; парализация, приобретение душевной болезни или иные физические или умственные отклонения. Согласно § 15 УК 1871 г. наказуемо только преднамеренное действие, если закон отчетливо не предусматривает наказание за небрежное действие. Уголовная ответственность за небрежное (неосторожное) причинение телесного повреждения предусмотрена § 229 УК ФРГ 1871 г.

Уголовное законодательство США подразделяется на законодательство федеральное и штатов. В США нет федерального уголовного кодекса в его общепринятом понимании. Причинение вреда здоровью человека в законодательстве США описывается главным образом через термин «нападение» (assault), хотя в Примерном УК (§ 210.0) определяются как телесное повреждение в целом (физическая боль, болезнь

---

¹ Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М.: Новый Юрист, 1998. С. 47.

или любое ухудшение физического состояния), так и тяжкое телесное повреждение (телесное повреждение, создающее значительный риск наступления смерти или причиняющее тяжкое постоянное уродство или длительную утрату или ухудшение функций какой-либо части тела или какого-либо органа тела).

Нападение, согласно § 211.1 Примерного УК, заключается в умышленном или даже небрежном причинении телесного повреждения другому лицу, а также в угрозе непосредственным причинением тяжкого телесного повреждения. Отметим, что в российском уголовном законодательстве термин «нападение» имеет более узкий смысл – как посягательство, явно более интенсивное, чем простое причинение телесных повреждений различной степени тяжести.

В Примерном УК предлагается дифференциация нападения на простое и тяжкое (§ 211.1). Простое нападение состоит в покушении на причинение либо причинении (умышленном или неосторожном) другому лицу телесного повреждения, а также в попытке путем угрозы физическим действием внушить потерпевшему страх непосредственного причинения ему тяжкого телесного повреждения. Тяжкое нападение – это покушение на причинение или причинение тяжкого телесного повреждения, а также использование при нападении «смертоносного оружия» (любое оружие, приспособление, орудие, материал или вещество, способные причинить смерть или тяжкое телесное повреждение (§ 210.0).

Данная конструкция упразднила традиционное до того времени различие между «нападением» и «побоями»¹.

Согласно Уголовному кодексу штата Нью-Йорк США под тяжким телесным вредом понимается телесный вред, которым создается значительная угроза для жизни или которым причиняется смерть либо серьезное и длительное обезображивание, длительное ухудшение здоровья или утрата, либо ухудшение функционирования любого телесного органа в течение длительного времени. В соответствии с § 15.05 УК 1967 г. лицо действует неосторожно по отношению к результату или обстоятельствам, которые описаны законом, определяющим посягательство, если оно сознает и сознательно игнорирует значительный и неоправданный риск того, что такой результат наступит или что такие обстоятельства существуют. Под преступной небрежностью в УК 1967 г. понимается небрежное отношение лица к результату или к обстоятельствам, которые описаны законом, определяющим посягательство, если лицом не осознается значительный и неоправданный риск того, что такой результат наступит или что такие обстоятельства существуют. Сто-

---

¹ См.: Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 122.

ит заметить, что УК штата Нью-Йорк испытал значительное влияние Примерного уголовного кодекса США 1962 г., в связи с этим положения УК 1967 г. включают в себя четыре формы вины: 1) с намерением, 2) с сознанием, 3) неосторожно, 4) небрежно.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ

Л.В. Чуприна

Международные стандарты в сфере обращения с условно-досрочно освобожденными можно классифицировать по различным основаниям: по степени общности, по источникам происхождения, по степени обязательности, по территориальным масштабам действия¹. По содержанию рассматриваемые международные стандарты можно классифицировать на группы норм, регулирующих следующие отношения: назначение условно-досрочного освобождения (далее – УДО); правовое положение условно-досрочно освобожденных; режим исполнения УДО; требования к персоналу, исполняющему УДО; участие общественности в осуществлении УДО.

Основными актами, содержащими указанные стандарты, являются Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила»)², Европейские правила применения общественных (альтернативных) санкций и мер³, Рекомендация № Rec (2003)22 «Об условно-досрочном освобождении»⁴,

---

¹ Приводится общепринятая классификация международных стандартов. См.: *Уткин В.А.* Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. С. 5–7.

² Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила»): Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН, 1990 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

³ Европейские пенитенциарные правила об общественных санкциях и мерах: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 19.10.1992 г., № R(92)16 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

⁴ Об условно-досрочном освобождении: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 24.09.2003 г., № Rec (2003) 22 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

в отдельных частях Минимальные стандартные правила обращения с заключенными¹, Рекомендация № R(97)12, касающаяся персонала, занимающегося осуществлением санкций и мер², и другие.

В отношении назначения УДО действуют следующие стандарты: доступность УДО каждому заключенному; четкость, ясность и реалистичность условий применения УДО. При назначении УДО необходимо учитывать личность заключенного, его потребности с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, готовность к сотрудничеству и подчинению. Суд берет во внимание социальную и экономическую ситуацию, доступность программ ресоциализации, а также интересы защиты общества и жертвы.

Международные стандарты, касающиеся правового положения условно-досрочно освобожденных, устанавливают следующие требования: защита от дискриминации и унижающего человеческого достоинства обращения; обеспечение условно-досрочно освобожденному права на личные обращения и обжалования решений по вопросам исполнения УДО. Условно-досрочно освобожденному должны быть разъяснены обязанности, требования, последствия неисполнения обязанностей, а также оказываемая помощь.

Применительно к режиму исполнения УДО имеют значение следующие международные стандарты: ограничение объема требований к условно-досрочно освобожденному и степени контроля целями УДО; учет особенностей каждого дела при определении характера, продолжительности и интенсивности надзора; возможность корректировки характера, продолжительности и интенсивности надзора в течение испытательного срока. Последствия нарушения обязанностей должны быть дифференцированы в зависимости от того, серьезные или незначительные это нарушения; не допускается автоматическая замена УДО лишением свободы. Кроме того, международными стандартами закрепляется сочетание надзора с эффективной социальной помощью и запрещается возложение надзора на полицейские власти.

По отношению к персоналу, ответственному за исполнение решения об УДО, устанавливаются требования о наличии соответствующих лич-

---

¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, 1955 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

² О персонале, занимающемся осуществлением санкций и мер: Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(97)12 от 10.09.1997 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М., 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

ных качеств, профессиональной подготовки и практического опыта; соблюдении этических требований в отношении поднадзорных, уважении их достоинства и прав.

Поощряя участие общественности в работе с правонарушителями, международные стандарты устанавливают, что сферы, в которых добровольцы могут осуществлять надзор, должны быть определены в нормативном порядке, а возлагаемые на них обязанности должны быть соразмерны возможностям. Добровольцы обучаются выполнению обязанностей, в отношении них обеспечиваются требования безопасности.

Реализованные в российском законодательстве не в полной мере, рассматриваемые стандарты нуждаются в последовательной имплементации с учетом реально существующих условий в уголовно-исполнительной системе и обществе.

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Л.В. Цой

Вымогательство – преступление, тесно примыкающее к хищениям чужого имущества; оно имеет ряд черт, которые сближают его с двумя преступлениями – разбоем и грабежом. Отграничение вымогательства от этих преступлений является, безусловно, одним из наиболее важных и сложных вопросов. Изучив в специальной литературе существующие точки зрения различных авторов, отметим те «демаркационные» признаки, которые, на наш взгляд, могут быть использованы в качестве разграничителей вышеуказанных преступлений на практике и, в связи с этим, являются наиболее значимыми:

1. В качестве первого критерия отграничения вымогательства от грабежа и разбоя необходимо назвать *предмет преступления*. Если при грабеже и разбое это только имущество, то при вымогательстве это может быть помимо имущества право на имущество и действия имущественного характера.

2. *Предмет угрозы в преступлении*. В отличие от грабежа и разбоя в вымогательстве угроза имеет более широкий характер – угроза уничтожением или повреждением имущества, а также угроза распространением сведений, позорящих потерпевшего или его близких или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и интересам потерпевшего или его близких.

3. *Характер насилия либо угрозы ее применения.* Если при грабеже и разбое насилие или угроза его применения носят определенные формы (применение насилия, не опасного для жизни и здоровья или угроза применения такого насилия, а при разбое это насилие, опасное для жизни и здоровья либо угроза применения такого насилия), то в вымогательстве основной состав, исходя из системного рассмотрения ч. 1, 2 и 3 ст. 163 УК РФ, по своему содержанию допускает угрозу причинения потерпевшему или его близким людей любой степени тяжести вреда и даже их убийства.

4. *Способ перехода имущества от потерпевшего к преступнику.* При грабеже и разбое это изъятие, то есть переход имущества в руки преступника против воли потерпевшего, а для вымогательства характерен волевой акт со стороны потерпевшего – преступник не изымает предмет преступления у потерпевшего, а только требует передачи, подкрепляя это определенной угрозой или насилием¹.

5. *Наличие либо отсутствие непосредственного контакта между виновным и потерпевшим.* При вымогательстве в отличие от грабежа и разбоя возможен опосредованный контакт между посягающим и потерпевшим, когда угроза совершения определенных действий со стороны виновного доводится до потерпевшего путем, например, телефонного разговора либо письма.

6. *Цель насилия.* При грабеже и разбое насилие является средством завладения и удержания имущества – само насилие (либо угроза им) применяется практически одновременно с изъятием имущества, а также практически сразу после угрозы его применением². При вымогательстве же насилие – средство побуждения потерпевшего к выполнению необходимых для вымогателя действий.

7. *Наличие возможных вариантов поведения у потерпевшего в преступлении.* Если при грабеже и разбое у потерпевшего существует лишь альтернатива – защищать свои интересы в пределах своих психологических и физических возможностей либо смириться с утратой имущества, то при вымогательстве у потерпевшего в подавляющем большинстве случаев существуют варианты поведения после предъявления ему вымогательского требования (действия, которые будут препятствовать реализации угрозы, обращение в правоохранительные органы и т.д.).

---

¹ Пагарин Н.С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической и личной собственности. Алма-Ата, 1973. С. 248.

² Михайлова Г. Разграничение грабежа и вымогательства // Советская юстиция. 1990. № 16. С. 20.

О СТАТУСЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Н.В. Ахмедшина

Со времени своего возникновения в середине прошлого века продолжают дискуссии о месте виктимологии в системе научного знания: является ли она самостоятельной наукой или виктимология должна развиваться исключительно в рамках криминологии.

Одна группа ученых полагает, что виктимология является частью криминологии, представляя собой особое направление исследований, ориентированное на преимущественное изучение жертвы преступления, и в этом смысле виктимологию относят к числу частных криминологических теорий (виктимология в узком смысле слова)¹.

Вторая группа исследователей рассматривает виктимологию как часть более широкого учения о жертвах не только преступлений, но и последствий несчастных случаев, природных и техногенных катастроф, эпидемий, войн и иных вооруженных конфликтов, политических противостояний (виктимология в широком смысле слова)². С целью разграничить виктимологические аспекты преступного поведения от иных происшествий, не имеющих криминального характера, сторонники изучения виктимологии с позиций криминологии нередко добавляют к названию отрасли дополнительные термины, в результате чего название данной отрасли может быть обозначено как «криминальная виктимология», или «криминологическая виктимология». На наш взгляд, термин КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ виктимология является более предпочтительным, чем термин КРИМИНАЛЬНАЯ виктимология, так как в большей степени соответствует целям и задачам виктимологии как частной криминологической теории. Наоборот, термин «криминальная виктимология» ограничивает изучение жертв в рамках механизма преступного поведения, оставляя за пределами исследования вопросы виктимологической профилактики и законодательной защиты прав жертв преступлений.

Важно отметить, что в настоящее время существуют не только криминологические споры о названии отрасли знания, изучающей жертву

---

¹ *Квашиш В.Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М.: Изд. дом «NOTA VENЕ», 1999. С. 15; *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. С. 16–17; *Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Д. Малкова.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2008. С. 177.

² *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 123; *Криминология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «юриспруденция» / Под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей.* М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2007. С. 155.

преступления, но и о ее предмете. Одна группа авторов в качестве главного элемента предмета виктимологии называет изучение роли жертвы в механизме преступного поведения, рассматривая жертву как элемент конкретной жизненной ситуации, влияющий на поведение лица, совершающего преступление¹. Другие считают необходимым придерживаться более широкого подхода к определению предмета криминологической виктимологии, включая в него, личностные характеристики жертв преступлений, их поведенческие характеристики до, во время и после совершения преступления; виктимность, виктимизацию, виктимогенные факторы, способствующие становлению жертвы преступления с учетом характеристик ее личности и поведения; отношения и связи между жертвой и преступником; виктимологическую профилактику; прогнозирование виктимности и виктимизации².

С позиций широкого подхода к предмету виктимологии можно дать следующее определение: *Криминологическая виктимология – отрасль криминологии, занимающаяся исследованием жертв преступлений в объеме, необходимом для изучения процесса становления жертвой, состояния виктимизации, а также разработки мер виктимологической профилактики преступлений.*

Придание жертвам преступлений самостоятельной криминологической значимости, как правильно отмечает В.Е. Квашиш, помимо всего прочего, означает необходимость поставить жертву с ее законными интересами и социально-правовым статусом в центр процесса отправления правосудия, сбалансировать ее права с правами обвиняемого, всемерно способствовать возмещению ущерба и снижению тяжести последствий преступлений³.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА

В.Ш. Аюпов

Доведение до самоубийства или покушения на него занимает специфическое положение в перечне преступлений, закрепленных в гл. 16 разд. VII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

---

¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Юрид. лит., 1985. С. 180.

² Ривман Д.В. Указ. соч. С. 12–13; Криминология: Учебник для вузов. С. 177–186.

³ Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М.: Изд. дом «NOTA BENE», 1999. С. 15.

(далее – УК РФ). Данное преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, по характеру и степени общественной опасности относится к преступлениям средней тяжести, что выражено в санкции указанной статьи. Однако этим не ограничивается специфика данного деяния. По смыслу ст. 110 УК РФ потерпевший сам себе причиняет смерть в результате действий виновного – угрозы, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Учитывая специфику данного деяния, актуальным представляется вопрос о характеристике потерпевшего, который в результате действий виновного совершает самоубийство или покушение на него. Общеизвестно, что при убийстве (ст. 105–108 УК РФ) виновный совершает действия, непосредственно причиняющие смерть потерпевшему. При этом объективная сторона убийства характеризуется как действиями, которые виновный непосредственно направляет на причинение смерти потерпевшему, так и действиями виновного, в результате которых потерпевший сам причиняет себе смерть в ситуации полного отсутствия выбора иного поведения, которое не завершилось бы самоубийством потерпевшего. При доведении до самоубийства или покушения на него (ст. 110 УК РФ) у потерпевшего, и этот признак, с нашей точки зрения, является доминирующим в характеристике данного деяния, сохраняется реальная возможность выбора такого варианта поведения, который не предполагал бы самоубийства, либо покушения на него. Вопрос о криминологической характеристике потерпевшего, особенности личности которого в описанной в ст. 110 УК РФ ситуации детерминируют выбор, направленный на лишение жизни самого себя, приобретает существенное значение.

На наш взгляд, для более детального рассмотрения данного вопроса следует обратиться к виктимологическому исследованию личности потерпевшего как жертвы преступления. В юридической литературе, исходя из содержания категорий виктимности и исследования особенностей поведения жертв преступлений выделяются несколько типов жертв: агрессивные, активные, инициативные, пассивные, некритичные, нейтральные, случайные, реальные, потенциальные¹. Каждому из указанных типов присущи специфические детерминанты поведения, в результате которых они становятся жертвами преступлений. Их соотношение обусловлено категориями преступлений, жертвами которых они стали. Справедливости ради следует сказать, что указанная типология жертв не является единственной. Ряд авторов выделяют другие классификации типов жертв, акцентируя внимание на социальных стратах и

---

¹ См. напр.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.

тендерных признаках – положение в обществе, уровень доходов, пол, возраст, характер и степень зависимости от преступников¹. Тем не менее все авторы в предлагаемых классификациях типологий жертв так или иначе акцентируют внимание на психологических особенностях личности, которые способствуют, если можно так сказать, возникновению «статуса» жертвы. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 110 УК РФ, с нашей точки зрения, именно психологические особенности личности потерпевшего, о которых осведомлен виновный, имеют доминирующее значение наряду с иными общепризнанными социальными и тендерными детерминантами. Осведомленность виновного о психологических особенностях личности потерпевшего и, как следствие этой осведомленности, выбор виновным действий, направленных на достижение цели преступного деяния, выраженной в самоубийстве потерпевшего, на наш взгляд, является решающим признаком, позволяющим квалифицировать действия виновного как доведение лица до самоубийства или покушения на него. Например, виновный, желая, чтобы потерпевший сам покончил с собой, зная о его чрезмерной впечатлительности и психологической неуверенности в себе, систематически унижает его личное достоинство высказываниями, жестами, подбирая такой их набор, чтобы у потерпевшего полностью сформировалось впечатление о собственной ненужности и ошибочности его существования в этом мире, в результате чего потерпевший принимает решение покончить с собой и реализует его. Либо виновный, зная о том, что потерпевший чрезмерно труслив, не способен постоять за себя, систематически ему угрожает расправой, подкрепляя свои угрозы физическим насилием, причинением различного вреда здоровью, в результате чего потерпевший принимает решение уйти из жизни самому, «чем меня когда-нибудь убьют».

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что указанные выше и другие психологические особенности личности потерпевшего, с нашей точки зрения, имеют доминирующее значение в криминологической характеристике потерпевшего при доведении до самоубийства или покушения на него. Действия виновного, основанные на его осведомленности об особенностях личности потерпевшего, свидетельствуют о желании виновного наступления последствий в виде самоубийства потерпевшего и являются признаком, квалифицирующим совершаемое виновным деяние именно по ст. 110 УК РФ.

---

¹ См. напр.: Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: Учеб. пособие / Под ред. С.Я. Лебедева. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 70–109.

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ РЕЦИДИВ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В.В. Городнянская

Несмотря на то, что изучением постпениitenciарного рецидива преступлений занимались многие авторы (Бытко, Е.Г. Горбатовская, Е.М. Юцкова, С.Я. Лебедев, А.И. Долгова, В.Н. Бурлаков и др.), в настоящее время не выработано единого понимания данной формы рецидива. В криминологии постпениitenciарный рецидив определяется не только как уголовно-правовая категория, но и как социально-психологическое явление, что позволяет определить его как совершение нового преступления лицом после отбытия наказания в местах лишения свободы за предыдущее преступление независимо от наличия или отсутствия судимости у виновного, а также формы вины.

Границы его исследования определяются отбытием (исполнением) наказания в местах лишения свободы и истечением трехлетнего срока с момента отбытия наказания¹.

Изучая постпениitenciарный рецидив, необходимо учитывать снятые судимости до истечения срока погашения судимости, так как предыдущее преступление «является существенным для характеристики личности рецидивиста жизненным этапом»².

Исследуемый рецидив могут образовывать как умышленные, так и неосторожные преступления³, поскольку судимости за неосторожные преступления имеют существенное значение при характеристике личности рецидивиста и «смещение форм вины не может говорить об отсутствии общественной опасности личности»⁴.

Поскольку постпениitenciарный рецидив является формой рецидива, изучение которой позволяет углубить знания о личности рецидивистов, о проблемах постпениitenciарной адаптации таких лиц, о причинах и условиях рецидивной преступности, может служить одной из моделей изучения причин преступности в целом под углом выявления средовых и личностных компонентов, определяющих эту преступность,

---

¹ Постпениitenciарный рецидив подразумевает и трехлетний период, начинающийся с момента досрочного освобождения от отбывания наказания в местах лишения свободы.

² См.: *Зелинский А.Ф.* Рецидив преступлений. Структура, связи, прогнозирование. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. С. 8.

³ См.: *Зелинский А.Ф.* Указ. соч. С. 9.

⁴ Устойчивое невнимание к социальным интересам может быть не менее опасным в ряде случаев, чем сознательное их игнорирование при совершении умышленных преступлений // Предупреждение рецидива преступлений / Под ред. С.А. Елисеева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 6.

мы предполагаем наличие специфического объема элементов, необходимого при исследовании данной категории в криминологии.

Во-первых, согласно проведенным исследованиям, основной массив (87–93%) рецидивных преступлений приходится на первые три года после отбытия наказания¹. Представляется очевидным, что постпенитенциарный рецидив отличается такими структурными связями², которые служат основанием для появления причин повторения преступлений и являются необходимыми элементами при изучении постпенитенциарной преступности в криминологии.

Во-вторых, объектом изучения криминологии является личность рецидивиста, особенности ее типологизации. В этой связи личность постпенитенциарного рецидивиста всегда должна рассматриваться как основание связи преступлений в рецидиве.

В-третьих, большое значение имеют внешние условия (среда, в которой пребывает лицо как в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы, так и после освобождения из мест лишения свободы) и их влияние на формирование поведения личности постпенитенциарного рецидивиста.

Комплексное изучение вышеназванных элементов постпенитенциарной преступности необходимо для решения криминологических задач по предупреждению постпенитенциарной преступности.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН-ПРЕСТУПНИЦ

К.А. Демина

Особое внимание при характеристике личности женщины-преступницы следует уделять ее нравственно-психологическому аспекту.

Нравственно-психологическая характеристика личности женщины-преступницы выражает ее отношение к обществу в целом, к принятым в нем ценностям и одобряемым социальным ролям³. Основа указанной

---

¹ См.: *Тараленко К.Н.* Рецидивная преступность среди условно-осужденных несовершеннолетних и ее предупреждение / Под ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2005. С. 43.

² Показатели постпенитенциарной преступности классифицируются в зависимости от тяжести совершенных преступлений, их социальной направленности и характеру мотивации, соотношения характера предыдущих и новых преступлений, способа совершения преступления, количества судимостей (или применения мер, их заменяющих), интенсивности рецидива, вида наказания (заменяющих мер), примененного к осужденному лицу.

³ См.: *Прокументов Л.М.* Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. Томск, 2006. С. 24.

характеристики – мотивационная сфера личности. Данное положение обусловлено тем, что мотив является главной детерминантой преступления. Он определяет потребности личности и стимулирует ее противоправное поведение¹.

Мотивационная сфера среднестатистической преступницы серьезно отличается от мотивационной сферы среднестатистической законопослушной женщины. Основные особенности мотивационной сферы женщины-преступницы состоят в следующем.

Во-первых, мотивы женщин, совершивших уголовно наказуемые посягательства, обычно существенно беднее по содержанию, уже по кругу и асоциальны по сущности. Преступницы преимущественно стремятся к удовлетворению скорее материально-биологических, нежели культурных и духовных потребностей. Асоциальность мотивов женщин, совершающих уголовно-наказуемые деяния, проявляется в порочности самих мотивов (корысть, хулиганские и т.п.), а также в стремлении некоторых из указанных женщин к различным видам социально отклоняющегося поведения (пьянству, наркотизму и т.п.).

Во-вторых, женщинам, совершающим противоправные посягательства, свойственна деформация иерархической структуры потенциальных побуждений: доминирование материальных потребностей над духовными, личных над общественными и т. п.

В-третьих, для большинства преступниц характерно отсутствие устойчивых ориентаций личности, их изменение и искажение под влиянием сложившихся обстоятельств².

Рассмотрение конкретных мотивов/целей, обуславливающих преступное поведение женщин, позволило выявить, что наиболее часто они совершают уголовно-наказуемые деяния из корыстных побуждений.

Удельный вес женщин, руководствующихся указанным мотивом, в общем количестве женщин-преступниц достаточно стабилен. В период с 2002 по 2007 г. в Томской области 55–65% от общего числа преступниц совершили уголовно наказуемые деяния именно исходя из корыстных побуждений.

Также велика доля женщин, совершивших преступления из-за ссоры или из-за иных бытовых причин. Причем если за последние пять лет в Томской области удельный вес женщин, преступивших закон из коры-

---

¹ См.: *Антоян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996 С. 52–53; *Кудрявцев С.В.* Конфликт и насильственное преступление. М., 1991. С. 9–14; *Зелинский А.Ф.* Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 17–19.

² См.: *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть: Учеб. пособие. Красноярск, 1997. С. 106–107; *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 114–116, 130–134.

стных побуждений, уменьшился (на 3,26%), то доля преступниц, совершивших противоправные деяния из-за ссоры или из-за иных бытовых причин, значительно увеличилась. В первом случае она возросла более чем в 1,4 раза, а во втором – в 2,2 раза. Следует отметить, что для женщин в принципе характерно совершение преступлений в бытовой, семейной сфере. При этом потерпевшим в таком случае чаще всего выступает мужчина, с которым она состоит в близких, интимных отношениях, – муж, сожитель, любовник.

Помимо указанных, для женщин-преступниц также наиболее характерны следующие мотивы/цели совершения уголовно-наказуемых деяний: в целях приобретения наркотических средств, в целях сбыта, в целях сокрытия доходов и иных объектов налогообложения, по мотивам ревности, из-за личной заинтересованности иного характера.

В то же время женщинам-преступницам не свойственно совершение уголовно противоправных деяний в целях завладения грузом или взрывными устройствами, а также по мотивам расовой, национальной, религиозной, идеологической, политической вражды, ненависти или мести.

По нашему мнению, анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что мотивы/цели совершения преступлений у женщин достаточно разнообразны и обусловлены особенностями их мотивационной сферы.

ПРЕВЕНЦИЯ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПРАВОПОРЯДКА

С.А. Капитонов

Как юридическая категория превенция чаще связывается с феноменом наказания, существующего, помимо прочего, и для того, чтобы уберечь человека от правонарушения, способного причинить значимый в масштабах нашего общества вред. Можно сказать, что это одно из проявлений публичности. Тем самым предполагается, что публичность внутри каждого из нас способна проявляться как осознание допустимости получения личной пользы, не вредящей другой личности или обществу, и допустимости получения общественной пользы, не вредящей никакой личности. Имманентно предполагаемые в таком контексте угроза наказания и возможность принуждения предопределяют необходимость сложного и квалифицированного предварительного судебного разбирательства. И, вот в чем главный парадокс – уже причиненного вреда.

Вместе с тем имеют право на существование юридические конструкции, в которых превенция оказывается вовсе не связанной с угрозой наказания и возможностью принуждения. Речь идет о том, что она может проявляться в качестве условия, защищающего человека от возможности причинения вреда самому себе или другим. В качестве примера такого проявления превенции можно привести техническое устройство в виде стальных щитов, поднимающихся автоматически на железнодорожном переезде в момент включения запрещающего проезд сигнала и исключающих, таким образом его чреватое наступлением вреда преодоление.

В том же качестве превенция может проявляться как тестовое выявление особенностей человека, исключающих для него возможность заниматься определенной деятельностью. Правда, при условии, что база данных, положенная в основу теста, будет отражать реальную практику, а сама обстановка теста будет максимально точно воспроизводить модель предполагаемой деятельности. Такому испытанию можно подвергать, например, будущих автолюбителей.

Превенция может проявляться и как обоснованное технически и практически упрощение алгоритма выбираемой деятельности, с тем чтобы снизить вероятность наступления вреда в процессе ее осуществления.

Во всех приведенных случаях превенция не выступает атрибутом наказания, поскольку ни принуждение, ни устрашение, а, следовательно, но, и ущемление с такой конструкцией юридически не связаны.

С предлагаемых позиций заключение о невозможности заниматься определенной деятельностью выглядит как превенция, направленная на то, чтобы уберечь данного человека от причинения вреда не только другим, но и самому себе. Имеет смысл подчеркнуть, что реализуется она до наступления вреда. Поэтому такое решение не требует никакого судебного вмешательства, может периодически подтверждаться или перепроверяться, а, в ряде случаев, может быть бессрочным.

Гарантия юридической безупречности такого решения – профессионально организованные условия тестирования, основанные на адекватно обобщенном прошлом опыте. А преимущества – обеспечение возможности концентрации всех ситуаций, выявляющих способности человека к определенной деятельности и адаптации такого теста к любым индивидуальным особенностям человека.

В такой постановке публичность способна проявить себя наиболее полно. Прежде всего, как внутренняя обязанность человека отдавать отчет своим действиям, с тем чтобы предупредить возможность наступления значимого для общества вреда. Определяемая таким образом публичность может рассматриваться как организационная предпосылка (техническое условие) обеспечения правопорядка.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д.В. Карелин

Под применением принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) следует понимать их назначение и исполнение.

Согласно проведенному нами исследованию применения ПМВВ к несовершеннолетним в связи с освобождением от уголовной ответственности судами Томской области в 2007 г. и первой половине 2008 г., практика их назначения носит фактически единичный характер (что соответствует общероссийской статистике) и вряд ли может быть признана удовлетворительной.

Причины такого состояния дел носят субъективно-объективный характер. Первые из них обусловлены несовершенством законодательных предписаний, а вторые – нежеланием применять данные меры и как следствие, отсутствием практических навыков их применения. Проблемы применения ПМВВ на стадии их исполнения генетически связаны с первой стадией (назначением) и во многом зависят от вынесенного постановления суда, а также дополняются проблемами в деятельности субъектов, на которые возложен контроль за исполнением несовершеннолетним соответствующей ПМВВ.

Остановимся на характеристике типичных ошибок, выявленных нами при изучении 34 уголовных дел.

В уголовных делах отсутствует обоснование назначения конкретно вида ПМВВ. Полагаем, что положительные характеристики с места учебы и жительства, не постановка на учет в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН), подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН ОВД) до совершения преступления, не являются обстоятельствами достаточными и свидетельствующими о том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения к нему именно ПМВВ. Данный вывод должен основываться на анализе более широко круга обстоятельств.

В ряде случаев, судами не указывался срок, на который назначается ПМВВ, а это существенно (Северский городской суд); либо, срок, на который назначаются ПМВВ, не соответствует предписаниям п. 3 ст. 90 УК РФ (в зависимости от категории тяжести преступления)

При ограничении досуга в виде запрета находиться вне дома суды зачастую, указывая начальное время (с 23.00, с 22.00), «забывали» указывать время, до которого должно действовать такое ограничение.

Несмотря на то, что перечень мер ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего является

открытым, назначение иных мер/предписаний должно соответствовать критериям «исполнимости» и «контролируемости». В противном случае они останутся декларативными. Примером может служить требование «не появляться в нетрезвом виде в общественных местах». Хотя понятно, что суд скорее всего имел в виду «состояние опьянения», появление в котором влечет административную ответственность как для несовершеннолетнего, так и для его родителей.

При назначении «предупреждения» встречается формулировка: «контроль за поведением несовершеннолетнего возложить на ... (ФИО)». В то время как «осуществление контроля за поведением несовершеннолетнего составляет содержание такой меры, как передача под надзор». Поэтому нужно четко указывать: «Применить к несовершеннолетнему ПМВВ в виде передачи под надзор и возложить обязанность по контролю за его поведением на ... (ФИО). Потому что контроль и индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетним и так возлагается в силу закона на ПДН.

Представляется, что недопустимо возлагать контроль за исправлением несовершеннолетнего на его мать (Верхнечетский район). Во-первых, потому, что в законе сказано «контроль за поведением», а не «за исправлением», а во-вторых, на родителях обязанность по воспитанию возложена в силу закона.

При вынесении ПМВВ в виде «обязанности загладить вред», судами не указано: как и каким образом, в какой срок это необходимо сделать. В то время как данная мера должна назначаться с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков (Колпашево).

При передаче под надзор несовершеннолетнего нарушается требование закона о передаче «родителю либо лицу, его заменяющему». Понятие такого лица дает Семейный кодекс РФ. Передавать под надзор «сестре, которая фактически воспитывает брата», в силу буквального толкования закона не представляется возможным. В таких случаях, как минимум должны иметься постановление об опеке, письменное ходатайство от лица, заинтересованного в дальнейшей судьбе ребенка, и, кроме того, должно быть установлено наличие фактической возможности осуществлять контроль за его поведением.

К сожалению, встречаются и так называемые технические ошибки. В сопроводительных письмах на имя прокурора Томской области, принудительные меры, применяемые к несовершеннолетним, именуются мерами воспитательного характера (терминология УК РСФСР 1960 г.), а не воспитательного воздействия. Это еще раз подтверждает тезис об инерционности профессионального сознания судей.

Учитывая изложенное, представляется необходимым в ближайшее время принять дополнения к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», либо (что более предпочтительно) принять постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения судами принудительных мер воспитательного воздействия» в целях комплексного толкования и разъяснения сложившихся в правоприменительной практике проблемных (уголовно-процессуальных, уголовно- и административно-правовых) вопросов назначения и исполнения ПМВВ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ обратить внимание нижестоящих судов на необходимость более тщательно обосновывать (мотивировать) применение той или иной ПМВВ, оценивать возможность ее контролируемости и исполнимости в соответствии с фактическими обстоятельствами дела. Предложить нижестоящим судам, в тех случаях, когда назначаются меры, которые могут быть систематически не исполнены, в тексте постановления разъяснять последствия такого неисполнения (в виде отмены этих мер и привлечения к уголовной ответственности). Это необходимо для того, чтобы, с одной стороны, у несовершеннолетнего не возникало ощущение фактической безнаказанности (как это часто бывает при условном осуждении), а с другой – для уяснения того, что ПМВВ – это не наказание и не мера уголовной ответственности, а меры, альтернативные им. Эти меры по своей сущности являются воспитательными и специально-профилактическими, направленными на дальнейшую позитивную социализацию несовершеннолетнего. Полагаем, что предложенное позволит положительно повлиять на эффективность применения ПМВВ.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО- КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О КОРРУПЦИИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В.В. Ковалев

Согласно социологическим исследованиям¹ система образования лидирует среди сфер деятельности, где наиболее распространена коррупция. Более того, россияне считают коррупцию в образовании одной из острейших проблем современного общества.

---

¹ Программа административной реформы Томской области на 2005–2008 годы. Распоряжение Губернатора Томской области от 17.07.2007 № 365-р. Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Чтобы определить уровень и структуру восприятия коррупции в высших учебных заведениях города Томска, выявить детерминанты, осветить установки населения применительно к коррупции в сфере высшего профессионального образования, проанализировать особенности коррупционных практик, разработать рекомендации по предупреждению коррупции в учреждениях высшего профессионального образования (далее – УВПО), необходима программа как основа исследования по сбору, обработке и анализу информации.

Программа любого социально-криминологического исследования включает следующие элементы: постановка проблемы, определение объекта и предмета исследования; описание целей и задач исследования; интерпретация основных понятий, формулировка рабочих гипотез, описание метода сбора данных, описание анализа данных.

Правильное определение объекта имеет важное теоретическое и практическое значение, в частности объект социально-криминологического исследования во многом определяет выбор конкретных методов, позволяющих найти наиболее адекватные механизмы разрешения проблемы. Объектом исследования выступают общественные отношения, обеспечивающие законные интересы обучающихся в высших учебных заведениях, включая порядок поступления и прохождения образовательного процесса. По большей части это отношения между студентом и преподавателем в рамках образовательного процесса высших учебных заведений.

Предметом социально-криминологического исследования выступает коррупция в образовательном процессе высших профессиональных учебных заведений, рассматриваемая в двух аспектах: как часть целого – элемент общей системы с присущими ей общими чертами коррупции и как целое, состоящее из частей и представляющее собой:

– подкуп (получение или дача взятки), любое *противоправное* использование *служебных полномочий*, либо возможностей авторитета официального статуса в процессе приема, обучения, итоговых аттестаций, связанных с констатацией достижений, установленных государством образовательных уровней, а также при переводе на другую форму обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования;

– использование лицом своих служебных полномочий, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам гражданина (обучающегося), общества и государства.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е.В. Коломийченко

Рост детской и подростковой беспризорности и преступности в настоящее время превращается в серьезную государственную и общественную проблему. Масштабы преступности несовершеннолетних, неблагоприятные тенденции ее динамики, качественное изменение показателей преступности как в Республике Башкортостан, так и в Российской Федерации в целом свидетельствуют о том, что проводимые профилактические меры не всегда эффективны, о чем свидетельствуют статистические данные информационных центров министерства внутренних дел. Наиболее существенно эти изменения проявляются в крупных городах, к которым относится и Уфа.

По данным проведенного исследования, в городе, как правило, раньше, чем где-либо, зарождаются и формируются новые явления социального характера, экономические и политические отношения, которые меняют картину преступности в целом, в том числе и преступность несовершеннолетних. В связи с этим именно предупреждение преступности несовершеннолетних является одной из важнейших задач и одновременно составным звеном системы ювенальной юстиции. При этом наиболее эффективной и действенной признается раннее предупреждение преступных проявлений несовершеннолетних.

Республика Башкортостан относится к регионам с низко-средним коэффициентом пораженности несовершеннолетних (коэффициент пораженности равен 1456). Средний коэффициент несовершеннолетних преступников в расчете на 100000 несовершеннолетнего населения по РФ составляет 2029,4. В 2007 г. в Уфе несовершеннолетними и при их участии совершено 582 преступления, в 2006 г. – 607 преступлений, в 2005 г. – 638 преступлений, в 2004 г. – 642 преступления, в 2003 г. – 643 преступления, в 2002 г. – 753 преступления, в 2001 г. – 852 преступления, в 2000 г. – 837 преступлений.

С 2000 по 2007 г. по районам города наблюдается снижение преступности несовершеннолетних, за исключением Калининского района. В среднем по Уфе преступность несовершеннолетних снизилась на 30,47%, в частности в Демском (-55,74%), Ленинском (-41,67%), Октябрьском (-42,68%) и Советском (-54,9%) районах. Хотя показатели несовершеннолетней преступности и свидетельствуют о ее снижении, необходимо отметить, что она является наиболее латентным видом преступности. Так, по оценкам специалистов, распространенность преступ-

лений, совершаемых несовершеннолетними, в несколько раз превышает ее зарегистрированную часть¹. Такая преступность остается за пределами статистического учета и правового реагирования.

Данные обстоятельства позволяют сделать вывод, что проблема преступности несовершеннолетних продолжает оставаться достаточно актуальной.

Основным нормативным актом, регулирующим профилактику преступности несовершеннолетних, является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»². В соответствии с этим законом в стране складывается вся система профилактики.

В целях повышения эффективности деятельности, направленной на профилактику преступности несовершеннолетних, необходимо расширять сеть социозащитных учреждений для детей и подростков, особенно освободившихся из мест лишения свободы, создавать и квотировать рабочие места, расширять сеть подростковых клубов.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ОРГАНИЗОВАННОГО КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.В. Корнилов

Остановимся на некоторых аспектах понимания детерминант³ организованного коррупционного⁴ преступного поведения.

1. Необходимо различать причины коррупции и коррупционного преступного поведения. Причины коррупции – это совокупность социальных явлений и процессов, которые во взаимодействии с обстоятельствами, играющими роль условий, детерминируют существование коррупции как социального явления. Причины коррупции носят объективный характер, они определяются наличием в обществе социально-экономических, политических, правовых, морально-нравственных и иных проблем, конфликтов. К ним можно отнести высокий уровень социальной контрастности современного общества⁵, низкую доходность

---

¹ См.: Ермаков В.Д., Крюкова Н.И. Несовершеннолетние преступники в России. М., 1998. С. 16.

² СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; Там же. 2001. № 3. Ст. 216.

³ От лат. *determinare* – определять, обуславливать.

⁴ От лат. *corruptio* – подкуп, подкупность и продажность. Коррумтировать – от лат. *corruptare* – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами.

⁵ В современной России децильный коэффициент (соотношение по доходам 10% богатого с 10% бедного населения) составляет 1 к 15–25 (в США – 1 к 14), в Москве самый

трудовой деятельности большей части населения, слабую позитивную заинтересованность в происходящем, безнаказанность коррупционной деятельности должностных лиц (детерминирующую организованную составляющую посредством сращивания общеуголовных преступников с лицами, наделенными властными полномочиями), деформацию морально-нравственного сознания значительной части населения (признание возможности решить свои проблемы коррупционным путем), недостатки правового регулирования деятельности по противодействию коррупции.

Причины коррупционного преступного поведения по содержанию носят социально-психологический характер. Они могут быть объективно-субъективными или субъективными, в зависимости от уровня детерминации коррупционного поведения: группового либо индивидуального.

2. Причины коррупции и коррупционного преступного поведения могут быть исследованы на трех уровнях: общесоциальном, групповом и индивидуальном.

На общесоциальном уровне речь идет о детерминации коррупции как явления. Говоря о коррупционном поведении, мы можем выделить групповой (группа лиц по предварительному сговору либо организованная группа) и индивидуальный уровни его детерминации (например, детерминация дачи взятки водителем транспортного средства инспектору ГИБДД).

3. На социально-психологическом уровне детерминации коррупционного криминального проявления рассматриваются малые социальные группы (группы лиц по предварительному сговору, организованные группы, преступные сообщества), в которых протекала деятельность корруптера (активный участник преступного формирования, подкупающий должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в организации независимо от формы собственности) и корруппанта (лицо, которое подкупают). Процесс детерминации носит объективно-субъективный характер, так как малым социальным группам объективно присущи социальные связи и отношения между участниками, процесс субъективного формирования криминальной коррупционной мотивации предопределяется наличием таких связей и отношений как внутри преступной группы, так и во внешней социальной среде.

4. Малые социальные группы могут быть, во-первых, той средой, в которой формируется личность лица, совершившего коррупционное

напряженный 1 к 56–75 (в Германии он составляет 7, в Китае – 3). Тогда как, для того чтобы поддерживать какое-то равновесие в обществе, его социальную безопасность, коэффициент не должен быть больше 10. Андрианов В.В. Культура толерантности как универсальная культура является мостом для диалога // Официальный сайт Правительства Москвы: www.mos.ru

преступление либо их совокупность; во-вторых, источником формирования и реализации коррупционной мотивации у ее членов; в-третьих, формой социального контроля за поведением коррупционеров со стороны активных участников преступного формирования.

5. Особое внимание в данном случае обращается на социальные роли и позиции личности в малых группах, на содержание и направленность (позитивную, социально нейтральную или негативную) совместной преступной деятельности участников малых групп, на характер ценностных ориентаций и эмоциональные связи их участников.

6. При исследовании причин коррупционного поведения на личностном уровне особое внимание обращается на весь спектр нравственно-психологических качеств личности корруптера (лицо, дающее взятку), прежде всего на мотивы коррупционного поведения (преобладает мотивация самоутверждения в сфере материальных отношений), процесс мотивации, мотивировку, все это наряду с поведением корруппанта (подкупаемым должностным лицом) обуславливает криминальное коррупционное поведение.

7. Исследование группового и индивидуального коррупционного поведения невозможно без рассмотрения криминогенной (первичной) либо криминальной (вторичной, устойчивой) мотивации как ближайшей и непосредственной психологической детерминанты. Коррупционное поведение нельзя объяснить только объективными противоречиями общественного развития. Необходим анализ субъективного элемента. Учение о мотивации выступает в качестве конкретизации учения о детерминации, так как явления социальной среды становятся мотивоопределяющими побудителями поведения, только преломившись в сознании личности. Мотивация есть психическая реальность. Мотивационный этап предшествует практическому осуществлению коррупционного поведения. Наличие мотивации является необходимым условием внутренней психологической подготовки действия или воздержания от него.

НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ СПЕЦШКОЛЫ ОТКРЫТОГО ТИПА

С.Н. Михайлова

В Федеральном законе РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определены задачи и функции учебно-воспитательных учреждений открытого типа.

В соответствии с законом базовой задачей указанных образовательных учреждений является осуществление **профилактической работы с**

несовершеннолетними, направленной на формирование их законопослушного поведения. В этой связи представляется, что основными критериями оценки качества работы образовательных учреждений данного типа являются поведение несовершеннолетних как во время пребывания в них, так и после окончания / выбытия, отсутствие новых правонарушений, преступлений, деяний, содержащих их признаки.

Нами было проведено исследование в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа «Александровская общеобразовательная школа детей и подростков с девиантным поведением», которое показало следующее:

1. Эффективность воспитательной работы Школы является низкой, о чем свидетельствует число совершаемых учащимися побегов из Школы – каждый третий учащийся хотя бы раз в учебном году самовольно покидает Школу. То есть жизнь в Школе не является для подростков интересной, и они предпочитают самовольно, с риском добираться домой.

2. Показательной является и доля лиц, совершивших за время пребывания в Школе нарушение норм административного и уголовного права. Она превышает аналогичный показатель обычных общеобразовательных школ минимум в 2,5 раза и составляет в среднем 4,3% от общего числа учащихся (из них за все время работы школы совершили правонарушение, преступление несовершеннолетние из Томского района – 4,5%, г. Томска – 7,0%, г. Северска – 4,8%). Более 4,3 % несовершеннолетних, обучавшихся в Школе, совершили преступления во время обучения в ней.

3. Педагогический персонал Школы в подавляющем большинстве случаев не имеет специальной подготовки для работы с находящимися в ней детьми, что во многом объясняется удаленностью Школы от областного центра и сложностью набора более квалифицированного персонала. Так, учителя Школы проходят курсы повышения квалификации по методике преподавания конкретных дисциплин (без учета специфики контингента), воспитатели – по курсу «Организация работы по социально-правовому и гражданскому воспитанию детей и подростков».

4. Оборудование Школы, учебно-воспитательная программа должны в обязательном порядке учитывать специфику несовершеннолетних, которая неоднократно отмечалась массой исследователей и также подтверждается данными проведенного опроса – у подростков должны быть соответствующие условия для занятий различными видами спорта, физическим трудом, связанным с обработкой различных материалов и поверхностей (столярное, слесарное дело и т.п.), освоением навыков управления автомобилем и др.;

5. Слабо проработаны локальные акты, в том числе в части дисциплинарной ответственности учащихся Школы.

В целом можно говорить о том, что Школа плохо реализует задачи, сформулированные в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Это проявляется не только в слабой организации психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних, но и в недостаточной проработанности мер по реализации специальных методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних.

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

С.С. Надмитов

Личность преступника всегда была одной из центральных проблем наук криминального профиля и, прежде всего, криминологии¹.

Уголовный кодекс РФ не раскрывает понятия «преступник», «личность преступника», «личность несовершеннолетнего имущественного преступника». Однако уголовный закон дает возможность установить признаки субъекта преступления и несовершеннолетнего лица. Признаки субъекта преступления необходимы, поскольку носителем личности преступника может быть только человек, который обладает таким важнейшим правовым признаком, как состояние с государством в уголовно-правовых отношениях². Пока преступление не совершено, никто не может рассматриваться в качестве личности преступника³. В то же время нельзя забывать, «что правильнее говорить не о личности преступника, а о личности лица, совершившего преступление, поскольку нет социально-типичных свойств личности, отличающих преступника от законопослушного гражданина»⁴. Этой же позиции придерживаются В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов⁵.

Понятие «личность преступника» более широкое, чем понятие «субъект преступления». Оно как бы поглощает признаки субъекта преступления и включает в орбиту своих интересов не только правовые, но

---

¹ Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 150.

² *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 95.

³ *Сахаров А.Б.* Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 15.

⁴ *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть. Томск, 2007. С. 100.

⁵ Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 21.

и социальные признаки индивида¹. Правовой признак личности несовершеннолетнего преступника закреплен в ст. 87 УК РФ, указывающей, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Как показывает изучение судебной практики, из преступлений против собственности (имущественных преступлений) несовершеннолетними чаще всего совершаются хищения чужого имущества: кражи, грабежи, мошенничество, присвоение и растрата, разбой – по одним данным 85–87,5%², по другим – 80%³. Перечисленные преступления по мотиву их совершения относятся к корыстным преступлениям. Однако, как отметил С.А. Елисеев, понятие «имущественное преступление» более узкое, нежели понятие «корыстное преступление». Последнее значительно шире по своему содержанию, оно обозначает любые преступления с корыстной мотивацией (как имущественные, так и неимущественные)⁴.

К неправовым признакам относятся социально-демографические и нравственно-психологические признаки личности. Имущественная преступность несовершеннолетних – это преимущественно мужская преступность, совершаемая лицами в возрасте 16–18 лет. Большинство из них учились в образовательных учреждениях и воспитывались в неполных семьях. Особенности нравственно-психологической стороны личности несовершеннолетнего имущественного преступника проявляются в групповом характере преступной деятельности и мотивах преступления. Л.М. Прокументов объясняет совершение несовершеннолетними преступлений в группе их недостаточной решимостью сделать то же самое в одиночку⁵. Кроме того, несовершеннолетний значительную часть времени проводит в кругу своих сверстников, друзей, от которых он ждет поддержки своим поступкам. По данным С.А. Елисеева и Л.М. Прокументова, 18,5% юношей и 36% девушек совершали преступления по типично «взрослому» корыстному мотиву⁶, другие – по мотивам лжетоварищества, самоутверждения и т.п. По моим исследованиям, эта тенденция сохраняется.

---

¹ Личность преступника. М., 1975. С. 22–23.

² Расследования преступлений несовершеннолетних / Н.М. Букаев и др. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 23.

³ Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 474.

⁴ Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 31.

⁵ Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. С. 28.

⁶ Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск, 1991. С. 80.

В то же время нужно сказать о различиях между девушками-воровками и юношами, совершающими имущественные преступления. Девушки более осторожны и законопослушны, чем юноши, у девушек меньше процент повторности совершения преступлений. По данным исследования Л.Н. Залимской, девушки более склонны осознавать себя в качестве положительных, социально желательных личностей. Они оценивают себя более доброжелательными, добросовестными, отзывчивыми¹.

В то же время у девушек выше процент совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения, находясь в котором, им, видимо, легче нарушить закон, морально-нравственные установки и совершить преступление.

МОШЕННИЧЕСТВА НА ФИНАНСОВОМ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКАХ

И.А. Никитина

Переход к рыночным отношениям и провозглашение Конституцией РФ равенства всех форм собственности привели к появлению и функционированию в финансовой системе и потребительском рынке экономических субъектов различных организационно-правовых форм. По сравнению с ранее действующими экономическими образованиями новым структурам свойственны другой правовой режим функционирования, другие принципы регулирования финансово-хозяйственной деятельности.

Современные способы мошенничества стали более изощренными, совершаются не в традиционных формах и имеют некоторые особенности:

1. Мошенники для прикрытия своей противоправной деятельности используют организационно-правовые формы, которые регламентированы соответствующими нормативными актами, т.е. разрешены российским законодательством.

2. Для обмана граждан мошенники могут использовать телевидение, радио, газеты, различные рекламные проспекты и т.д. Это создает в сознании граждан уверенность в официальной деятельности рекламируемых структур.

Для установления истинной деятельности таких структур необходимо проанализировать их экономические показатели за определенный период, дать оценку размерам уплаченных налогов и иных платежей в бюджет, изучить движение денежных средств по расчетному счету, а также имидж структуры в деловом мире. Установление иллюзорной

---

¹ См.: Михайлова В.П., Корытченкова Н.И., Александрова Л.А. Юридическая психология: Учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 96.

деятельности таких образований будет свидетельствовать об истинных намерениях их руководителей.

3. Мошенники, действовавшие как в финансовой системе, так и на потребительском рынке, для противоправного изъятия денежных средств создавали однодневные или кратковременные (3–5 дней) структуры (предприятия) и открывали для них расчетные счета в коммерческих банках, на которые затем перечисляли денежные средства, предназначенные для обналичивания и хищения.

Если такие однодневные структуры образуются в тех местах, где слабо развита предпринимательская деятельность и, следовательно, их образование не является необходимым, то это может свидетельствовать об их фиктивности. Для подтверждения этого факта необходимо проанализировать финансово-хозяйственную деятельность созданной структуры. При этом если такая деятельность не ведется, а в штате зарегистрированы только руководитель и бухгалтер, то это может свидетельствовать о возможности использования структуры в преступных целях.

4. Лица, совершившие мошенничество под видом предпринимателей, в большинстве случаев на соответствующем уровне владеют знаниями в области экономики, финансов, бухгалтерского учета, банковского дела, а также навыками в оптово-розничной торговле, посреднической и других видах деятельности. Это позволяет им действовать как предпринимателям и, следовательно, многим из них длительное время оставаться не разоблаченными, а значит, и не быть привлеченными к уголовной ответственности на стадии покушения на мошенничество.

5. Предпринимательская деятельность рыночных структур регламентируется большим количеством нормативных актов, которые часто изменяются, а многие из них даже противоречат друг другу.

6. Преступники, прежде чем совершить мошенничество при осуществлении предпринимательской деятельности, изучают финансовый и потребительский рынки с целью выявления сложившейся там конъюнктуры, а порой непродуманной и недальновидной экономической политики. Давая оценку сложившейся ситуации, мошенники учитывают также состояние и недостатки финансового контроля со стороны государства и местных органов власти и управления за деятельностью структур.

7. Денежными средствами или товарно-материальными ценностями граждан и юридических лиц мошенники завладевают под видом заключения различных хозяйственных договоров, что не вызывает у первых подозрений в незаконности совершаемых действий.

Зная эти особенности, работники правоохранительных органов, ведущие борьбу с этими преступлениями, должны направлять свои усилия на пресечение противоправных действий мошенников.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 127.2 УК РФ
(ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА)
ПО МАТЕРИАЛАМ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Е.В. Опалич

В России накоплен первый опыт применения ст. 127.2 УК РФ. Применение рабского труда нетипично для криминологической характеристики Сибири. Жертвами данного преступления в Кузбассе становятся лица из неблагополучной среды: алкоголики, наркоманы и жертвы «черных риэлторов», выселяемые из квартир. Они попадают в поле зрения лиц, использующих неквалифицированный труд, например в сфере лесозаготовок. Структура экономики Сибири обуславливает привлекательность этой сферы деятельности для рабского труда. Удаленность от населенных пунктов делает лесозаготовку недосыгаемыми для правоохранительных органов и исключает возможность побега жертв. Организаторы лесозаготовок получают лицензию на вырубку определенного количества леса, но вырубается его в несколько раз больше. Органами внутренних дел Кемеровской области было возбуждено дело по ст. 127.2 (использование рабского труда) по следующему факту. Организованная преступная группа, возглавлявшаяся М. из Азербайджана, использовала лиц без определенного места жительства на заготовке леса. Работа осуществлялась «за еду». Это распространенное для Сибири явление. Внимание правоохранительных органов подобная деятельность привлекает тогда, когда рабский труд связан с убийством его жертв, и квалификация деяний осуществляется по совокупности. Были установлены факты убийства четырех человек, не способных к дальнейшему труду в связи с общим истощением и побоями. Убийство было совершено в целях устрашения и подавления воли других работников, а также для сокрытия ранее совершенных преступлений. Вербовка жертв торговли людьми в смысле ст. 127.1 отсутствовала. Для целей рабского труда осуществлялся захват жертв насильно. У жертв отсутствуют документы, что влечет безнаказанность лиц, организующих рабский труд. Транспортировка жертв на лесозаготовки осуществлялась частными машинами. Охрана лиц, используемых в рабском труде на лесозаготовках, не осуществляется, в ней нет необходимости: самостоятельно покинуть зону лесозаготовок невозможно. Алкоголики и наркоманы заинтересованы в том, чтобы их сопровождали, так как, оказавшись вне привычной среды, эти люди становятся беспомощными. Контроль осуществляют два надсмотрщика. Отношения с охраной строятся по схеме:

один охранник – хороший, другой – плохой, одного ненавидят, другому доверяют. Использование рабского труда не является для организованных преступных групп основным видом деятельности и осуществляется наряду с другими (эксплуатация проституции, торговля наркотиками, незаконное предпринимательство). Случаи торговли людьми нетипичны для Сибири, так в данном регионе всегда находятся люди, находящиеся за чертой бедности, полностью деградировавшие и готовые работать практически бесплатно, так как для них это – единственный способ социализации. Основное препятствие для организации борьбы с применением рабского труда – отсутствие социального заказа. Расслоение в обществе растёт и увеличивается группа риска потенциальных жертв рабовладельцев. Лица, используемые в рабском труде, не оценивают себя в качестве жертв, их личность уничтожена, воля подавлена. Они рады работать «за еду». Вопрос об идентификации потенциальных жертв данного преступления решается просто: это любой бомж, любой ребенок из неблагополучной семьи. Факты использования рабского труда могут быть отмечены при строительстве примерно каждого четвертого коттеджа, на любой лесозаготовке. Так как на борьбу с этим явлением нет социального заказа, закономерный результат – отсутствие уголовных дел.

ОСНОВЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е.А. Писаревская

В последнее время в криминологии все чаще ставится вопрос об изучении жертв преступлений и более активном использовании в процессе предупреждения преступности возможностей виктимологической профилактики. Данные нашего исследования показывают, что наиболее значимо виктимность проявляется: по типу взаимодополняющего партнерства у несовершеннолетних лиц мужского пола при убийствах, умышленном причинении тяжкого вреда здоровью; по типу пассивной жертвы у несовершеннолетних лиц мужского пола при насильственных грабежах и разбоях; по типу провоцирующего поведения и по типу пассивной жертвы у лиц женского пола – при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера, у лиц мужского пола – при насильственных действиях сексуального характера.

На проблемы защиты прав потерпевших от преступлений обратил внимание Уполномоченный по правам человека в РФ в своем специаль-

ном докладе по этому вопросу, сформулировав ряд совершенно обоснованных предложений¹. Действующий Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 23.07.2008 г. № 160-ФЗ) ориентирован в первую очередь на работу с несовершеннолетними преступниками. Указание потенциальных и реальных жертв как объектов профилактики в ч. 1 ст. 5 вышеуказанного закона повысит эффективность виктимологической профилактики.

Для более эффективного осуществления индивидуальной виктимологической профилактики следует ввести в штат ПДН ОВД должности инспекторов по работе с реальными и потенциальными жертвами преступлений, разработать и внедрить в практику методику определения виктимности, регламентировать учет реальных и потенциальных жертв, проводить с ними беседы и распространять буклеты на виктимологические темы. Эти беседы целесообразно иллюстрировать практическими примерами, не заостряя внимание на деталях, вовлекать несовершеннолетних в диалог. Целесообразным является проведение различных психотренингов и курсов самообороны. В каждом районе города, сельском районе должен быть создан консультационный пункт по оказанию психологической помощи жертвам преступного насилия. Необходимо усилить контроль правоохранительных органов за деятельностью развлекательных досуговых учреждений (баров, клубов и т.д.). Усиление работы по обеспечению охраны общественного порядка должно также способствовать профилактике насильственных преступлений с нейтральным с точки зрения виктимологии поведением жертвы. В настоящее время ставка должна делаться на мобильные наряды милиции. Пешие патрули целесообразно сохранить в наиболее криминогенных местах и пешеходных зонах². В Кузбассе во многих учебных заведениях устанавливаются системы наблюдения, внедряется проект «Безопасный город», позволяющий отслеживать обстановку на улице, в любой момент вмешаться и пресечь или раскрыть правонарушение или преступление³. Полное знание о личности всех несовершеннолетних насильственных преступниках, потенциальных и реальных потерпевших от насильственных преступлений также будет способствовать эффективной виктимологической профилактике.

Целесообразно проводить данную профилактику и среди взрослых, объясняя им особенности поведения несовершеннолетних, необходи-

---

¹ См.: Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ // Российская газета. 2008. 4 июня. С. 21.

² См.: Фалалеев М. Милицейская скорая // Российская газета. 2008. 10 окт. С. 1–2.

³ См.: Тулеев А. Коррупция – сродни государственной измене // Щит и меч. 2007. № 48/112.

мость тактичного поведения с подростками, исключаящего какие-либо провокации в их адрес.

Таким образом, можно констатировать, что основы виктимологической профилактики насильственной преступности несовершеннолетних в РФ находятся в стадии зарождения, поэтому следует активизировать работу по корректировке действующего законодательства и правоприменительной практики.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

К.В. Попов

Социальная функция освобождения от отбывания наказания традиционно видится исследователями прежде всего в гуманизме уголовного законодательства, «разгрузке» исправительных учреждений и в целесообразности применения института условно-досрочного освобождения тогда, когда цели, стоящие перед ним, достигнуты¹.

Так, А.В. Матузов социальную обусловленность называет одним из принципов уголовно-правовой политики и видит ее суть в закономерности влияния на уголовное право личности, общества и государства.

Соглашаясь с теоретической значимостью указанных точек зрения в целом, отметим, что освобождение от отбывания наказания не должно зависеть от каких-либо материальных или технических возможностей исправительных учреждений², поскольку это делает бессмысленной работу всей уголовно-исполнительной системы³.

Вызывает сомнение и суждение о гуманизме как социальной функции указанного института. Поскольку даже в случае частичного достижения стоящих перед наказанием целей дальнейшее отбывание наказания теряет всякий смысл⁴. Освобождение лица от наказания в данном случае связано скорее не с гуманным отношением к нему, а с определенными целями наказания, которые могут быть достигнуты до окончания срока его исполнения. Ведь само наказание применяется для того,

---

¹ *Егоров В.С.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002.

² Там же.

³ *Сабанин С.Н.* Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности и наказания. Свердловск 1978.

⁴ *Егоров В.С.* Указ. соч.

чтобы своим воздействием способствовать возникновению и закреплению у осужденных правоупослушного поведения¹.

Л.Л. Кругликов, описывая принципы наказания, высказывается о недопустимости продолжения отбывания наказания после того как достигнуты его цели. Подобной точки зрения придерживается и Т.А. Кригер. По его мнению, «продолжение наказания теряет всякий смысл, так как лицо не представляет общественной опасности». Поэтому условно-досрочное освобождение может проявлять себя как один из наиболее эффективных воздействий на виновного². И.Я. Гонтарь в труде «Парадигмы в уголовном праве и реальность» отмечает, что «наказанию подлежит не преступление, а личность, его совершившая». А наказание представляет собой средство реакции со стороны общества на степень общественной опасности определенных типов личности³.

Поскольку основная цель уголовно-исполнительной системы – исправление осужденных (ст. 1 УИК РФ) посредством воспитательных работ, соблюдения режима отбывания, участия в общественно полезном труде и получения общего образования для формирования у осужденных уважительного отношения к условиям, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ст. 9 УИК РФ). То есть исправление осужденного законодатель предполагает возможным через воздействия на него как на личность. Другими словами, виновный должен понести соразмерное наказание, способствующее его исправлению.

Мера уголовной репрессии напрямую зависит от общественной опасности виновного. Но при воздействии на осужденного в период отбывания наказания мер уголовно-правового характера его личность может меняться, соответственно меняется степень его общественной опасности. В связи с этим можно ставить вопрос о корректировке назначенного наказания⁴. Несомненно, это обусловлено некоторыми свойствами личности осужденного, своего рода показателями или признаками, указывающими на исправление (снижение степени общественной опасности) осужденного. Исходя из целей наказания, о которых уже говорилось ранее, ими могут выступать примерное поведение, добросовестное отношение к труду, обучению и воспитательным мероприятиям в период отбывания наказания.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная обусловленность института освобождения от наказания заключается непосредственно в достижении его целей, исправлении осужденного, при которых

---

¹ Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. М., 2007.

² Егоров В.С. Указ. соч.

³ Мазик П.М. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних. М., 1994. С. 121.

⁴ Щерба Д.А. Указ. соч.

дальнейшее отбывание наказания осужденным становится нецелесообразным. Необходимо отметить, что применение условно-досрочного освобождения не является пересмотром заново ранее назначенного наказания судом. Происходит только оценка новых обстоятельств, возникающих в связи с изменениями свойств личности осужденного в процессе реализации приговора¹.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ РЭКЕТА

Л.М. Прокументов

Рэкет – одна из наиболее распространенных форм деятельности организованных преступных групп. Многие ученые и практические работники отождествляют данное понятие с вымогательством. В частности, А.П. Фильченко считает, что «рэкет – это организованное вымогательство»². Представляется, что такое отождествление не соответствует сути рэкета.

Во-первых, рэкет – это не только и не столько вымогательство, а стремление к установлению монопольного положения на товарном рынке или рынке услуг и навязывание невыгодного сотрудничества в предпринимательской сфере. Нередко вымогательство называют «явным» или «жестким» рэкетом, а установление монопольного положения на рынке и навязывание невыгодного сотрудничества – скрытым, или «мягким», рэкетом. Общим для всех видов рэкета является то, что эта преступная корыстная деятельность осуществляется с помощью физического насилия или угрозами его применения.

Во-вторых, с позиций действующего уголовного права (ст. 163 УК РФ) вымогательство является преступлением, а многие формы рэкета представляют собой тесное сочетание законного и незаконного предпринимательства. Поэтому их можно назвать криминальной деятельностью не в уголовно-правовом, а в криминологическом значении.

Представляется, что введение в практику органов уголовной юстиции и в научный оборот термина «рэкет» как синонима вымогательства ничего нового и позитивного не дает. Напротив, такое узкое понимание рэкета оставляет за рамками этого термина наиболее сложные и скрытые его характеристики, что не позволяет дать полную оценку общественной опасности этого явления.

---

¹ Щерба Д.А. Указ. соч.

² Фильченко А.П. Вымогательство, совершенное несовершеннолетними: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 12.

Понимание рэкета как вымогательства сводит его общественную опасность к посягательству на имущество (собственность), а защиту этого объекта – к реализации исключительно мер уголовно-правового характера.

Действительная, реальная общественная опасность рэкета связана с тем, что ущерб от него причиняется более широкому кругу уголовно-правовой и иной правовой охраны. В частности, из-за этого деяния население вынуждено платить более высокие цены за те товары и услуги, которые производятся и оказываются предпринимателями, находящимися под контролем рэкетиров, потребитель получает товары и услуги более низкого качества, рэкетеры уклоняются от уплаты налогов, а также укрепляют свои экономические, а нередко политические позиции. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, публикуемые в средствах массовой информации нашей страны.

Такое понимание рэкета приводит к необходимости криминализации этого вида антиобщественной деятельности независимо от наличия уголовной ответственности за вымогательство. Кроме того, полулегальный характер рэкета обуславливает выработку стратегии противодействия ему, основанной на применении не только и не столько уголовно-правовых средств, сколько средств иных отраслей российского законодательства и специально-криминологических.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Л.А. Сошина

Незаконный оборот оружия является одним из обстоятельств, характеризующих негативные качественные и количественные характеристики преступности в Российской Федерации на современном этапе.

В январе – октябре 2008 г. с использованием оружия совершено 8412 преступлений. Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Санкт-Петербурге (472), Иркутской (468), Свердловской (402), Московской (375) областях, Ставропольском (321), Забайкальском (279) краях, Республике Саха (Якутия) (265), Чеченской Республике (262)¹.

Иркутская область занимает второе место по количеству зарегистрированных преступлений совершённых с использованием оружия после Санкт-Петербурга.

---

¹ Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mvd.ru/stats/> [23.01.2009 г.].

Исходя из официальных данных статистической отчетности в 2008 г. в Иркутской области зарегистрировано 901 преступление, связанное с незаконным оборотом оружия, что на 181 преступление больше, чем в 2007 г. (720 преступлений). Если рассматривать в процентном соотношении, то число преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Иркутской области, составляет 2,8% от всего количества зарегистрированных преступлений в данной сфере в целом по Российской Федерации¹. На первый взгляд кажется, что количество совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота оружия в Иркутской области имеет небольшой удельный вес в структуре рассматриваемого вида преступности по Российской Федерации. Но если рассматривать общее состояние преступности в Иркутской области, то незаконный оборот оружия занимает весьма лидирующее положение среди других преступных проявлений в регионе.

Иркутская область в 2008 г. отмечена как регион с наибольшим темпом прироста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (26,3%)².

Несмотря на то, что незаконный оборот оружия неоднократно становился объектом различных исследований, авторы, рассматривающие уголовно-правовые и криминологические аспекты этого негативного явления, не дают самого определения данного явления, не анализируют его криминологические признаки, ограничиваясь юридическим анализом составов преступлений, предусмотренных ст. 222–226 УК РФ. В статистических данных, представленных на официальном сайте МВД РФ, также не даётся определение незаконного оборота оружия как одной из составляющих структуры преступности в РФ в целом. Нет и конкретно указанных статей Уголовного кодекса, которые взяты в основу регистрации статистических данных по рассматриваемому виду преступности. Из этого следует вывод, что необходимо точно определить, что же является незаконным оборотом оружия в Российской Федерации, так как ни один нормативно-правовой акт не даёт нам такого понятия. Только в Федеральном законе «Об оружии» 1996 г. приводится определение оборота оружия в РФ.

Логически можно обозначить незаконный оборот оружия как преступные отклонения в сфере законного оборота оружия. Но возникает вопрос: «Какие преступные проявления в сфере оборота оружия лежат в основе регистрации статистических данных?». Это либо регистрация

---

¹ Официальный сайт ГУВД по Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guvd38.ru> [23.01.2009 г.].

² Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mvd.ru/stats/> [23.01.2009 г.].

совершенных преступлений, предусмотренных ст. 222–226 Уголовного кодекса, либо вся совокупность незаконных действий с оружием, как, например, контрабанда.

В связи с этим возникает необходимость детальной разработки понятийного аппарата преступности в сфере незаконного оборота оружия, для того чтобы точно знать и представлять, какие незаконные действия входят в рассматриваемую сферу и что понимается под незаконным оборотом оружия в предложенных Министерством внутренних дел данных официальной статистической отчетности.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ

Н.В. Щедрин

Совершенных законов не бывает, и принятый Федеральный закон «О противодействии коррупции», к сожалению, не является исключением. Сказались и скрытое «противодействие закону о противодействии», и его недостаточная теоретическая и законотворческая проработка. Предполагалось, что в федеральном законе будет наконец-то сформулировано определение коррупции, которое станет базовым для всех отраслей законодательства. Однако данное в п. 1 ст. 1 указанного закона определение этого ключевого понятия не оправдало ожиданий. Даже применив перечневый подход, законодателю не удалось сделать понятие коррупции ясным, конкретным и удобным для практического использования.

Мы предлагаем усовершенствовать определение коррупции через введение понятия «лица, имеющие публичный статус», а также уточнение этого и всех других понятий непосредственно в самом законе. Лиц, имеющих публичный статус, предлагается, в свою очередь, подразделить на две категории: физические лица и юридические. Выделение в качестве субъектов коррупции юридических лиц вполне правомерно и соответствует не только логике принятого федерального закона, но и рекомендациям ряда международных конвенций.

На наш взгляд, п. 1 ст. 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», следует изложить в следующей редакции:

1) коррупция – незаконное использование лицом своего публичного статуса вопреки интересам общества и государства для извлечения выгоды, как для себя, так и для любых других лиц, а также предоставление такой выгоды лицу, имеющему публичный статус, лично или через посредников.

Мы также предлагаем дополнить ст. 1 следующими пунктами:

2) коррупционное правонарушение – установленное в надлежащем порядке и содержащее признаки коррупции виновное деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством;

3) коррупционное преступление – установленное в надлежащем порядке и содержащее признаки коррупции виновное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством;

4) лица, имеющие публичный статус:

а) физические лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие должностные или служебные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях;

б) физические лица, выполняющие управленческие функции в государственных или муниципальных предприятиях, иных коммерческих или некоммерческих (в том числе в иностранных и международных) организациях;

в) физические лица, зарегистрированные в качестве кандидатов для избрания в органы государственной власти и органы местного самоуправления;

г) физические лица, имеющие право избираться в органы государственной власти и органы местного самоуправления и участвовать в референдуме;

д) юридические лица, зарегистрированные в порядке, установленном гражданским законодательством, в качестве коммерческих и некоммерческих организаций;

5) интересы общества и государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;

б) выгода – получение денег, имущества, права на имущество, услуг, льгот и (или) привилегий имущественного и неимущественного характера;

7) противодействие коррупции... (и далее по тексту).

АЛЬТЕРНАТИВЫ НАКАЗАНИЮ: СМЕНА ПАРАДИГМ

М.Р. Гета

Уголовный закон в качестве средств, обладающих элементом возмездности и применимости «за» совершение преступления называет, наряду с наказанием, иные меры уголовно-правового характера (ст. 2

УК РФ). В ст. 3 УК РФ упомянуты «иные уголовно-правовые последствия», наступающие уже не столько «за», сколько «в связи» с совершённым преступлением (например, судимость). Проблема состоит, в частности, в том, что законодатель включением в УК в 2006 г. нового раздела «Иные меры уголовно-правового характера» поставил под угрозу системность и синхронность уголовно-правового регулирования, объединив совершенно разнородные юридические средства – принудительные меры медицинского характера (которые, в принципе, за совершение преступления не применимы) и конфискацию имущества с возмещением ущерба (вреда).

Кроме того, законодатель в этой сфере явно сориентирован на приоритет наказания. Даже «беглый» просмотр УК даёт основание сделать вывод о том, что конструкции «иных мер уголовно-правового характера» и тем более «иных последствий» пока не образуют «живой» правовой материи и присутствуют в кодексе в виде «безмолвных статистов». Но и ряд наказаний не получил надлежащего использования. Поэтому неудивительно, что «пустоты» заполняются вполне традиционным карательным средством – лишением свободы. Мы вновь остаёмся лидерами в Европе по численности осуждённых к данному виду наказания. Так, в частности, в 2007 г., по данным Я.И. Гилинского, в пенитенциарных учреждениях России содержалось 886,4 тысячи человек (617 на 100 тыс. населения)¹. Очевидно, что высокая «наполняемость» исправительных учреждений не способствует улучшению криминогенной ситуации в стране и обеспечению безопасности граждан.

Таким образом, на сегодняшний день в сфере применения уголовно-правовых средств предупреждения преступности существует множество проблем. Среди них основными выступают неэффективная правовая модель альтернативных мер и недостаточная криминологическая обоснованность использования того, что уже известно практике (речь идёт о наиболее массовой альтернативе лишению свободы – условном осуждении). Но главная проблема, на наш взгляд, заключается в направленности уголовно-правового закона и уголовно-правовой политики на приоритет лишения свободы как вида наказания и, соответственно, как правового последствия преступного деяния. Иными словами, должна произойти смена парадигм уголовной политики российского государства, под которыми в философской науке понимается модель постановки проблем и их решений². На сегодняшний день речь идёт о проблеме переориентации законодателя и правоприменительной практики с кон-

---

¹ Гилинский Я.И. Наказание: криминологический подход // Отечественные записки. 2008. № 2. С. 84.

² См.: Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 193.

цепции «лишение свободы как основное уголовно-правовое средство – альтернативные меры» на другую модель, когда основным методом уголовно-правового воздействия станут наказания, не связанные с изоляцией от общества, непенитенциарные санкции и некарательные уголовно-правовые последствия, и лишь при невозможности их применения лишение свободы станет альтернативной мерой.

Конечно, решение подобной стратегической задачи – процесс сложный, многоплановый и неоднозначный. И для его начала необходимы определённые законодательные изменения. Поэтому для начала целесообразно обозначить гл. 10 в УК РФ как «Применение уголовно-правового воздействия», соответственно скорректировав наименование ст. 60 УК РФ, которое могло бы выглядеть в следующем варианте: «Общие начала применения наказания и иных уголовно-правовых последствий преступного деяния как видов уголовно-правового воздействия». Данную норму, на наш взгляд, следует изложить в примечании в следующей редакции: «В процессе применения средств уголовно-правового воздействия, с учётом общественной опасности преступления и лица, его совершившего, в первоочередном порядке решается вопрос о назначении меры уголовно-правового характера либо о применении иного уголовно-правового последствия, не связанных с наказанием. При невозможности их применения разрешению подлежит вопрос о назначении наказания, не связанного с лишением свободы. Наказание в виде лишения свободы применяется в случаях совершения тяжкого и особо тяжкого преступления, когда общественная опасность виновного не позволяет назначить иное уголовно-правовое воздействие».

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОСУЖДЕННОГО НА ОПРОВЕРЖЕНИЕ И ОТВЕТ

А.Я. Гришко

Одним из проблемных вопросов в плане реализации права осужденных на опровержение и права на ответ является их правовая безграмотность. Компенсировать ее с помощью адвоката или прокурора в местах лишения свободы не представляется возможным в силу объективных и субъективных обстоятельств. Услуги адвоката не могут оплачивать большинство осужденных. Систематическая помощь со стороны прокурора затруднена из-за его загруженности выполнением функциональных обязанностей. Участие других субъектов в решении данного вопроса проблематично, во-первых, ввиду отсутствия у осужденных инфор-

мации о наличии таковых, во-вторых, в результате правовой неурегулированности их участия в оказании правовой помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы. УИК РФ закрепляет право осужденных получать юридическую помощь, в том числе от иных лиц (помимо адвокатов), имеющих право на ее оказание (ч. 8 ст. 12). Вместе с тем законом не предусмотрено, какие именно лица, кроме адвокатов, имеют право на оказание такой помощи. Бесконтрольный допуск к оказанию юридической помощи всех желающих или желаемых осужденным лиц противоречит требованию Конституции РФ относительно гарантий права на получение *квалифицированной* юридической помощи (ч. 1 ст. 48).

Конституция РФ предусматривает оказание данной помощи бесплатно (ч. 2 ст. 48). В настоящее время механизм реализации этой конституционной нормы начинает выработываться. Федеральной регистрационной службой был подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации «О государственных юридических бюро». Однако в нем были затронуты интересы лиц, отбывающих уголовные наказания, в частности о предоставлении им бесплатной юридической помощи.

В силу требований ч. 2 ст. 10 УИК РФ осужденные к любой мере уголовно-правового характера, в том числе связанной с их изоляцией от общества, остаются гражданами своего государства и на них распространяются общегражданские права и обязанности за исключением изъятий, установленных федеральным законом. В области оказания юридической помощи законодатель ограничений для осужденных не устанавливает. Осужденные не должны рассматриваться отдельно от остальных граждан в части надления их правом на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Учитывая изложенное, считаю необходимым к числу граждан, нуждающихся в бесплатной юридической помощи, отнести лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы: малоимущих, не имеющих средств на лицевых счетах и не работающих по не зависящим от них причинам, инвалидов 1-й и 2-й групп, лиц пенсионного возраста, несовершеннолетних, женщин, имеющих грудных детей.

ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА И АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ С РАССТРОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

А.В. Диденко

Врачам-психиатрам исправительных учреждений в своей деятельности необходимо учитывать поведенческие особенности осужденных, преломляющиеся сквозь призму пенитенциарной культуры. Знание осо-

бенностей поведения, обусловленных культурой, является неперменным условием правильной диагностики и эффективной терапии психических расстройств. Наиболее сложными в пенитенциарной практике являются диагностика и терапия расстройств личности. Гипер- и гиподиагностика расстройств личности у осужденных достаточно высока, поскольку делинквентное поведение считается «нормальным» для субкультуры осужденных и «отклоняющимся» с позиции клинициста. Для разграничения культурально обусловленных и клинически обусловленных патологических личностных черт необходим тщательный анализ динамики психического состояния осужденного в процессе отбывания наказания и сопоставление полученных данных с социокультуральными параметрами адаптации личности.

Проведено комплексное исследование адаптации 350 осужденных с личностной патологией к местам лишения свободы. С помощью клинико-динамического, клинико-катаместического и экспериментально-психологического методов исследования, фиксирующих отношение осужденного к пенитенциарной среде (тюремной субкультуре), было установлено, что в результате продолжительного и непосредственного контакта с представителями тюремной субкультуры у осужденных с расстройствами личности формируются вторичные (факультативные) личностные черты, которые обладают адаптивными свойствами для психопатической личности. Данные факультативные личностные черты соответствуют жестким статусно-ролевым предписаниям, принятым в тюремной среде, что весьма затрудняет первичную диагностику личностной патологии у вновь прибывающих в исправительное учреждение осужденных, поскольку фасадная симптоматика, носящая культурально специфический характер, маскирует проявления психопатии.

Использование в работе с осужденными онтогенетического подхода, оказалось весьма важным в оценке адаптации осужденных с личностной патологией, поскольку позволило проследить структурирование, формирование патологической черты во временном континууме и помогло отличить черту личности – долговременную тенденцию или предрасположенность к определенному реагированию от состояния пациента в данный момент. Также онтогенетический подход в диагностике помогает отличать патологическую черту личности от социальной роли, вынуждающей к определенному поведению, которое может не отражать стиль, присущий данной личности, что особенно важно в пенитенциарном контексте.

Таким образом, для оценки адаптации осужденных с расстройствами личности в местах лишения свободы требуются соотнесение используемых диагностических параметров расстройств личности с проявле-

ниями нормативного с точки зрения требований пенитенциарной среды поведения осужденного, учитывающего социально-ролевые предписания (учет пенитенциарного контекста), а также учет аспектов социокультуральной компетентности самих диагностов.

При наличии трех условий (больной, врач и контекст) диагностика и оценка адаптации осужденных с расстройствами личности будут приближены к реальным. Это особенно важно при индивидуальном подходе в пенитенциарной практике, поскольку позволяет разграничить сферы влияния сотрудников исправительного учреждения на осужденного с личностной патологией с целью его исправления и ресоциализации.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ

Н.И. Ланкин

Присоединение России в 1996 г. к Уставу Совета Европы (СЕ) поставило задачу приведения ее уголовно-исполнительной системы (УИС) в соответствие с правовыми стандартами СЕ. За год до вступления России в СЕ была сформирована руководящая группа экспертов стран СЕ для реформирования УИС России, которой было предписано заниматься «целенаправленной деятельностью по решению проблем, связанных с реформированием и развитием УИС России с учетом требований Европейских пенитенциарных правил»¹. Руководящая группа экспертов стран СЕ (экспертное сообщество) была наделена весьма широкими полномочиями по реформированию УИС России, она пользуется безграничной поддержкой со стороны Правительства и Президента РФ, от имени которого в Государственную Думу представляются проекты законов. Основными направлениями реформирования УИС России были провозглашены гуманизация и либерализация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, обеспечение условий содержания заключенных в соответствии с требованиями Европейских пенитенциарных правил.

Одним из направлений реформирования УИС стала необходимость резкого сокращения численности заключенных, которая на 1 января 1999 г. составляла 990 тыс. человек. Проведение серий амнистий в 1999–2001 гг., а также принятие Федеральных законов от 9 марта 2001 г.,

---

¹ См.: Преступление и наказание. 2005. № 2. С. 135.

от 8 декабря 2003 г. и др. позволило на какое-то время достигнуть значительного сокращения численности спецконтингента, однако постепенно она вновь почти достигла исходного уровня и имеет устойчивую тенденцию роста. Вот почему «попытка “разгрузить” исправительные учреждения, изменяя законодательство методами юридической техники, но сохраняя при этом социальные и экономические причины и условия преступности в стране... обречена на провал»¹. С этим выводом трудно не согласиться.

Вторым направлением реформирования УИС, органически связанным с сокращением численности заключенных, является переход на более широкое применение видов наказания, не связанных с лишением свободы. В России приговор к лишению свободы выносится примерно в 35% случаев, а в странах Западной Европы этот показатель колеблется в пределах от 7 до 10%.

Это направление является наиболее перспективным, однако на практике, к сожалению, эти альтернативные лишению свободы виды наказания применяются крайне редко. Это обусловлено, скорее всего, обнищанием части населения, наличием большого количества малоимущих граждан, а также плохой организацией исполнения на практике этих видов наказаний.

Третье направление – это реформирование производственного комплекса УИС, завершившееся переходом от государственных унитарных предприятий к центрам трудовой адаптации осужденных и учебно-производственным мастерским. В результате проведения за последние 15 лет различных мероприятий по реформированию промышленного комплекса УИС исправительные учреждения захлестнула безработица. Если в 1991 г. удельный вес заключенных, занятых на оплачиваемых работах, составлял 59,7%, то к настоящему времени он снизился до 25%, а в 2009 г., по прогнозам практиков, составит менее 20%. Известно, что безработица в местах лишения свободы подрывает саму основу существования УИС России, которая зиждется на широком привлечении заключенных к общественно полезному труду, чем принципиально отличается от европейской тюремной системы. Вот почему вызывает удивление и порождает целый ряд вопросов Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», на реализацию которой Правительством РФ выделены из федерального бюджета 73,5 млрд рублей, в основном предназначенных для строительства и реконструкции следственных изоляторов, но не на создание рабочих мест для заключенных.

---

¹ См.: Жевлаков Э. О состоянии законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовное право. 2005. № 2. С. 96.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Н.Б. Лелик

Цель Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, – противодействовать неблагоприятным последствиям всех видов заключения и способствовать вовлечению подростков в жизнь общества¹.

Современное состояние отечественной пенитенциарной системы не оставляет сомнений в необходимости ее коренного преобразования. В этом процессе Россия обычно ориентировалась на европейские стандарты и достижения; на современном этапе также учитываются интересы и требования мирового сообщества по введению мировых норм обращения с осужденными. Проблема адаптации европейского опыта к российским условиям весьма актуальна. Так, если мы обратимся к истории, в республиках бывшего социалистического лагеря (Варшавского договора) некогда объединявших наши страны по политическим, экономическим, социальным мотивам, особое внимание уделяется несовершеннолетним правонарушителям школьного возраста. Если мы обратимся к физиологическим, психолого-педагогическим аспектам развития школьников, то именно в пубертатном периоде идет активная перестройка организма, в том числе и гормональный всплеск. Что впоследствии сказывается на возникновении соматической и нервно-психической патологии². Соответственно, в рамках уголовного наказания, с изоляцией от общества, данные изменения приобретают негативные последствия. Так, например, в Польше надзор за несовершеннолетними и совершеннолетними правонарушителями осуществляется кураторами. По статистике только в отношении каждого пятого из совершаемых несовершеннолетними преступлений назначается наказание с изоляцией от общества. В связи с этим основной задачей данной службы (службы пробации) является оказание своим подопечным помощи в соответствии с принятыми нормами в процессе правильной общественной интеграции. Задачей куратора не является обычная проверка того, выполняет ли подопечный возложенные на него обязанности. В данном случае обязывает принцип субсидиарности, предоставления помощи только при необходимости. Куратор осуществляет наблюдение, целью

---

¹ *Беляева Л.И.* Несовершеннолетний в воспитательной колонии: Международные стандарты. М.: Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), 2001. С. 52.

² *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология подростковой преступности. М., 1998. Кн. 1. С. 9.

которого является позитивный прогноз. Ему очень важно понять, что его задача не препятствование тому, чтобы подросток совершал преступления, но создание условий для правильной интеграции подопечного в своей среде и в обществе.

В Словакии по состоянию на 1 февраля 2008 г. в тюрьмах находилось 108 несовершеннолетних осужденных (1,74% от всех осужденных), которые отбывают наказание в единственной специализированной тюрьме в поселке Сучаны¹. Интересными проектами для несовершеннолетних являются, например, курсы оказания первой помощи и санитарного минимума, которые связаны с оказанием помощи лицам, терпящим бедствия от катастроф, и больным. Курсы заканчиваются выпускными экзаменами и получением Европейского сертификата, действующего во всех странах Европейского сообщества. Созданная в 1998 г. «Зона без наркотиков» является также особым воспитательным направлением в профилактике зависимостей. В «Зоне без наркотиков» имеется 6 комнат, рассчитанных на 38 несовершеннолетних, а также избачитальня, терапевтическое помещение, спортивный зал, помещение для самостоятельности и эрготерапии. Осужденный помещается в «Зону без наркотиков» на основе заявления, которое рассматривают педагог и психолог, после чего следует предложение зачислительной комиссии и постановление директора учреждения. Перед перемещением в «Зону без наркотиков» несовершеннолетний осужденный подписывает провозглашение, в котором обязуется соблюдать правила, существующие в данной отведенной зоне.

Представленные материалы по странам бывшего социалистического лагеря показывают положительный опыт работы на различных этапах криминализации личности несовершеннолетнего. На примере Польши следует подчеркнуть, что применение пробации намного дешевле каких-либо иных средств наказания. Кроме того, данная служба гораздо гуманнее, и кураторство уже играет важную роль в прекращении злоупотребления наказанием в виде лишения свободы и, таким образом, способствует лучшему выполнению задач правосудия. Что касается Словакии, то мы обратили внимание на разнообразие программ ресоциализации несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, применяемых в специализированной тюрьме, что способствует лучшей социальной адаптации после освобождения.

---

¹ Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: материалы международной заочной научно-практической конференции / Отв. ред. А.П. Полуэктов; Науч. ред. А.Г. Антонов. Новокузнецк: ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2008. С. 173–178.

ОХРАНА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗОЛЯЦИИ ОСУЖДЕННЫХ И ЕЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

А.Ф. Любарский

Одна из ключевых задач осуществляемой в Российской Федерации реформы уголовно-исполнительной системы состоит в том, чтобы сделать уголовное наказание средством исправления лиц, преступивших уголовный закон. Согласно ст. 43 УК РФ уголовное наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, и заключается в лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденных, предусмотренных Конституцией РФ. В то же время пределы правоограничений предопределяются конкретным видом назначаемого уголовного наказания. Так, например, согласно ст. 56 УК РФ лишение свободы на определенный срок по своим карательным притязаниям состоит в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещение в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Вполне понятно, что данный вид уголовного наказания назначается согласно судебной практике, как правило, за тяжкие и особо тяжкие преступления. В силу сказанного исполнение наказания в виде лишения свободы предполагает осуществление закрепляемых нормами уголовно-исполнительного права требований режима. Среди основных требований режима в ст. 82 УИК РФ названа обязательная изоляция осужденных, которая одновременно с другими требованиями режима направлена на то, чтобы, во-первых, обеспечить реализацию кары, точное и неуклонное выполнение осужденными своих обязанностей и тем самым не только исполнить наказание, но и достичь цели исправления и во-вторых, исключить возможность совершения ими новых преступлений во время отбывания наказания и других антиобщественных поступков.

Важнейшим средством обеспечения изоляции осужденных, находящихся в местах лишения свободы, является их охрана. В отличие от ранее действовавшего ИТК РСФСР (ст. 22) ст. 82 УИК РФ не только содержит определение понятия режима в исправительных учреждениях, но впервые среди основных его требований закрепляет и требования «охраны», однако не раскрывает содержание термина. В условиях правового государства утверждение в качестве основных приоритетов защиты законных прав и свобод человека и гражданина возникает объективная потребность в качественно ином подходе к организации охраны и её правовому регулированию. Вследствие этого охрану следует рас-

сма́тривать не только как правовую категорию, что само по себе очень важно, но также и как правовой институт уголовно-исполнительного права. Основанием для такого утверждения являются прежде всего правовые нормы уголовно-правового комплекса, среди которых следует выделить ст. 56 УК РФ и ст. 82 УИК РФ. В определенном смысле в контексте сказанного нельзя также не учитывать и положения ст. 83 «Технические средств надзора и контроля». Сложившаяся ситуация требует теоретического осмысления и комплексного анализа не только ныне действующего уголовно-исполнительного законодательства, но и определения направлений его дальнейшего совершенствования в силу того, что многие аспекты охраны остаются до настоящего времени не разработанными. Прежде всего, это касается определения самого термина «охрана» как правовой категории, и закрепления его содержания в нормах уголовно-исполнительного законодательства. Следует согласиться с ранее высказанным мнением о необходимости включения в гл. 12 УИК РФ отдельную статью «Охрана исправительных учреждений»¹. По своему содержанию охрана является многоплановым понятием, нуждающимся не только в правовом регулировании, но и в закреплении средств и методов её обеспечения. Поэтому следовало бы содержательно изменить ст. 86 УИК РФ за счет включения положений гл. 5 закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», что в конечном итоге будет способствовать повышению уровня её нормативной регламентации².

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Е.П. Молчанова

В 70-е гг. XX в., когда только вводился эксперимент с психологами воспитательно-трудовых колоний и было много скептиков, считающих непригодными для процесса перевоспитания тонкие психологические технологии воздействия на преступника, А.Л. Ременсон горячо одобрял идею психологического аспекта воспитательного процесса в исправи-

---

¹ См.: *Цаплин И.С.* Правовые и организационные основы охраны исправительных учреждений Минюста России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

² См.: *Уткин В.А.* 10 лет уголовно-исполнительному законодательству и предмет уголовно-исполнительного права // 10 лет уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. Ч. 1. С. 58–59.

тельных учреждениях, предвидел важность использования знаний о психике человека при решении многих вопросов правового порядка, надеялся на расширение психологической помощи осужденным в местах лишения свободы.

Сегодня, когда каждая колония имеет психологическую лабораторию, важность психологической помощи осужденным не оспаривается. Остается вопрос качества ее и скорости оказания. Многолетняя практика психологов в разных концах страны привела психологов к важному для себя решению: психологу необходимы помощники из среды осужденных.

Во многих учреждениях на добровольных началах созданы секции психологической помощи осужденным, и сотрудники лабораторий ощутили значимую помощь от ее организации. Секция психологической помощи создается в целях самоорганизации и оказания помощи в решении вопросов создания благоприятного морально-психологического климата в исправительном учреждении.

Члены секции психологической помощи не пользуются дополнительными льготами, не освобождаются от участия в трудовом процессе и мероприятиях, которые являются обязательными для всех осужденных, однако при определении степени исправления осужденного учитывается участие в секции. Сегодня, когда в учреждениях наблюдается рост сложных в психологическом плане осужденных (побывавшие в горячих точках, участники локальных войн, осужденные, имеющие органические поражения психики, химическую зависимость, серьезные акцентуации характера, склонность к суицидальным поступкам и другие), наличие в отрядах людей, которые сумели бы оказать первую психологическую помощь (успокоить человека, посоветовать обратиться к психологу, поговорить по душам), просто необходимо.

При многочисленности состава взрослых учреждений и малочисленности сотрудников психологических лабораторий специально подготовленные осужденные сообщают психологу о состояниях осужденного, помогают привести осужденного, на что уходит много времени для сотрудников, помогают оформить информационный психологический стенд в каждом отряде, помогают в ремонте и подготовке аудиторий к групповой и индивидуальной работе и многое другое, что прописано в Положении о работе секции психологической помощи осужденным. Организация такой секции не противоречит общим положениям ст. 111 Уголовно-исполнительного кодекса «О самодеятельных организациях для осужденных к лишению свободы» п. 3: «Основными задачами самодеятельных организаций осужденных являются: оказание осужденным помощи в духовном, профессиональном и физическом развитии; развитие полезной инициативы осужденных; оказания позитивного

влияния на исправление осужденных; участие в решении вопросов организации труда, быта и досуга осужденных; содействие администрации исправительных учреждений в поддержании дисциплины и порядка, формировании здоровых отношений между осужденными; оказание социальной помощи осужденным и их семьям. Перед самостоятельными организациями осужденных могут стоять и иные задачи, не противоречащие целям, порядку и условиям отбывания наказания». Цели и задачи секции психологической помощи полностью совпадают с требованиями закона, но вот официально закрепить такую секцию руководство учреждений не решается, так как законодательно в статье о самостоятельных организациях точно не названо психологическое направление работы.

Опыт работы последних 10 лет убедительно доказывает, что осужденные, имеющие склонность к наблюдению за человеком, обладающие терпением, внимательностью, сочувствием к бедам других людей, работающая под контролем психологов, меняют свои установки, активно участвуют во всех начинаниях лаборатории, работают над своими недостатками, начинают серьезно интересоваться психологическими знаниями и другими науками, учатся заочно, получая высшее образование. После освобождения практически отсутствует рецидив.

Такая деятельность психологической лаборатории способствует закреплению бывших осужденных на свободе, расширяет их кругозор и профессиональный выбор, способствует укреплению родственных, семейных отношений.

Закрепление законодателем в ст. 111 п. 3 Уголовно-исполнительного кодекса психологического направления работы самостоятельных организаций позволит расширить функции психолога в оказании помощи воспитательному процессу в исправительном учреждении, укрепит позиции психологической лаборатории в позитивном воздействии на осужденных, позволит руководителям учреждений не опасаться упреков вышестоящих руководителей в самовольной трактовке закона, утвердит предвидение большого ученого и психолога А.Л. Ременсона.

О ШТАТНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Н.В. Ольховик

Норматив штатной численности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в настоящее время определяется постановлением Правительства Российской Федерации и составляет 0,6% среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете. Средняя нагрузка на од-

ного инспектора по-прежнему высока, несмотря на последовательно принимаемые Федеральной службой исполнения наказаний меры по расширению штатов уголовно-исполнительных инспекций.

Эта проблема станет еще актуальнее после введения в действие ограничения свободы по так называемому польскому варианту, а также поэтапного реформирования уголовно-исполнительных инспекций за счет возложения на них дополнительных функций, непосредственно не связанных с осуществлением контроля за осужденными, а заключающихся в их социальной адаптации.

Изложенные обстоятельства, полагаем, являются серьезными аргументами в пользу того, что при определении оптимальной численности инспекторов и старших инспекторов уголовно-исполнительных инспекций следует учитывать не только количество осужденных, состоящих на учете, но и время, затрачиваемое сотрудниками на выполнение своих обязанностей. Такой подход позволяет оптимизировать численность сотрудников – непосредственных исполнителей, исключая руководителей и работников, осуществляющих счетно-бухгалтерские, делопроизводственные, снабженческо-бытовые и административно-хозяйственные функции в уголовно-исполнительных инспекциях, а также технический персонал.

Для реализации этих положений нами было измерено время, затрачиваемое инспектором на выполнение одной функции в отношении одного осужденного. При этом учитывалось время на подготовительно-заключительные работы и обслуживание рабочего места, на отдых и личные надобности, на передвижение сотрудника в пределах здания, где располагается инспекция. В результате проведения такого исследования в отношении нескольких сотрудников в разных уголовно-исполнительных инспекциях были получены средние показатели (нормы) времени, затрачиваемые на выполнение каждой функции.

Следует обратить внимание на то, что полученные показатели не учитывают время, которое сотрудник должен затратить на дорогу до места жительства или места работы осужденного, места проведения профилактического или контрольного мероприятия, места нахождения государственного, муниципального органа, учреждения, организации, места проведения другого мероприятия, требующего выезда сотрудника для выполнения своих обязанностей. Как представляется, вышеперечисленные нормы времени должны быть увеличены на коэффициенты, соответствующие расстоянию до конкретного места выполнения инспектором своих обязанностей.

Используя полученные результаты, можно рассчитать суммарную трудоемкость функций, выполняемых сотрудниками в год. Для этого

норматив времени выполнения отдельной функции умножается на количество осужденных, в отношении которых необходимо эту функцию осуществить. Рассчитав суммарную трудоемкость функций, выполняемых сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, можно определить нормативную численность инспекторов и старших инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, которая будет зависеть от годового эффективного фонда времени работы одного инспектора¹.

Эта методика, на наш взгляд, применима для расчета численности инспекторов и старших инспекторов как межрайонных уголовно-исполнительных инспекций, так и их филиалов и позволяет устанавливать численность персонала в зависимости от четырех критериев одновременно: трудоемкости выполняемой функции, количества осужденных, размеров территории, обслуживаемой инспекцией, и годового эффективного фонда времени работы одного инспектора.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ НЕДОБРОВОЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

А.А. Павленко

Уровень распространения социально значимых заболеваний среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, значительно превышает общероссийский². Одной из мер медицинского характера, применяемых к осужденным, страдающим такими заболеваниями, является обязательное лечение (ч. 3 ст. 18 УИК РФ). Однако, по нашему мнению, правовое регулирование обязательного лечения носит противоречивый и непоследовательный характер, вызывает много вопросов на практике³.

---

¹ В учебниках по курсу «Экономика фирмы» существуют несколько формул, а, следовательно, и методик расчета численности персонала фирмы. Как представляется, эти формулы могут быть использованы и для расчета нормативной численности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

² Подробнее об этом см.: Федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2011 годы)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 10.05.2007 № 280 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 21. Ст. 2506 (с послед. изм. и доп.).

³ На несовершенство нормативно-правовой базы обязательного лечения больных наркоманией указывала, например, О.Н. Плетнева. См.: Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: Сб. материалов Международной Интернет-конференции. М.: НИИ ФСИН России; «СПИД Фонд Восток-Запад»; Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2006. Вып. 10. С. 128–129.

Основной проблемой является обязательность такого лечения. Как справедливо указывал В.А. Уткин в аналитическом обзоре «Нормативно-правовые основы обращения с осужденными, больными туберкулезом, в российских исправительных учреждениях (законодательство в контексте международных актов)», в настоящее время эту «обязанность» можно трактовать лишь как обязанность администрации учреждения ФСИН России проводить указанное лечение, так как ни в УИК РФ, ни в Правилах внутреннего распорядка ИУ (далее – ПВР)¹ не закреплена юридической обязанности самих осужденных проходить назначенный им курс лечения. Другими вопросами являются, например, ограничение на перевод в колонию-поселение осужденных, не прошедших обязательного лечения (п. «г») ч. 3 ст. 78 УИК РФ); определение правового статуса лечебных исправительных учреждений для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных алкоголизмом и наркоманией (ч. 2 ст. 101 УИК РФ) и другие.

Считаем, что перечисленные вопросы возникли из-за искусственного объединения в ч. 3 ст. 18 УИК РФ двух различных по сфере опасности для окружающих групп заболеваний, а также необоснованного включения в данную норму ВИЧ-инфекции. К первой группе заболеваний отнесем заразные (опасные с медицинской стороны) – открытая форма туберкулеза и венерические заболевания. Ко второй – незаразные, но опасные с социальной стороны – алкоголизм, наркомания и токсикомания.

В связи с изложенным предлагаем изменить формулировку ч. 3 ст. 18 и ч. 1 ст. 116 УИК РФ «обязательное лечение» на «принудительное лечение»². В перечень оснований для применения принудительного лечения включить открытую форму туберкулеза³ и незавершенный курс лечения венерического заболевания. Дополнить ст. 11 УИК РФ и п. 14 ПВР обязанностью осужденных пройти такое лечение. Для осужденных, больных этими заболеваниями, следует предусмотреть запрет на УДО и сохранить запрет на перевод в колонию-поселение. Кроме того, отказ от принудительного лечения именно данной категории осужден-

---

¹ Приказ Минюста России от 03 ноября 2005 г. № 205.

² Существует мнение, что статью «Принудительное лечение» следует предусмотреть в УК РФ. См.: *Жарко Н.В.* Проблемы совершенствования норм Общей части УК РФ о назначении и применении принудительных мер медицинского характера // Соответствие законодательства РФ европейским стандартам в сфере медицинского обслуживания в УИС: Сб. материалов «круглого стола». Рязань: АПУ ФСИН России, 2005. С. 121–127. Мы считаем, что закрепления принудительного лечения в УИК РФ будет вполне достаточно.

³ Этой точки зрения придерживается и руководство Медицинского управления ФСИН России. См.: Преступление и наказание. 2009. № 2. С. 12.

ных считать злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ)¹.

При указанных изменениях дополнить ст. 18 УИК РФ ч. 4, в которой определить добровольность лечения осужденных, больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией². В этой же части заложить стимулирующую норму – «добровольное лечение учитывается при определении степени исправления осужденных».

ИМУЩЕСТВО, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ КОНФИСКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Пропостин

Хотя конфискация применялась с первых лет Советской власти, в уголовном законодательстве упоминание об имуществе, не подлежащем конфискации, впервые появилось в 1924 г. Отсутствие такого перечня в первые послереволюционные годы, видимо, объясняется тем, что его наличие не было выгодно государству, поскольку посредством применения конфискации имущества власть преследовала прежде всего цели пополнения казны и разорения своих политических противников. Однако экономическая ситуация в стране к началу 1920-х гг. стала крайне тяжелой и требовала принятия необходимых мер по восстановлению экономики страны. Средством выхода из тяжелого экономического, политического и социального кризиса должна была стать новая экономическая политика (НЭП), сущность которой состояла в частичном восстановлении рыночной экономики при сохранении влияния партийного руководства. Для успешного проведения ее в жизнь необходимо было гарантировать неприкосновенность собственности граждан, в особенности на орудия производства. В этой связи в принятых 31 октября 1924 г. Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик появилось указание на имущество, не подлежащее конфискации.

---

¹ В настоящее время, в том числе и из-за отмеченных в данной работе противоречий, это основание признания осужденных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания на практике не применяется.

² В настоящее время добровольное лечение от этих заболеваний предлагается осужденным, и только в случае отказа от него применяется обязательное (п. 274, 275 приказа Минздрава России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу»).

В соответствии со ст. 25 указанного закона отчуждению не подлежали необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производства. Перечень имущества, не подлежащего конфискации, в соответствии с Основными началами уголовного законодательства 1924 г. содержал Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Таким образом, имущество, не подлежащее конфискации, отражало потребности государства в развитии мелкого кустарного, ремесленного и сельскохозяйственного производства.

В 1927 г. и последующие годы государство столкнулось с нехваткой хлеба для города, армии и экспортных поставок. В этих условиях страна для оздоровления экономики была заинтересована в активном развитии сельского хозяйства, что отразилось на перечне имущества, не подлежащего конфискации. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «Об ограничении конфискации по суду» в ст. 25 Основ уголовного законодательства были внесены изменения. С этого времени перечень имущества, не подлежащего конфискации, был расширен.

От перечня имущества, не подлежащего конфискации, не отказались и после НЭПа. Связано это с тем, что этот перечень в основном был ориентирован на крестьянство, в котором государство было заинтересовано. С конца 20-х гг. XX в. в СССР был принят курс на индустриализацию (развитие индустрии было тесным образом связано с развитием сельского хозяйства) и коллективизацию (необходимо наличие имущества у крестьян).

Основы уголовного законодательства 1958 г. также предусматривали имущество, не подлежащее конфискации, перечень которого должен был устанавливаться законодательством союзных республик. В этой связи Уголовный кодекс 1960 г. содержал «Перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда (приложение к УК РСФСР)». Существование данного перечня, ориентированного на работников сельского хозяйства, также обусловлено социально-экономическими причинами. В начале 1950-х гг. в стране существовала зерновая проблема, преодолеть которую было решено при помощи развития внутренних источников производства зерна.

В отличие от УК РСФСР 1960 г. в УК РФ 1996 г. отсутствовал перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда. Однако он продолжал существовать, но закреплялся в УИК РФ. С этого времени действие перечня имущества, не подлежащего конфискации, распространялось уже на большую категорию граждан, а не только на сельскохозяйственных товаропроизводителей.

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА

В.А. Уткин

Среди средств дифференциации уголовно-правового воздействия на различные категории лиц, совершивших преступления, не без оснований предлагаются различные альтернативы лишению свободы, хотя круг их весьма ограничен. В этой связи предпринимаются попытки конструирования новых или относительно новых наказаний взамен тех, которые введением в действие отсрочены. В данном контексте речь пойдёт об ограничении свободы.

Не рассчитывая на организацию большого числа «исправительных центров» (квазиспецкомендатур, где ранее содержались так называемые химики), руководство уголовно-исполнительной системы предложило радикально изменить содержание данного наказания с оставлением осуждённого по месту его проживания. Основной контингент таких осуждённых должны составлять лица, осуждаемые ныне условно, но с возложением на них судом ряда обязанностей или запретов. Подобный «эксперимент» был начат в 2001 г. в Казахстане. Безусловно, число таких обязанностей и запретов должно быть расширено, однако «изюминкой» российской версии ограничения свободы, судя по выступлениям ряда руководителей ФСИН, должно стать использование так называемого электронного мониторинга как радиотехнического средства наблюдения за поведением осуждённых.

Свои услуги в содействии реализации этого проекта предложили ряд международных организаций, в том числе посредством предоставления гранта Евросоюза в размере нескольких миллионов евро. Соответствующие законопроекты прошли первые чтения в Государственной Думе, а первые партии «электронных браслетов» и средств их обеспечения зарубежного производства¹ пересекли таможенную границу России. Таким образом, судя по публикациям некоторых не в меру восторженных журналистов, Россия стоит на пороге очередного этапа гуманизации уголовно-исполнительной системы.

Тем не менее широкой, в том числе юридической, общественностью эти вопросы не обсуждались. В результате, как это произошло с пресловутой конфискацией, мы вновь рискуем оказаться в ситуации, образно

---

¹ Немаловажно, что использование именно зарубежных средств технического контроля – одно из важнейших условий предоставления упомянутого гранта.

описанной известным политиком: «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда».

Рискуя быть зачисленным в ряды «ретроградов», но вместе с тем не принадлежа к числу представителей ведомственной пенитенциарной науки, поставлю (а, точнее, выявлю) несколько важных, по моему убеждению, вопросов, без решения которых означенная выше реформа будет выглядеть не иначе, как сугубо «косметическая»:

Первый аспект – **уголовно-политический**. Введение «ограничения свободы» как фактической разновидности условного осуждения (либо условно-досрочного освобождения) «с обязанностями и запретами» сколько-нибудь значительно не повлияет на статистику реального лишения свободы, поскольку данные лица и сейчас не направляются в исправительные учреждения либо освобождаются из них.

Второй аспект – **юридический**. Ныне использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля возможно лишь в отношении осужденных, находящихся в местах лишения свободы (ст. 83 УИК РФ). Следовательно, необходим перенос аналогичного нормативного положения в Общую часть Кодекса с сопровождением его особыми юридическими гарантиями.

Третий аспект – **технический**. Наш опыт ознакомления с аналогичными системами в ряде стран Европы позволил убедиться в их весьма ограниченных технических возможностях: например, в Швеции это лишь контроль пребывания осужденного дома. Но такой контроль тоже значим, если при этом учтен **криминологический**, то есть профилактический, аспект электронного мониторинга, обусловленный индивидуальными особенностями образа жизни каждого конкретного осужденного и потребностями его позитивной ресоциализации. Насколько известно, в нашей стране этот вопрос остается без должного внимания в ущерб его «технократической» составляющей.

Наконец, **экономические** аспекты. Любая аппаратура, даже полученная вроде бы бесплатно, рано или поздно требует ремонта, замены, увеличения поставок, модернизации. Если по условиям грантового соглашения данные вопросы должны решаться лишь за счёт импортной составляющей, не значит ли это, что с введением системы широкомасштабного «электронного мониторинга» российская уголовно-исполнительная система окажется прочно привязанной к зарубежным поставщикам, лишенная возможности использовать свои (и немалые) производственные возможности? Особенно это актуально в условиях системного мирового социально-экономического кризиса. Риторический вопрос: «Кому это выгодно?»

ПОДХОДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЯ К НОРМАТИВНОМУ ЗАКРЕПЛЕНИЮ ПРИНЦИПОВ

С.В. Чубраков

Принципы права традиционно считаются базовой категорией для любой правовой отрасли, предопределяющей не только содержание всех правовых норм, но и перспективы дальнейшего развития соответствующих отраслей права. Очевидно, что такое значение принципов требует того, чтобы все четко и единообразно понимали и трактовали их. Однако этого до сих пор нет. В частности, в теории государства и права и во всех отраслях права, в том числе ранее в исправительно-трудовом, а также ныне в уголовно-исполнительном праве, не было и нет единства в подходах не только при определении категории «принцип отрасли права», но и, прежде всего, общности в понимании того, о принципах чего вообще необходимо вести речь. А этот вопрос является принципиально важным, ведь без его уяснения совершенно бессмысленно спорить в том числе и о понятии «принципы» и уж тем более об их перечне и содержании.

Так, в юридической литературе ряд авторов считают необходимым говорить о «принципах права», другие анализируют «принципы отрасли права», третьи рассуждают о «принципах политики», четвертые – о «принципах деятельности соответствующих органов», пятые дают определение «принципам законодательства». При этом многие исследователи отождествляли некоторые из этих терминов, соотнося данные понятия каждый по-своему, что, по нашему мнению, совершенно необоснованно (как минимум без серьезной дополнительной аргументации).

Эта проблема проявилась в полной мере и в ходе законопроектной работы над УИК РФ, когда практически каждый проект соответствующего нормативного акта предлагал свое видение того, что должно быть нормативно закреплено в качестве принципов.

В этой связи небезынтересно посмотреть, что считает необходимым нормативно закреплять в качестве принципов законодатель в ныне действующих кодифицированных нормативных актах различных отраслей права.

Из двадцати кодексов, действующих сейчас в РФ, в пяти прямого упоминания категории принципов нет. Это относится к ГПК РФ 2002 г., к АПК РФ 2002 г., к Воздушному кодексу РФ, принятому в 1997 г., к Кодексу внутреннего водного транспорта РФ 2001 г., а также к Кодексу торгового мореплавания РФ, принятому в 1999 г. Правда, в ГПК РФ и АПК РФ имеются самостоятельные статьи, фактически закрепляющие

отдельные принципы, правда, прямо не говорящие, чего: например, в ГПК РФ ст. 6 (равенство всех перед законом и судом), ст. 8 (независимость судей), ст. 10 (гласность судебного разбирательства) и др.

Если обратиться к иным пятнадцати кодифицированным правовым актам, то следует констатировать, что в основном при закреплении категории «принципы» (либо ее аналога – основные начала) речь идет о принципах законодательства.

Прежде всего, действующий УИК РФ в ст. 8 говорит о принципах законодательства. Бюджетный кодекс РФ, принятый в 1998 г., использует в преамбуле понятие «общие принципы бюджетного законодательства РФ», упоминая наряду с ними также «принципы организации и функционирования бюджетной системы РФ». Градостроительный кодекс РФ 2004 г. в ст. 2 закрепляет основные принципы законодательства о градостроительной деятельности. Статья 1 Земельного кодекса РФ, принятого в 2001 г., устанавливает основные принципы земельного законодательства. Лесной и Водный кодексы РФ 2006 г. определяют основные принципы соответственно лесного (в ст. 1) и водного (в ст. 3) законодательства. Также о принципах законодательства, правда, с использованием термина «основные начала», идет речь в ч. 1 ГК РФ, принятой в 1994 г. (ст. 1 – основные начала гражданского законодательства), в Семейном кодексе РФ 1995 г. (ст. 1 – основные начала семейного законодательства) и в Жилищном кодексе РФ, принятом в 2004 г. (ст. 1 – основные начала жилищного законодательства).

Вместе с тем такой подход является не абсолютным, и ряд кодексов не следуют этому пути, давая свое видение проблемы нормативного регулирования принципов.

Так, УК РФ 1996 г., используя в названии гл. 1 оборот «принципы Уголовного кодекса», в ч. 2 ст. 2 четко говорит о принципах уголовной ответственности (что, безусловно, порождает вопрос о наличии либо отсутствии их тождества). УПК РФ, принятый в 2001 г., в названии гл. 2 закрепляет термин «принципы уголовного судопроизводства». КоАП РФ 2002 г. в п. 1 ч. 1 ст. 1.3 применяет формулировку «общие положения и принципы законодательства об административных правонарушениях». Трудовой кодекс РФ, принятый в 2001 г., нормативно определяет основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (ст. 2). Таможенный кодекс РФ 2003 г. в гл. 2 говорит об основных принципах перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу. Часть 1 НК РФ, принятая в 1998 г., использует несколько связок с категорией «принцип»: принципы налогообложения и сборов (ч. 2 ст. 1); принципы установления, введения в действие и прекращения действия

ранее введенных налогов субъектов РФ и местных налогов (п. 3 ч. 2 ст. 1); основные начала законодательства о налогах и сборах (ст. 3).

Все вышеизложенное еще раз подчеркивает фактически полную неопределенность по данному вопросу, в том числе и законодателя (нередко даже в рамках одного акта), акцентируя актуальность разработки общеметодологического подхода не только к определению категории «принцип», но и базового вопроса о том, принципы чего должны нормативно регулироваться.

Следует отметить, что указанную непоследовательность законодателя в литературе иногда пытаются каким-либо образом оправдать, объяснить. Например, использование в УК РФ одновременно двух оборотов: «принципы Уголовного кодекса» (в названии главы) и «принципы уголовной ответственности» (в соответствующей статье этой главы) – В.Д. Филимонов объясняет тем, что принципы уголовной ответственности (по-иному – принципы Общей части) составляют только одну из двух групп (вторая группа – принципы Особенной части) принципов Уголовного кодекса (представляющих собой нормативно закрепленные принципы уголовного права), то есть фактически эти категории соотносятся, по его мнению, как часть и целое, и это вовсе не является никакой законодательной путаницей¹.

Представляется, однако, что это не совсем так, и этот пример с УК РФ – наиболее наглядный случай законодательной неопределенности даже в рамках одного кодифицированного акта по поводу того, что же должно быть закреплено в качестве принципов. Если же объяснять не тождественное понимание этих двух оборотов тем, что «принципы Уголовного кодекса» – это более широкое понятие, а «принципы уголовной ответственности» – это только его часть, то следует в главе, именуемой, соответственно, «принципы Уголовного кодекса», закрепить обе группы принципов. Однако в этой главе кроме принципов уголовной ответственности (принципов Общей части) иных принципов (в том числе принципов Особенной части) нет, что, по нашему мнению, позволяет утверждать синонимичное их использование законодателем (что, конечно, является неправильным).

В уголовно-исполнительном законодательстве также имеется определенная рассогласованность понятийного аппарата при правовом регулировании этой проблемы. Так, уже в самом УИК РФ есть неопределенность, поскольку ст. 8 носит название «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации», а текст статьи не просто перечисляет эти принципы законодательства, а говорит

---

¹ *Филимонов В.Д.* Уголовная ответственность по российскому законодательству. М., 2008. С. 185–188.

о том, что «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах...». Это, безусловно, порождает вопрос, почему это не могут быть принципы, например, уголовно-исполнительного права, политики, правового регулирования или деятельности органов, а законодательство на них только основывается. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и во втором законодательном источнике уголовно-исполнительного права – в ст. 1 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» № 5473-1 от 21.07.1993 г. Правда, в нем говорится о принципах деятельности уголовно-исполнительной системы, в числе которых называется и ряд принципов, отраженных в ст. 8 УИК РФ.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИДЕАЛЬНА ЛИ СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ?

В.А. Азаров

Совершенно очевидно, что вынесенный в название данной публикации вопрос – риторического свойства, поскольку на него, как представляется, уверенно отрицательно ответит большинство студентов как юридического института Томского, так и юридического факультета Омского государственного университетов. Вместе с тем если поставленный вопрос перевести в плоскость анализа недостатков жёстко зафиксированной в гл. 2 УПК РФ системы принципов, то его разрешение приобретает ярко выраженный дискуссионный характер.

Действительно, в УПК РФ сегодня закреплена абсолютно определённая система принципов, состоящая из 13 позиций (ст. 7–19 УПК РФ). Возможно, это и неплохо, когда базовые, фундаментальные положения, лежащие в основе деятельности органов уголовной юстиции, чётко и неоднозначно выражены в законе. Для полной уверенности в правильности такой оценки следует убедиться в том, что обновлённая система принципов **исчерпывающе** отражает совокупность основополагающих начал современного уголовного судопроизводства. При этом следует иметь в виду, что бессмысленно «придумывать» принципы какого-либо рода деятельности, их выявление требует аналитической работы по экстрапированию наиболее существенных характеристик любого её вида. Спроцецировав данный подход на основы отечественного уголовного процесса, можно выяснить следующее.

Система принципов уголовного процесса, прописанная в гл. 2 УПК РФ, небызупречна. Она не адекватна фактически реализующимся на практике и отчасти – закреплённым в Конституции РФ принципам, составляющим основу деятельности субъектов уголовного производства.

Так, среди современных принципов, нашедших отражение в гл. 2 УПК РФ, нет принципа публичности (официальности), хотя практически во всех учебниках уголовного процесса мы встретим его именно в этом качестве. Делая выводы о принадлежности данного положения к

системе принципов, авторы опираются на ст. 21 УПК РФ, расположенную вне рамок специальной главы, персонально посвящённой принципам уголовного процесса.

Формально потеряли ранг принципа уголовного процесса всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела. Это, однако, не означает, что следователь и дознаватель могут неполно или необъективно расследовать, а судья – также ущербно рассматривать уголовное дело.

Вызывает недоумение отсутствие в анализируемой системе принципов независимости судей и подчинения их только закону, а также всеобщего равенства перед законом и судом. Удивительно то, что перечисленные принципы (вместе с поименованными в гл. 2 УПК РФ) нашли своё отражение в Конституции РФ, но в этой связи непонятна избирательность законодателя, произвольно обошедшего данные положения при формировании в модифицированном виде действующей системы принципов. Здесь российским законодателям полезно обратиться к опыту Республики Казахстан, где в новом УПК нашли отражение все «обойдённые вниманием» отечественного законодателя основополагающие начала. В УПК Республики Казахстана соответствующая глава содержит 22 принципа, характеризующие ключевые идеи исторически и содержательно **родственного российскому** – постсоветского уголовного судопроизводства, что представляется абсолютно правильным.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

О.И. Андреева

Установленные в УПК РФ сроки ограничивают деятельность должностных лиц и обеспечивают внутреннюю организацию государственных органов, в том числе срок для проверки сообщения. Этот срок составляет трое суток, однако он может быть продлен до 10 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), а в необходимых случаях и до 30 суток. Вместе с тем УПК РФ не конкретизирует, в каких случаях допускается их продление, за исключением продления срока до 30 суток при необходимости проведения документальных проверок или ревизий и привлечения к их участию специалистов; не устанавливает необходимость извещения заинтересованных лиц о факте продления сроков проверки сообщения.

УПК РФ и приказы Генерального прокурора РФ не устанавливают сроков дополнительной проверки сообщений о совершенном преступлении после отмены прокурором постановлений об отказе в возбужде-

нии уголовного дела. На практике этот срок исчисляется месяцами. Учитывая, что ст. 146 УПК РФ не обязывает прокурора уведомлять лицо, пострадавшее от совершения преступления либо его законного представителя в том случае, если они не являются заявителями, о возвращении материала для дополнительной проверки. Как следствие, пострадавший от совершения преступления может и не обладать информацией о принятом решении, что не способствует осуществлению им контроля за законностью и обоснованностью действий должностных лиц и защите их прав и законных интересов.

С одной стороны, перечислить все возможные основания продления сроков довольно сложно, а с другой – как показывает практика, исключение из правила превратилось в обыденное явление. Вопрос о необходимости регламентации сроков является острым уже достаточно длительный период времени. А.П. Гуляев более 30 лет назад писал, что излишняя регламентация процесса сроками является помехой в расследовании¹. Продолжает этот вопрос оставаться актуальным и в настоящее время².

Изученная практика показала, что, во-первых, не всегда продление сроков проверки объясняется объективными причинами, во-вторых, не всегда сроки продлеваются в установленном порядке. Встречались случаи, когда необходимость продления срока обосновывалась необходимостью опроса лиц, хотя после продления срока опрашивалось одно лицо, ранее уже опрошенное³; либо когда продление мотивировалось необходимостью получить заключение экспертизы, а из материалов дела следовало, что заключение было готово днями ранее⁴.

Длительность проверки заявлений и сообщений о преступлении, на наш взгляд, объясняется в значительном количестве случаев тем, что правоприменители на этой стадии, исходя из необходимости установления наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела и данных, препятствующих возбуждению уголовного дела, пытаются установить как можно больше фактических данных о происшествии. Под достаточными данными, указывающими на признаки преступления, должностные лица понимают такие, которые достоверно свидетельствуют обо всех элементах состава преступления.

---

¹ См.: Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1976. С. 11.

² См., напр.: Маслов И.В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

³ См.: Уголовное дело 1-64/05 / Архив мирового судьи Бакчарского судебного района Томской области.

⁴ См.: Материалы 9-35/05, 9-38/05, 9-46/05 / Архив мирового судьи Каргасокского судебного района Томской области.

Учеными, анализирующими сложившуюся практику доказывания и принятия решения о возбуждении уголовного дела, предлагаются различные варианты оптимизации уголовно-процессуального законодательства: от увеличения сроков проверки¹ до закрепления в законе исчерпывающего перечня оснований принятия решений о производстве предварительной проверки заявлений и сообщений² и ликвидации стадии возбуждения уголовного дела³.

Между тем, например, уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова не предусматривает конкретных сроков уголовного преследования и судебного разбирательства дела, определяя, что уголовное преследование и судебное разбирательство дела осуществляются в разумные сроки (ч. 1 ст. 20 УПК). При этом установлены критерии определения разумных сроков, к которым относятся: сложность дела, поведение сторон процесса, поведение органа уголовного преследования и судебной инстанции (ч. 2 ст. 20)⁴. Кроме того, УПК Республики Молдова определяет приоритетными уголовное преследование и судебное разбирательство по уголовным делам, по которым подозреваемые, обвиняемые или подсудимые подвергнуты предварительному аресту, а также по которым проходят несовершеннолетние (ч. 3 ст. 20).

Принцип ускоренного судопроизводства характерен для уголовного процесса ФРГ. В соответствии с требованиями ускоренного судопроизводства обвиняемый в течение соразмерного срока должен узнать, в чем он обвиняется, подсудимый в течение соразмерного срока должен предстать перед судом, который будет рассматривать его уголовное дело. Поскольку конкретных сроков для судебных слушаний не установлено, судьи должны исходить из «разумного срока», определяемого обстоятельствами каждого конкретного дела, вести разбирательство по возможности непрерывно, желательно в течение одного судебного заседания⁵.

На наш взгляд, установленные в законе сроки проверки сообщения о совершенном преступлении и принятия решения, направлены на оптимизацию деятельности уполномоченных органов и должностных лиц,

---

¹ См., напр.: *Тулянский Д.В.* Некоторые процессуальные положения УПК РФ: требуются законодательные новации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 92–98.

² См., напр.: *Мирза Л.С.* Доступ к правосудию: Уголовно-процессуальные аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11, 16.

³ См., напр.: *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 239–241; *Деришев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 18; и др.

⁴ Из указанных критериев исходит Европейский суд по правам человека, рассматривая жалобы на длительность расследования или судебного разбирательства дела.

⁵ См.: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ / Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. С. 39–40.

а также на соблюдение и обеспечение реализации прав заинтересованных лиц. Наличие сроков в большинстве своем позволяет предотвратить волокиту, способствует оперативности деятельности органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении и, как следствие, свидетельствует о своевременной реакции государства на преступление. Как правильно заметил К.Б. Калиновский, сроки обеспечивают не только выполнение задач уголовного процесса, но и справедливость самой процедуры судопроизводства¹.

Установленный законодателем срок проверки заявлений должен отвечать требованиям разумности, то есть позволять правоприменителю выполнять возложенные функции и решать поставленные задачи, не нарушая своей продолжительностью прав и законных интересов заинтересованных лиц. При этом длительность срока должна быть не только поднадзорна органам прокуратуры, но и подконтрольна частным лицам, обладающим интересом и наделенным правом на обжалование действий или бездействия должностных лиц.

ОБРАЩЕНИЕ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ДЕНЕГ, ЦЕННОСТЕЙ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

В.В. Балдин

Определенная категория преступников получает громадные доходы от своей преступной деятельности, и обратить имущество, добытое преступным путем, в доход государства зачастую не так просто.

Интерес для государства в данной сфере представляют:

1. Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления.

2. Доходы, полученные в результате использования имущества.

3. Имущество, в которое имущество и доходы, указанные в п. 1 и 2, преобразованы или превращены.

В строгом соответствии с действующей редакцией п. 2¹ ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами являются лишь деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, однако систематическое толкование указанной нормы во взаимосвязи с положениями п. 4 и п. 4¹ ч. 3 этой же статьи УПК РФ позволяют сделать вы-

---

¹ См.: Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2(3). С. 139.

вод о том, что законодатель к числу вещественных доказательств относит и две другие разновидности преступной наживы, указанные выше.

В этой связи редакция п. 2¹ ч. 1 ст. 81 УПК РФ требует соответствующей законодательной корректировки.

Весьма неоднозначной представляется конкуренция п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и ч. 1 ст. 252 УПК РФ. В этой связи правоприменители отмечают сложность доказывания приобретения имущества на денежные средства, которые добыты в результате совершения именно преступления.

По делу в отношении Чернова судом в доход государства обращено легализованное имущество, добытое в результате сбыта наркотиков, на сумму 13934521 руб.

Возбуждая надзорное производство по данному делу, судья Верховного суда РФ указала, что сумма, полученная Черновым от совершения преступлений, составляет 7600 рублей. Сведения о том, что Чернов долгое время занимался продажей наркотических средств, не могут быть достаточным основанием для обращения имущества в доход государства, поскольку совершение Черновым этих преступлений судом не установлено.

Проблемы возникают и в процессе доказывания того, что имущество, в которое преобразовано или превращено имущество, добытое преступным путем, приобретено именно на те денежные средства, ценности или имущество, которые получены в результате совершения преступления, а не на какие-либо другие.

Так, приговором Первомайского районного суда г. Омска от 29.12.2007 г. В.Н. Саенко оправдан по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. Органами предварительного следствия Саенко обвинялся в приобретении на денежные средства, полученные от продажи героина, золотых изделий, техники и машины. По мнению суда, обвинение не опровергло версию подсудимого о том, что данное имущество им было приобретено на легальные доходы от предпринимательской деятельности.

До 01.01.2007 г. судьба преступной наживы разрешалась исключительно уголовно-процессуальными нормами, а именно ст. 81 УПК РФ. В настоящее время ст. 81 УПК РФ корреспондирует ст. 104¹ УК РФ, регламентирующая конфискацию имущества.

Конфискация имущества является иной мерой уголовно-правового характера (разд. 6 УК РФ). Переход деятельности по обращению преступной наживы в доход государства из уголовно-процессуальной сферы в уголовно-правовую, безусловно, обоснован, поскольку речь идет о карательных мерах, а не процессуальных.

В то же время признание анализируемого имущества вещественными доказательствами крайне важно для обеспечения сохранности имущества до окончания рассмотрения дела и решения вопроса о конфискации.

О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ПЕРВОЙ СУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. Васин

Традиции отечественного уголовно-процессуального права обнаруживают следующие цели этой судебной стадии. Во-первых, охрана личности обвиняемого: «путем доставления ему новой гарантии, что обвинение против него будет еще раз проверено раньше, чем он из обвиняемого превратится в подсудимого»¹, во-вторых, охрана общественных интересов, «так как обнаружение на суде бездоказательности обвинений роняет достоинство правосудия страны»².

По своему месту и внутреннему содержанию, а также таким внешним признакам, как органы, принимающие решение, стадия предания суду по Уставу уголовного судопроизводства существенно отличалась от своего аналога по советскому периоду и начального момента современной судебной реформы.

В соответствии с УУС стадия «предания суду» – это «период процесса от заключения следствия (включая сюда и рассмотрение жалоб) до переадресации дела в надлежащий суд для назначения его к слушанию»³.

По сути стадия предания суду и состояла именно в *передании* (выделено нами. – В.В.) суду уголовного дела для рассмотрения его по существу обвинения или утверждения заключения о прекращении уголовного преследования. Властным субъектом уголовно-процессуальной деятельности в этот момент был прокурор и к судебной деятельности данная стадия фактически отношения не имела. Подобное положение сохранялось и в период становления советского уголовно-процессуального права, но и судья получил возможность осуществлять предание суду⁴.

Советская литература более позднего периода по данному вопросу обосновывает иное положение стадии предания суду, которая оказалась в судебном производстве, и вопрос стал решаться уже судьей, а не обвинительной властью.

При этом целью данной стадии, по мнению многих ученых, а также практиков⁵, было выяснение вопроса о качестве проведенного расследо-

---

¹ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 370.

² Там же.

³ Там же.

⁴ УПК РСФСР утвержден Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. СУ РСФСР 1923 г. № 7 ст. 106 в ред. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. СУ 1929 г. № 78. Ст. 756.

⁵ Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания

вания. То есть одной из основных целей данной судебной стадии считалась необходимость проверки законности и обоснованности решений, принятых органами предварительного расследования по конкретному уголовному делу, в первую очередь – о предъявлении обвинения.

Наши возражения по данному вопросу сводятся к двум моментам. Во-первых, с такой позицией можно было бы согласиться, если бы мы могли признать, что подобные цели достижимы *исключительно* на данной стадии процесса и выражают *сущность* данной стадии. Однако к такому выводу мы не можем прийти, поскольку эти же вопросы отнесены к компетенции прокурора (а теперь и руководителя следственного органа), в непосредственные обязанности которых и входит разрешать сомнения в качестве произведенного расследования.

Во-вторых, за длительный период практической работы и прокурором и судьей нам не приходилось встречать судью, который при оценке качества предварительного расследования оставлял бы за пределами своего внимания вопросы фактической доказанности или недоказанности виновности лица, в отношении которого и поступило уголовное дело в суд для рассмотрения.

Представляется, что подлинные цели первой судебной стадии уголовного процесса должны соответствовать *внутренним специфическим особенностям* этой стадии.

Серьезного внимания, по нашему мнению, заслуживает мнение В.М. Кобякова, который обосновал количественные и качественные критерии перехода с одной уголовно-процессуальной стадии к другой¹. Поддерживая позицию данного автора о «достижении качественного скачка» в развитии уголовно-процессуальной деятельности, мы приходим к выводу о том, что полное разрешение всех специфических вопросов досудебного производства позволяет говорить о дальнейшем развитии и существенном изменении уголовно-процессуальных правоотношений – они становятся судебными уголовно-процессуальными правоотношениями. Природа этих правоотношений совершенно иная, чем участие суда в досудебном производстве, судебные уголовно-процессуальные правоотношения призваны, в первую очередь, обеспечить «внутренние» потребности судебного производства, а суд приоб-

---

суду. Л., 1966; *Выдря М.М.* Предание суд как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности. Краснодар, 1981; *Михайлова Т.А.* Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1981; *Савицкий В.М.* Что такое уголовный процесс. М., 1987; *Юркевич Н.А.* Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. Омск, 1991; и др.

¹ *Кобяков В.М.* Понятие и значение процессуальных оснований стадий уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Свердловск, 1985. С. 49–50.

ретает новое процессуальное лицо – он становится единственным распорядителем по делу, «центральным» субъектом. Важно отметить, что первая судебная стадия по своей сущности является «пусковым механизмом» правосудия как такового.

Таким образом, цель первой судебной стадии предлагаем определить как установление новых уголовно-процессуальных правоотношений с участием нового «центрального» субъекта – суда для обеспечения дальнейшего развития процесса. Принятие процессуального решения по итогам этой стадии является правовым основанием для дальнейшего движения уголовного дела.

О РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОКУРАТУРЫ

О.В. Воронин

С учетом сложившихся традиций можно выделить два типа устройства национальных прокуратур: англосаксонский и континентально-европейский. Каждый из указанных типов включает несколько моделей (видов).

Для англо-саксонского типа основной функцией является осуществление уголовного преследования и поддержание публичного обвинения. При этом у прокуроров этого типа практически отсутствуют надзорные полномочия. Организационно прокуратуры англо-саксонского типа представляют собой скорее не органы государственной власти (по крайней мере, в континентальном понимании), а совокупность профессиональных корпораций юристов, состоящих на публичной службе. Этот тип включает в себя две модели (вида) прокуратуры – американский и британский.

Основные функции для прокуратур континентально-европейского типа заключаются в осуществлении уголовного преследования (поддержании государственного обвинения) и реализации надзорных полномочий. Организационно большинство из них занимает двойственное положение, с одной стороны, административно они подчиняются соответствующим министрам юстиции (т.е. формально входят в состав исполнительных органов власти), с другой – состоят и реализуют свои функции при многочисленных судах (функционируют в судебной системе). При этом в отличие от англо-саксонского типа для них характерна высокая степень централизации и наличие субординационных связей между вышестоящими и нижестоящими прокурорами. Наиболее типичными представителями данного типа являются французская и германская прокуратуры.

На наш взгляд, континентально-европейский тип устройства прокурорских органов также может быть дополнен самостоятельной российской (советской) моделью.

Российская (советская) прокуратура занимает особое место в системе прокуратур Континентальной Европы. Хотя прообразом отечественной прокуратуры послужила французская, изначально она учреждалась (и позже функционировала) на несколько иных принципах. Во-первых, для российской модели прокуратуры наряду с функцией уголовного преследования (поддержания государственного обвинения) характерно наличие обширных надзорных полномочий, наличие которых никогда не обуславливалось осуществлением уголовного преследования или поддержанием государственного обвинения, например, как у французского прокурора, а являлось самостоятельным имманентным свойством отечественной прокуратуры. Во-вторых, российская (советская) прокуратура представляет собой систему независимых, прежде всего контрольных (надзорных), органов, обладающих лишь внешними признаками органов юстиции. Эта система органов исторически подчинялась высшему органу государственной власти: изначально – императору, а позже, в советское время, – Верховному Совету СССР. В этой связи одной из основных ее задач являлось и является обеспечение интересов центральной власти на всей территории государства. В-третьих, такая модель прокуратуры под советским влиянием стала определяющей для многих социалистических стран, ранее не знавших или отказавшихся от европейских традиций государственного строительства. Наконец, отсутствие аналогов петровской и советской прокуратур в правовых системах соответствующих исторических периодов также позволяет выделить российскую прокуратуру в отдельный самостоятельный вид.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

М.Ю. Гнездовская

Согласно ст. 15 УПК РФ можно выделить следующие элементы принципа состязательности: наличие двух противоположных сторон – обвинение и защита, процессуальное равноправие (равенство) сторон, наличие независимого от сторон суда. Таким образом, характеризую сущность состязательности, можно сказать, что принцип состязательности означает разделение уголовно-процессуальных функций, при наделении противоборствующих сторон равными правами в состязании и наличии независимого суда, разрешающего возникший спор.

Также обращает на себя внимание, что в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности закреплен как начало, распространяющее свое действие на весь уголовный процесс: как на этап предварительного расследования, так и на этап судебного разбирательства. Вопрос о целесообразности придания принципу состязательности столь всеобъемлющего значения, пронизывающего весь уголовный процесс, может быть объектом отдельного исследования. В настоящей статье хотелось бы остановиться на следующем.

Если ст. 15 УПК РФ говорит о состязательности как о принципе, распространяющем свое действие на все этапы уголовного процесса, следовательно, можно говорить и о распространении такого элемента принципа состязательности, как разделение уголовно-процессуальных функций, на весь уголовный процесс, в том числе и на предварительное расследование. Но так ли оно на самом деле?

Следователь, в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ, находится на стороне обвинения и осуществляет соответствующую функцию – обвинительную. В соответствии со ст. 86 УПК РФ следователь является одним из субъектов доказывания. Соответственно, казалось бы, он должен осуществлять собирание исключительно обвинительных доказательств. Однако в ст. 73 УПК РФ, определяющей обстоятельства, подлежащие доказыванию, среди прочих указываются обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Собирание доказательств, позволяющих установить наличие или отсутствие таких обстоятельств, должен осуществлять следователь. Но разве можно утверждать, что следователь, выявив в процессе расследования вышеуказанные обстоятельства и добыв тем самым оправдательные доказательства, осуществляет обвинительную функцию? Можно поставить и другой вопрос: если следователь, воспользовавшись полномочиями, предоставленными ему УПК РФ, принимает решение прекратить уголовное преследование в отношении конкретного лица по реабилитирующим основаниям, то осуществляет ли он и тогда функцию обвинения?

В соответствии с п. 46 ст. 5 УПК РФ защитник осуществляет функцию защиты. Представим ситуацию, когда защитник в процессе сбора информации по конкретному делу выявляет причастность иного лица (не своего подзащитного) к совершению преступления. Предоставив такую информацию следователю, адвокат реализует функцию защиты в отношении своего подзащитного, но в отношении другого лица, выявив обстоятельства, указывающие на его причастность к совершению преступления, он реализует функцию, явно не носящую защитного харак-

тера. Также может случиться, что определенная информация, полученная адвокатом, первоначально носившая оправдательный характер в отношении его подзащитного, в процессе расследования уголовного дела превратится в обвинительное доказательство. И в таких случаях можно говорить, что защитник осуществил не свойственную ему в соответствии с УПК РФ функцию обвинения.

Теперь обратимся к суду, осуществляющему в соответствии с п. 48 ст. 5 и ст. 15 УПК РФ функцию разрешения уголовного дела. В соответствии с п. 2 ст. 29 УПК РФ только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, о контроле записи телефонных переговоров. Представляется, что дачу судом санкции на производство вышеуказанных действий достаточно трудно квалифицировать как осуществление судом правосудия.

Вышесказанное, как представляется, дает основание утверждать, что четкое разделение уголовно-процессуальных функций на этапе предварительного расследования отсутствует, и распространение законодателем действия принципа состязательности на стадию предварительного расследования противоречит как самой природе, сущности предварительного расследования, так и объективному положению дел, складывающемуся на данном этапе уголовного процесса.

О ПРИНЦИПАЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

Г.Г. Гумеров

Подавляющее большинство уголовных дел относятся к делам публичного обвинения, и, следовательно, согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, решающую роль в уголовном преследовании играют прокурор, следователь и дознаватель, т.е. те должностные лица, которые от имени государства должны объективно и беспристрастно разобраться, что же произошло на самом деле перед возникновением повода к возбуждению уголовного дела и было ли вообще преступление как таковое. Однако в ч. 2 ст. 21 УПК РФ законодатель предусматривает императивную норму: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотрен-

ные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

Согласно словарю В.И. Даля, «изобличать» – обличать, уличать, доказывать или обвинять уликой, доказательствами¹. Ещё конкретнее определяется понятие «изобличить» в словаре русского языка Д.Н. Ушакова: «изобличить – обнаружив проступок, погрешность, доказать чью-нибудь виновность в чем-нибудь, уличить кого-нибудь»².

Фактически законодатель заставляет к любому подозреваемому или обвиняемому относиться как к виновному. Иначе как понимать требование к следователю «принять меры к изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления», но виновных, как уже было сказано выше, ещё нет, а кроме подозреваемого или обвиняемого изобличать, вроде, и некого.

Однако в соответствии со ст. 73 УПК РФ к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности отнесены обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Возникает коллизия правовых норм, определяющих статус следователя, дознавателя, прокурора: «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). В самом деле, как может доказывать обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, лицо, которому по должности положено преследовать и изобличать?

Напрашивается вывод: не пора ли освободить органы предварительного расследования от функции обвинения, предоставив возможность заниматься своим делом в соответствии с названием и назначением, т.е. объективно расследовать уголовное дело. Возможно, тогда и не понадобится многоступенчатый контроль за добросовестным исполнением своих обязанностей должностными лицами, которые профессионально подготовлены, принимали присягу на верность своему долгу, в конце концов получают денежное содержание за надлежащее исполнение своих обязанностей.

---

¹ Толковый словарь В. Даля ON-LINE [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/P070.HTM#1>.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text=%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%81%D1%8C&encid=ushakov>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Е.В. Гурман

Со времени введения в действие УПК РФ и, соответственно, института апелляционного обжалования количество подобных дел, рассматриваемых судами области, неуклонно возрастает (2002 г. – 20, 2007 г. – 200). Между тем при рассмотрении дел в порядке апелляционного судопроизводства возникает много вопросов и спорных ситуаций.

Так, например, законодательно не регламентирован вопрос о проверке доказательств при рассмотрении дела в апелляционном порядке, ее процедуре и пределах. Практика показывает, что наиболее типичен следующий порядок судебного следствия в апелляционной инстанции: после заслушивания мнений сторон по доводам жалобы или представления, председательствующий по своей инициативе исследует все материалы уголовного дела, включая протоколы следственных действий на предварительном следствии, а также протокол судебного заседания в суде первой инстанции. После этого сторонам предлагается дополнить судебное следствие, и суд переходит к судебным прениям. Бесспорно, такой порядок судебного следствия противоречит всем нормам уголовно-процессуального закона и, в первую очередь, принципу состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

Следует отметить также, что не протокол судебного заседания у мирового судьи как таковой, а именно, зафиксированные в нем судебносудебные действия (например, показания свидетелей, осмотр местности, судебный эксперимент и пр.) являются доказательством. Их же непосредственное исследование в судебном заседании возможно лишь с соблюдением требований УПК РФ, установленных его специальными нормами (например, на оглашение показаний свидетелей распространяются нормы ст. 281 УПК РФ и т.д.).

Наибольшие сложности возникают перед судами при определении формы того решения, которое они должны принять по итогам рассмотрения дела в апелляционном порядке. Исходя из смысла ч. 1 ст. 367 УПК РФ, лишь в случаях оставления решения мирового суда без изменения суд апелляционной инстанции выносит постановление, во всех иных – постановляется приговор. Руководствуясь данной нормой, суды выносили приговоры порой в комичных ситуациях – например, прекращая уголовное дело в связи с примирением сторон или в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда РФ устранил данный пробел, разъяснив в Поста-

новлении № 28, что перечень принимаемых решений, предусмотренный ст. 367 УПК РФ, исчерпывающим не является.

Возникают вопросы и по содержанию решений, принимаемых судом апелляционной инстанции. В некоторых случаях апелляционные приговоры представляют собой фактически кассационные определения – не содержат описания преступного деяния, его юридической оценки, формы вины и пр. Все подобные решения отменяются вышестоящей инстанцией в связи с их несоответствием требованиям ст. 307 УПК РФ.

Наконец, одним из самых спорных вопросов, возникающим при рассмотрении уголовных дел в апелляционном порядке, является вопрос о пределах рассмотрения дела судом апелляционной инстанции. В соответствии с ч. 2 ст. 360 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело в апелляционном порядке, проверяет законность, обоснованность и справедливость судебного решения лишь в той части, в которой оно обжаловано.

Однако согласно ст. 367 УПК РФ в случае изменения либо отмены решения мирового судьи суд апелляционной инстанции постановляет новый приговор, который должен соответствовать требованиям гл. 39 УПК РФ (ст. 368 УПК РФ). Исходя из требований ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. В нарушение указанных положений уголовно-процессуального закона суды, проверяя в судебных заседаниях лишь доводы жалоб или представлений и проводя, таким образом, усеченное судебное следствие, постановляют новые приговоры, ссылаясь на неисследованные доказательства, и не ясно, на основании чего делают выводы о виновности лица.

Более правильным представляется такое системное толкование нормы ч. 2 ст. 360 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 367 УПК РФ, при котором суд апелляционной инстанции полностью проверяет законность, обоснованность и справедливость решения мирового судьи в отношении осужденного, обжаловавшего его в апелляционном порядке (либо в отношении которого принесено апелляционное представление). Только таким способом суд сможет разрешить все вопросы, установленные ст. 299 УПК РФ.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

А.Б. Диваев

В теории по вопросу предмета доказывания по уголовным делам сложилось достаточно устойчивое мнение, которое выражено в научной

и учебной литературе¹. Если привести его положения к определенному общему знаменателю, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что ст. 73 УПК РФ устанавливает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, имеет распространение точка зрения, согласно которой в круг обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, следует включать еще и особенную по каждому уголовному делу группу обстоятельств, являющиеся доказательственными (промежуточными, вспомогательными) фактами, которые закон называет обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела. Следствием этого мнения является положение, согласно которому отсутствует какой-либо универсальный, характерный для каждого уголовного дела предмет доказывания. Предмет доказывания по каждому уголовному делу конкретен и является особенным настолько, насколько особой является группа обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела.

Во-вторых, вся совокупность обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, неоднородна. В ней необходимо выделять так называемый главный факт, который включает в себя «...событие преступления, лицо, совершившее преступление, виновность данного лица»².

Наконец, в-третьих, можно вести речь о существовании особенностей предмета доказывания при производстве по делам несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) и по делам о применении принудительных мер медицинского характера, которые выражены в ст. 421 и 434 УПК РФ соответственно.

Думается, что вышеуказанные положения в свете положений УПК РФ нуждаются в критическом осмыслении. Так, в частности, вряд ли законно и логично включать в предмет доказывания и нормативно установленную совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, и специфичную по каждому уголовному делу совокупность обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Во-первых, закон сам

---

¹ См., например: *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. С. 38–53; Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002. С. 155–160; Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ПБОЮЛ, 2001. С. 150–152; Уголовно-процессуальное право РФ: Учебник / Отв.ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2004. С. 221–225; Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 116–121; *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс России: Учеб. пособие. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2004. С. 115–119; *Росинский С.Б.* Уголовный процесс: Курс лекций. М.: Эксмо, 2007. С. 150–153; и др.

² *Божьев В.П.* Указ. соч. С. 159.

терминологически разделяет эти группы обстоятельств, прямо указывая в ст. 73 и 75 УПК РФ, что подлежат доказыванию (т.е. составляют предмет доказательственной деятельности) лишь те, которые прямо установлены законом. Все остальные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, в предмет доказывания не могут быть включены, так как должны рассматриваться не иначе как средства доказывания при его косвенном осуществлении.

Данный вывод автоматически исключает положение о существовании специфического предмета доказывания по конкретному уголовному делу. Предмет доказывания един для всех уголовных дел и нормативно установлен в ст. 73 УПК РФ. Естественно, содержание каждого из обстоятельств в конкретном производстве будет различаться, однако набор обстоятельств будет всегда одним и тем же.

Включение в предмет доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, влечет и еще одно негативное последствие – излишнюю индивидуализацию предмета доказывания. Решать, придавать значение для уголовного дела тому или иному обстоятельству или нет, каждый субъект, участвующий в доказывании по уголовному делу, вправе самостоятельно, по внутреннему убеждению. По сути в этой конструкции предмет доказывания как единое и организующее доказывание начало перестает существовать, он излишне абстрагируется и становится индивидуальной категорией.

Предмет доказывания не только един для всех уголовных дел. Он обладает и свойством внутреннего единства. Каждое обстоятельство, указанное в ст. 73 УПК РФ и подлежащее доказыванию, самоценно. Из их перечня невозможно и даже нежелательно выделять какие-либо главные и второстепенные факты. Нетрудно убедиться, что это может привести к односторонности в доказывании. Обычно «главными» считаются факты явно обвинительного характера (наличие события преступления, виновность лица в его совершении), а это может привести к тому, что субъект доказывания, уделив им излишнее внимание, упустит «второстепенные» факты оправдательного свойства.

Наконец, положения УПК РФ не дают оснований выделять какую-либо специфику предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) и делам о применении принудительных мер медицинского характера. Анализ ст. 421 и 434 УПК РФ показывает, что в них законодатель не предусматривает чего-либо «специального». Он лишь дополнительно указывает на те обстоятельства, которые следователем должны быть исследованы с особым вниманием, учитывая специфику уголовного дела и субъекта, в отношении которого осуществляется производство.

Таким образом, подводя итог, можно сделать общий вывод: предмет доказывания исчерпывающим образом закреплен в ст. 73 УПК РФ, является общим для всех уголовных дел и един по своей внутренней структуре.

ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Н.А. Дудко

Верховный Суд РФ, обсудив практику рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, сформулировал основные проблемы применения норм УПК РФ и дал с целью обеспечения единообразного и правильного применения норм соответствующие разъяснения в постановлении Пленума № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм УПК РФ, регламентирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»¹. Аналогичные проблемы возникают и при рассмотрении дел в Алтайском краевом суде. Одни из них могут быть устранены совершенствованием правоприменительной практики, например на основе дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, другие требуют внесения изменений в УПК РФ. Прежде всего, это касается вопросов исследования доказательств с учетом особенностей рассмотрения дел в суде присяжных.

Так, вопрос о недопустимости доказательств может быть решен не только в ходе судебного разбирательства (ст. 335 УПК РФ), но и в предварительном слушании (ст. 235 УПК РФ). Однако в большинстве уголовных дел допустимость доказательств оценивается в судебном разбирательстве. При этом не всегда выполняется требование закона о том, что в судебном разбирательстве вопрос о допустимости доказательств должен рассматриваться в отсутствие присяжных заседателей (п. 6 ст. 335 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что по смыслу этой нормы стороны должны сообщать председательствующему о наличии у них ходатайств юридического характера, не раскрывая их содержания в присутствии присяжных заседателей (п. 24 Постановления № 23 от 22 ноября 2005 г.). К сожалению, достаточно часто подсудимые в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей заявляют об исключении своих показаний или других доказательств как недопустимых. Иногда и защитники нарушают требование п. 6 ст. 335

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1. С. 2.

УПК РФ. Такие заявления в присутствии присяжных заседателей, как и неоднократные удаления присяжных заседателей из зала судебного заседания при решении вопроса о недопустимости доказательств, негативно влияют на формирование внутреннего убеждения и объективное разрешение присяжными заседателями поставленных перед ними вопросов. Для устранения этой проблемы следует использовать возможности предварительного слушания, которое обязательно при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и проводится с участием сторон (ст. 229, ст. 234 УПК РФ). Целесообразно внести изменения в ст. 235 УПК РФ, закрепив требование об обязательном рассмотрении вопроса о недопустимости доказательств в ходе предварительного слушания, а при рассмотрении дела по существу – в виде исключения, например только в связи с обстоятельствами, выявленными в ходе судебного разбирательства. Такое предложение соответствует позиции Конституционного суда РФ, сформулированной в определении от 23.05.2006 г.:

«...устранение дефектных с точки зрения процессуальной формы доказательств должно осуществляться прежде всего на стадии предварительного слушания (часть четвертая статьи 88, пункт 2 части первой статьи 227, пункт 1 части второй статьи 229, часть пятая статьи 234 и статья 235), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не исключает возможность переноса решения вопроса об их допустимости на более поздний этап судопроизводства в тех случаях, когда несоответствие доказательства требованиям закона не является очевидным и требует проверки с помощью других доказательств...»¹.

ИЗМЕНЕНИЕ, ДОПОЛНЕНИЕ И СОЗДАНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ю.Е. Еремеева

Действующий УПК РФ далеко не идеален – еще до вступления в силу в него были внесены изменения и дополнения ФЗ от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ. Было внесено 109 поправок в 68 статей (при этом изменению

---

¹ Определение Конституционного суда РФ от 23 мая 2006 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружинина Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав статьями 75, 88, 109, 152 и 235 УПК РФ» // <http://www.ksrf.ru>

подверглись и общие положения, и досудебное, и судебное производство: нормы излагались в другой редакции, дополнялись, признавались утратившими силу).

Законодателем принято 38 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ (всего 645 поправок).

Законами, вносящими в УПК РФ поправки, изменяются принципиальные положения, например связанные с образованием Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, а также вносятся изменения сопутствующего характера, например при изменении УК РФ 08.12.03 были внесены изменения в УПК РФ для согласования нормативных актов.

Изменения и дополнения, вносимые в УПК, можно рассматривать в различных аспектах: 1) как часть уголовно-процессуального закона, 2) как вид законотворчества (правотворчества), 3) как элемент правотворчества, 4) как элемент правового регулирования.

Изменения, вносимые в УПК, можно классифицировать: А) по формулировкам¹; Б) по объему: части Кодекса, разделы, главы, статьи, части статей, пункты; В) по субъекту законодательной инициативы²; Г) по логической завершенности и согласованности с другими положениями; Д) по содержанию.

Реальная картина такова, что рекомендации по применению и толкование отдельных положений УПК могут не соответствовать содержанию норм. При разумности практических рекомендаций с неизбежностью возникает необходимость внесения изменений в УПК РФ.

В связи с вышеуказанным можно сделать следующие выводы.

1. Включение изменяющих и дополняющих норм в текст Кодекса не должно нарушать логические связи и систему УПК.

2. Содержание и количество внесенных в УПК поправок таковы, что значительно скорректировали концепцию принятого в свое время УПК РФ и принципиально изменяли отдельные положения Кодекса.

3. По содержанию поправки УПК можно рассматривать как отражение изменения социальных отношений; отражение соотношения политических сил, которые представляют интересы отдельных политических групп, партий, ведомств; отражение профессиональной деятельности юристов (представителей других специальностей и профессий).

---

¹ Изложение нормы в другой редакции – 100 поправок, Замена конкретного положения – 177 поправок, Дополнение – 228 поправок, Исключение – 124 поправки, Признание утратившей силу – 16 поправок.

² Президент РФ – 7; Верховный Суд РФ – 1; Правительство РФ – 6; Депутаты ГД РФ – 20; Депутаты ЗО субъектов РФ – 1; Депутаты ГД РФ и члены СФ РФ – 3.

4. Определенную сложность вызывает доведение содержания измененных положений Кодекса до правоприменителей и влияние на их правосознание, особенно в случаях, когда практики имеют многолетний стаж работы и учитывают не только нормы закона, но и сложившийся опыт.

5. Среди практических работников и ученых-процессуалистов возникла и находит свое подтверждение идея принятия новой редакции УПК РФ.

Изучение содержания поправок УПК, механизма их формирования и принятия необходимо для понимания их роли и места в правовом регулировании отношений, складывающихся в сфере уголовного процесса, понимания, как поправки реализуются в схеме: принятие УПК РФ – реализация норм Кодекса – изучение результатов практики реализации норм – принятие изменений УПК – реализация измененных норм и т.д.

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В ВЫЯВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Т.И. Жеребцова

Современные ученые-процессуалисты справедливо полагают, что в прежнем и ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве не было и нет специальной нормы, которая обозначила бы круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (т.е. предмет доказывания), в деятельности адвоката-защитника по уголовным делам¹. Вместе с тем защитнику, участвуя в собирании доказательств, необходимо учитывать направленность самого процесса доказывания и те обстоятельства, которые подлежат доказыванию по делу, участвовать в выявлении последних.

Н.Т. Ведерников обоснованно обращает внимание на то, что в числе других моментов предмета доказывания в качестве самостоятельных пунктов называются *«обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого»*, и при этом возникает непростой как в теоретическом, так и в практическом плане вопрос: а что следует вообще понимать под личностью обвиняемого, и какие именно обстоятельства, характеризующие его личность, следовало бы иметь в материалах всякого уго-

---

¹ См.: Еникеев З.Д., Еникеев Р.З. Участие адвоката-защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних: социально-этические и процессуально-криминалистические проблемы. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 72.

ловного дела, с тем чтобы при решении любого уголовно-правового и уголовно-процессуального вопросов по делу можно было уверенно заявить и показать (доказать), что информация о личности обвиняемого при этом учтена в должной мере?¹ Выявление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, важно при избрании меры пресечения, при определении вида и размера наказания и т.д.

Защитник, осуществляя свою профессиональную деятельность, участвует в выявлении обстоятельств, положительно характеризующих личность не только обвиняемого, но и подозреваемого, подсудимого.

Полагаем, что, участвуя в выявлении вышеназванных обстоятельств, защитник вправе руководствоваться положениями п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре», согласно которым к иным сведениям о личности подсудимого, имеющим значение для дела, относятся такие сведения, которые наряду с другими данными могут быть учтены судом при назначении наказания, вида исправительной колонии, признании рецидива преступлений и разрешении других вопросов, связанных с постановлением приговора. Согласно вышеназванному Постановлению, к иным сведениям о личности подсудимого относятся также данные об имеющейся у подсудимого инвалидности, наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий.

Вместе с тем положения указанного Постановления все же посвящены выявлению обстоятельств, характеризующих личность именно подсудимого, при постановлении приговоров, и остается неурегулированным, какие же обстоятельства, характеризующие личность не подсудимого, а лица, еще только подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, необходимо выявлять. Также неясно, какие именно из обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого или обвиняемого, необходимо обязательно выявить при решении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов не в судебных стадиях, а на стадии предварительного расследования, например при избрании меры пресечения.

Полагаем, что указанные пробелы необходимо устранить на законодательном уровне, что будет способствовать установлению истины по делу в целом и конкретизировать направленность участия защитника в выявлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу в частности.

---

¹ См.: *Ведерников Н.Т.* Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Государство и право. 2003. № 6. С. 47.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ СУДА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННО ИССЛЕДОВАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

О.Р. Идрисов

Проблема определения пределов полномочий кассационной инстанции в сфере уголовно-процессуального доказывания была предметом дискуссий ещё в советской уголовно-процессуальной литературе и не утратила актуальности в наше время. Особую остроту приобрёл вопрос, связанный с правом суда кассационной инстанции непосредственно исследовать доказательства. Ещё И.Д. Перлов предлагал «...расширить полномочия кассационного суда в области непосредственного исследования доказательств, внедрить... некоторые элементы апелляционного производства, в частности предоставить кассационной инстанции право допрашивать свидетелей, в достоверности показаний которых у суда возникли сомнения»¹. Предложение это не было поддержано большинством советских процессуалистов. Рассматривая его, О.П. Тёмушкин не без оснований писал, что «под видом элементов апелляции предлагается суррогат судебного следствия, при котором судьба дела ставится в зависимость от поведения одного – двух так называемых решающих свидетелей»². С принятием УПК РФ в российском уголовном процессе появился институт апелляционного производства, который был предусмотрен дореволюционным, но отвергнут советским процессуальным законодательством. При этом законодатель допустил ряд ошибок и противоречий, к числу которых относится наличие в ч. 4 ст. 377 УПК РФ нормы, предусматривающей без всяких ограничений возможность проведения в суде кассационной инстанции по ходатайству стороны непосредственного исследования доказательств по правилам гл. 37 УПК РФ, регулирующей порядок проведения судебного следствия в суде первой инстанции. При таком подходе законодателя к рассматриваемому вопросу исчезает принципиальное различие между судами кассационной инстанции, с одной стороны, и судами первой и апелляционной инстанций, с другой. В контексте данной проблемы позиция Пленума Верховного Суда РФ с теоретической точки зрения представляется более ясной и правильной по сравнению с непонятной логикой законодателя. Так, в п. 14 постановления № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что

---

¹ Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 81.

² Тёмушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М., 1978. С. 72.

«...под исследованием доказательств судом кассационной инстанции следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, исследованных судом первой инстанции»¹. По смыслу данной интерпретации речь идёт об опосредованном исследовании доказательств судом кассационной инстанции. Термин «непосредственное исследование» упоминается в абз. 2 п. 14 Постановления применительно к проверке новых доказательств по ходатайству стороны судом апелляционной инстанции, что позволяет сделать однозначный вывод о том, что Пленум различает в своём постановлении два вида исследования доказательств. При этом Пленум прямо указал на то, что «...суд кассационной инстанции не вправе проводить допрос свидетелей, назначать судебные экспертизы и т.п.»². Признавая с теоретической точки зрения правильность позиции Пленума Верховного Суда РФ, нельзя не заметить, что приведённая интерпретация нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ явно не основана на законе, более того, противоречит буквальному смыслу этой нормы, которая прямо указывает на возможность непосредственного исследования доказательств в суде кассационной инстанции по всем правилам гл. 37 УПК РФ. Поэтому являются обоснованными рассуждения тех авторов, которые, понимая смысл данной нормы буквально, считают, что «Пленум Верховного Суда РФ превысил свои полномочия, когда вопреки прямому указанию УПК РФ фактически запретил вызывать и допрашивать в суде кассационной инстанции свидетелей, экспертов и т.д.»³. В сложившейся ситуации единственно верным решением может быть только законодательное закрепление позиции Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу с одновременным исключением из ст. 377 УПК РФ нормы ч. 4, которая противоречит сущности кассации, превращает её в суррогат апелляции, или «квазиапелляцию».

ЦЕЛИ РЕФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АВСТРИИ

Н.В. Ильютченко

В настоящее время в Австрийской Республике проходит крупномасштабная реформа уголовно-процессуального законодательства. Дело в том, что Уголовно-процессуальный кодекс Австрии 1975 г. (Straf-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28. П. 14.

² Там же.

³ *Якимович Ю.К., Пан Т.Д.* Уголовно-процессуальное право РФ. СПб., 2007. С. 673; См.: *Волкодун О.В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы её совершенствования. СПб., 2003. С. 201; *Мартынович Е.* Судебное следствие в российском уголовном процессе // Юридическая газета. 2004. № 36. С. 2.

prozeßordnung – StPO) во многом опирался на закон 1873 г., принятый еще при Иосифе II. Результатом почти сорокалетней дискуссии о необходимости существенного обновления норм УПК Австрии стал закон от 26 февраля 2004 г.¹ Названный закон получил наименование – Закона о реформе уголовно-процессуального кодекса (Strafprozeßreformgesetz), он вступил в силу 1 января 2008 г. Изменения коснулись, прежде всего, предварительного расследования, были полностью модифицированы в § 1–219 StPO (всего в австрийском УПК содержится 517 параграфов). Какие же цели преследует реформа уголовно-процессуального законодательства Австрии?

Австрийские процессуалисты выделяют, как правило, не одну, а сразу несколько основных целей реформы уголовно-процессуального закона Австрии. Например, профессор университета им. Париса Лодрона (г. Зальцбург) Курт Шмоллер² отмечает следующие из них:

1. *Систематизация правовых норм, регулирующих полномочия криминальной полиции (Kriminalpolizei).*

2. *Совершенствование структуры предварительного расследования.* Здесь необходим небольшой комментарий. Австрийский законодатель решил отказаться от следственного судьи (Untersuchungsrichter), а его функции передали прокурору. В ходе предварительного расследования можно обратиться к судье (теперь уже обычному) с жалобой на действия полиции и прокурора.

3. *Расширение прав защитника в уголовном процессе, чтобы они полностью соответствовали международным стандартам в этой области.*

4. *Предоставление новых возможностей лицам, пострадавшим от незаконных действий органов полиции и прокуратуры в уголовном процессе.*

Нетрудно заметить, что вектор проведения реформы уголовно-процессуального законодательства Австрии прямо противоположен современным тенденциям развития аналогичного законодательства в России. В этом убеждаешься еще больше, когда сравниваешь положения закона о заочном рассмотрении уголовного дела в Австрии (названные нормы были изменены позже, в 2007 г.) и России (соответствующие положения трансформировались в 2006 г.). Так, если у нас заочное разбирательство стало возможно по любой из категорий уголовных дел, то в Австрии сфера применения заочного рассмотрения уголовных дел, наоборот, была ограничена. Заочное разбирательство в соответствии с УПК Австрии возможно лишь по уголовным проступкам (§ 427 StPO).

Думается, что анализ причин такого несоответствия может быть действительно полезным и интересным.

---

¹ BGBI I 2004/19 ÖIMR-Newsletter 2004/1.

² Schmoller K. Das neue strafprozessuale Ermittlungsverfahren // ÖIMR-Newsletter 2004/1.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ОБВИНЯЕМЫМ (ПОДОЗРЕВАЕМЫМ)

А.Г. Калугин

Изучение внесенного в Государственную Думу Федерального собрания РФ законопроекта № 485937-4 о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также замечаний на этот проект, содержащихся, в частности, в заключении Правового управления Государственной Думы от 8 февраля 2008 г. № 2.2-1/429, позволили сделать некоторые выводы относительно перспектив развития правовых норм и институтов, допускающих компромисс с обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступления:

1. Предметом предлагаемого досудебного соглашения являются условия уголовной ответственности (в соглашении, в частности, должны быть указаны «смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, подлежащие применению при вынесении судом приговора... при соблюдении [обвиняемым, подозреваемым] условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении». Представляется, что ни прокурор, ни следователь, ни руководитель следственного органа на начальном этапе расследования, особенно когда лицу еще не предъявлено обвинение, не может заключать с ним соглашения по правовым вопросам, входящим в исключительную компетенцию суда.

2. Не менее парадоксальным выглядит и предложение фактически заранее оговорить в соглашении с подозреваемым объем будущей квалификации преступления (описание преступления с указанием обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, пункта, части и статьи УК РФ). Тем самым следователь и прокурор, с одной стороны, как бы заранее ограничивают себя в объеме обвинения, а с другой – предлагают подозреваемому заранее взять на себя обязательства, связанные с признанием обвинения, которого ему еще не предъявили.

3. Представляется целесообразным закрепить в нормах Общей части УК РФ более конкретные и значимые гарантии для лиц, проявивших деятельное раскаяние, в частности предусмотреть путем внесения соответствующих изменений в ст. 62 УК РФ более существенное снижение верхнего предела размера назначаемого судом наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также возможность освобождения от наказания в связи с деятельным раскаянием путем введения соответствующей нормы в УК РФ – ст. 80.2.

4. Сама идея закрепления в УПК РФ порядка заключения с обвиняемым (подозреваемым) соглашения о сотрудничестве, в котором он брал бы на себя обязательства по совершению определенных действий в целях содействия раскрытию и расследованию преступлений, в целом заслуживает внимания. Вместе с тем обязательства стороны обвинения в таком соглашении, скорее всего, могут быть ограничены лишь сферой процессуальных гарантий. Например, обвиняемому, выполнившему условия соглашения, может быть гарантировано право требовать обязательного включения в обвинительное заключение сведений о проявленном им деятельном раскаянии. При совершении преступления небольшой или средней тяжести это станет основанием для назначения предварительного слушания, а в силу императивного характера ст. 254 УПК РФ фактически может гарантировать прекращение уголовного преследования. В случае же обвинения в тяжком или особо тяжком преступлении «сработают» предложенные выше механизмы смягчения наказания. Еще одной гарантией могло бы стать предложенное авторами законопроекта использование соглашения о сотрудничестве в качестве основания для выделения уголовного дела в отношении такого лица в отдельное производство в целях обеспечения его безопасности.

ФУНКЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А.Е. Капитонов

Общепринятым является мнение о том, что следователь либо дознаватель должны достоверно установить наличие или отсутствие события преступления, виновность обвиняемого, а также иные обстоятельства, касающиеся совершенного преступления, предусмотренные законом. Однако, на мой взгляд, данная точка зрения является не совсем верной, так как все же основной функцией предварительного расследования является подготовка уголовного дела для суда. Следователь или дознаватель не могут признать виновным лицо, совершившее преступление, они, в силу своих должностных обязанностей, могут лишь собрать доказательства, установить обстоятельства происшедшего, закрепить их и направить уголовное дело в суд, который и должен оценить все в совокупности и лишь после этого вынести решение.

На этой стадии процесса следователь, лицо, производящее дознание, обнаруживают, процессуально закрепляют и тщательно исследуют все доказательства, необходимые для правильного выяснения обстоя-

тельств дела и его разрешения в суде, выясняют обстоятельства, исключаяющие преступность и наказуемость деяния.

До настоящего времени смысловое содержание термина «предварительное расследование» в законе не определено. На мой взгляд, предварительное расследование – это прежде всего деятельность следователей и органов дознания по подготовке уголовного дела для вынесения судом законного и обоснованного решения о виновности либо невиновности лица.

Расследование, проводимое по уголовным делам, потому и именуется предварительным, что выводы, сделанные следователем или дознавателем, не являются окончательными, они не позволяют вынести решение о виновности или невиновности лица, а служат лишь способом установления истины.

Задачей стадии предварительного расследования является подготовка дела для суда, для качественного судебного разбирательства уже по существу дела – выводы суда о виновности подсудимого, о доказанности обстоятельств преступления могут не совпадать с выводами органов предварительного расследования. Суд, рассматривая уголовное дело, основывается при проведении судебного процесса на материалах, собранных органами предварительного расследования, но в то же время осуществляет собственное исследование доказательств: заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, изучает заключения экспертов, осматривает вещественные доказательства и т.д.

Предварительное расследование является объективно необходимым, поскольку только органы расследования, согласно действующему законодательству, могут своевременно реагировать на каждое правонарушение и преступление, собирать необходимые доказательства, осуществлять раскрытие преступлений, что, несомненно, было бы затруднительно для суда. При отсутствии органов предварительного расследования принципы состязательности сторон и беспристрастности суда были несостоятельны. Существование предварительного расследования необходимо для установления наличия оснований для рассмотрения дела судом и осуществления правосудия.

Предварительное расследование имеет свои специфические задачи:

1) быстрое и полное раскрытие преступления; 2) установление, своевременное привлечение в качестве обвиняемого лица, совершившего преступление; 3) установление характера и размера ущерба, причиненного преступлением, и принятие мер для его возмещения; 4) выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений (без решения данной задачи, на мой взгляд, невозможно вынесение справедливого судебного решения).

ПРАВО НА УЧАСТИЕ В КАССАЦИОННОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

А.Р. Кин

Одной из особенностей ныне действующего УПК РФ является многообразие форм судебного разбирательства судами тех или иных вопросов.

В форме судебного контроля на стадии досудебного производства рассматриваются вопросы, предусмотренные п. 1–11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Отдельный порядок предусмотрен в случае обжалования в суд действий органов дознания, предварительного следствия и прокурора на стадии досудебного производства. Дела, поступившие в суд с обвинительным актом или обвинительным заключением, также в ряде случаев имеют предусмотренные законом особенности их рассмотрения. Так, наряду с порядком, установленным гл. 36–39 УПК РФ, эти дела могут быть рассмотрены с участием присяжных заседателей, а также в особом порядке. Кроме того, свои особенности имеют и производство по применению принудительных мер медицинского характера, и производство по применению мер воспитательного воздействия, и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, и иные вопросы, которые районными (городскими) судами рассматриваются по первой инстанции.

Ко всему этому многообразию форм судопроизводства по первой инстанции предусмотрено единое производство в суде второй инстанции, регламентированное в разд. XIII УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что процессуальные решения районных (городских) судов могут быть рассмотрены исключительно в кассационном порядке, регламентированном в гл. 45 УПК РФ.

Представляется, что предусмотренный УПК РФ единый порядок кассационного производства не отражает особенностей и многообразия форм рассмотрения оспариваемых судебных решений районными (городскими) судами, а в ряде случаев и верховными судами республик, краевыми, областными и др. судами, так как и Верховный Суд РФ в кассационном порядке не рассматривает исключительно приговоры нижестоящих судов.

Осознавая, что кассационное производство достаточно объёмно, остановимся лишь на вопросах реализации права участников уголовного судопроизводства на участие в суде кассационной инстанции.

Для ряда лиц этот вопрос решается максимально просто, поскольку для подавляющего большинства участников уголовного судопроизводства участие в заседании суда кассационной инстанции зависит от личной позиции субъекта, и в этой ситуации праву на участие в судебном

заседании суда кассационной инстанции коррелирует обязанность суда надлежащим образом известить лицо о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции. В силу ч. 4 ст. 376 УПК РФ неявка надлежащим образом извещенных лиц не препятствует рассмотрению уголовного дела. Отсюда следует, что для лица, не содержащегося под стражей, вопросы участия в суде кассационной инстанции связаны с личными предпочтениями и никто не обязан обеспечивать его участие в кассационном производстве по делу.

Однако в том случае, если лицо содержится под стражей, обеспечение его участия в суде кассационной инстанции становится обязанностью суда. Не вызывает никаких сомнений необходимость обеспечения лицу возможности представить суду свои доводы и соображения, если в кассационном порядке рассматривается обвинительный приговор, так как в этом случае по существу разрешаются все юридически значимые вопросы по делу. В остальных случаях необходимость участия лица в заседании суда кассационной инстанции не представляется значимой. К этим случаям можно отнести кассационное обжалование судебных постановлений в порядке ст. 125 УПК РФ, а также вопросы избрания меры пресечения, поскольку ч. 11 ст. 108 УПК РФ не предусматривает даже возможности отложения судебного разбирательства для обеспечения участия лица, заключенного под стражу.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО – ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Д.В. Куделькин

Вопрос о сущности оперативно-розыскного права является дискуссионным.

А.Ю. Шумилов выступает за то, чтобы статус самостоятельной отрасли права признать только за уголовно-розыскным правом, а оперативно-розыскное право считать комплексной правовой отраслью, конгломератом норм, регулирующих разнородные общественные отношения в области ОРД¹.

Представляется, что указанный подход не обоснован логически и не учитывает природу ОРД и оперативно-розыскных отношений.

На наш взгляд, при конструировании оперативно-розыскного права необходимо исходить из понимания сущности ОРД как информацион-

---

¹ Шумилов А.Ю. Начала уголовно-розыскного права. М., 1998. С. 15.

но-конспиративной деятельности, включающей в себя уголовно-розыскную деятельность, разведывательную, контрразведывательную и частно-детективную деятельность¹.

Таким образом, предмет оперативно-розыскного права может быть представлен как оперативно-розыскные общественные отношения, имеющие конспиративно-информационную природу и в зависимости от их объекта подразделяемые на уголовно-розыскные, разведывательные, контрразведывательные и частно-детективные общественные.

Для формирования самостоятельной отрасли права также необходим и определенный метод правового регулирования общественных отношений.

В теории права на этот счет также не существует единой точки зрения. Представляется наиболее универсальной и логически непротиворечивой позиция В.Д. Сорокина о существовании единого метода правового регулирования, элементами которого являются запрет, предписание и дозволение, соотношение между которыми устанавливается для каждой отрасли по-своему в зависимости от специфики регулируемых общественных отношений².

Применительно к формирующемуся оперативно-розыскному праву будет обоснованным, учитывая сущностные характеристики регулируемых им общественных отношений, конструировать метод указанной отрасли права как преимущественно запретительной с равным соотношением предписаний и дозволений.

Формирование оперативно-розыскного права, а значит, и дальнейшее расширение правового регулирования ОРД будут способствовать усилению гарантий законных прав и свобод граждан, находящихся в силу объективных обстоятельств в орбите уголовно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений, укреплению законности в ОРД, обоснованности принимаемых субъектами ОРД решений, приведут к повышению качества результатов ОРД, используемых в дальнейшем в процессе доказывания по уголовным делам, сделают эту деятельность более прозрачной и открытой для общественного контроля, что, в свою очередь, существенно повлияет на законность и обоснованность возбуждения уголовных дел, осуществление следственных действий, реализацию мер уголовно-процессуального принуждения, и как следствие даст совокупный эффект оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, с которой формирующееся оперативно-розыскное право неразрывно связано.

---

¹ Знйкин В.К. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Кемерово, 2003. С. 13–14.

² Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. М., 1972. С. 81.

К ВОПРОСУ О ПОКАЗАНИЯХ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) КАК ИСТОЧНИКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Н.Ю. Лебедев

Правильное проведение такого следственного действия, как допрос подозреваемого и обвиняемого, позволяет значительно рационализировать рабочий процесс следователя, отказаться от проведения повторных и дополнительных допросов, более быстро и полно выяснить интересные следствию обстоятельства.

Допрос требует высокой процессуальной и познавательной культуры и, безусловно, активности следователя. Последняя должна основываться на четком профессиональном представлении о закономерностях установления объективной картины в процессе расследования преступления.

В результате изучения действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего правила и порядок проведения допроса подозреваемого и обвиняемого, предлагается внести следующие изменения в УПК РФ:

1. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания подозреваемого и обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, признаются недопустимыми доказательствами. Однако принципы защиты прав подозреваемого и обвиняемого, на соблюдение которых направлена данная норма, вполне могут быть защищены применением при допросе видеозаписи, с учетом ее наглядности и объективности. Таким образом, представляется целесообразным внести изменения в данную норму, исключив из числа недопустимых доказательств случаи, когда в ходе допроса с письменного согласия подозреваемого, обвиняемого использовалась видеозапись.

2. Внести в ст. 187 УПК РФ изменения, обязывающие следователя по истечении 4 часов выяснить у подозреваемого, обвиняемого, желает ли он продолжить дачу показаний. Если лицо ходатайствует о продолжении дачи показаний, следователь обязан разъяснить допрашиваемому, что по его просьбе допрос может прерваться в любой момент на перерыв. При таких условиях данная норма не будет ограничивать права подозреваемого и обвиняемого, желающих дать показания одновременно или по объективным причинам не имеющих возможности давать показания после предусмотренного законом перерыва, но желающих это сделать.

3. Внести следующие изменения в ч. 1 ст. 425 УПК РФ: допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов вопреки воле допрашиваемого, а также мнению педагога и психолога; следователь обязан по истечении 2 часов с момента начала допроса выяснить у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого желает ли он продолжить дачу показаний. Если лицо изъявляет желание продолжить дачу показаний, следователь обязан разъяснить допрашиваемому, что по его просьбе допрос может прерваться в любой момент на перерыв.

4. Дополнить ст. 5 УПК РФ следующим содержанием: «Психолог – это лицо, имеющее высшее психологическое образование, со специализацией в области детской, подростковой, юношеской психологии, имеющий опыт работы по специальности не менее трёх лет».

5. Учитывая, что в нормах УПК РФ имеются некоторые пробелы, касающиеся использования и применения фотографирования, аудио- и видеозаписи (в цифровых форматах), целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ пунктами, разъясняющими значение данных терминов.

ПРАВОСОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С.Л. Лось

Правосознание слабо исследуется в юридической науке и почти не рассматривается в отраслевых юридических науках. Хотя его управляющее значение в правовом регулировании социальных отношений очень велико. Не случайно в науке общей теории государства и права разработана психологическая теория права, в основе которой лежали наработки Л.И. Петражицкого.

В уголовном процессе и его правовом регулировании правосознание больше скрывается от внешних проявлений и может рассматриваться как внутренний элемент, определяющий внешнее поведение субъектов правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса.

В чем проявляется правосознание в рассматриваемом вопросе, когда ученые и практики на конференции обсуждают научные положения, когда судья работает в совещательной комнате или судебном разбира-

тельстве, когда представитель субъекта законодательной инициативы формирует изменения или дополнения УПК и предлагает их?

По своему содержанию все это в общем можно определить как умственно-мыслительные манипуляции знаниями норм УПК, понятиями теории и истории уголовного процесса, знаниями конкретных фактов действий и решений следователя и судьи и т.д. – то есть это работа со знаниями и умозаключениями, которая тоже подчиняется определенным правилам и закономерностям.

Таким образом, правовое регулирование социальных отношений в обществе осуществляет не государство или норма, а конкретный человек или люди, представляющие государственный интерес и знающие норму закона через свои действия и решения.

Любая норма УПК мертва без действий дознавателя, следователя, прокурора, судьи, например нормы УПК РФ о домашнем аресте.

Разработчик изменений норм УПК, преподаватель, юрист-практик так понимает и интерпретирует их, как позволяет ему его правосознание и как определяют условия его действия. Вот почему одни и те же нормы и их положения толкуются и понимаются по-разному. «Где два юриста – там три мнения».

Будет ли давать результаты правовое регулирование, если разработчики УПК и изменений к нему думают об одном и ориентируются на свои установки, преподаватели вузов на кафедрах уголовного процесса преподают другое, а на практике, на следствии или в суде лица руководствуются третьим? Что общего у всех категории субъектов, участвующих в процессе правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства?

Правосознание – внутренний, невидимый, обязательный элемент субъектов всех этапов процесса правового регулирования от создания уголовно-процессуальной нормы (УПК) до анализа и обобщения результатов ее (его) реализации на практике. Оно объединяет в единое взаимопонимаемое явление деятельность, действия и поведение субъектов в практике уголовного процесса, в обучении теории уголовного процесса и в разработке новых положений уголовно-процессуального закона.

Правосознание как элемент субъективной деятельности или поведения всех участников процесса правового регулирования отношения, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, требует специального комплексного изучения, без которого невозможно понимание реализации уголовно-процессуальных норм и применения норм УК, сложности механизма регулирования социальных отношений, возникающих в уголовном процессе.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: СЛЕДУЕТ ЛИ РАЗГРАНИЧИВАТЬ?

Д.А. Мезинов

В научной литературе изложено мнение, согласно которому понятия целей и задач уголовного процесса необходимо четко разграничивать¹. В обоснование данного мнения используются и интерпретируются философское понимание категории «цель», понимание терминов «цель» и «задача» и их соотношения в психологии, а также понимание этих терминов и их толкование в словаре русского языка. Насколько успешно такое обоснование данного мнения?

Наиболее признанное в отечественной философии советского периода понимание категории «цель» следующее: «Цель – один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств»². Современное понимание по сути аналогично, например: «Цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс»³. Следует отметить, что термин «задача» в качестве самостоятельной философской категории в проанализированных словарях не рассматривается, специально и отдельно посвященное определение этому термину в них не обнаруживается.

Далее, согласно определениям, данным в ряде психологических словарей, как советского периода, так и современных: «Цель – осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека»⁴. В свою очередь: «Задача – данная в определенных условиях (например, в проблемной ситуации) *цель* деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре»⁵.

---

¹ См., например: *Томин В.Т.* Понятие цели советского уголовного процесса // *Правоведение*. 1969. № 4. С. 70; *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 73; *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006. С. 22–23.

² *Философский энциклопедический словарь* / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 731.

³ *Словарь философских терминов* / Науч. ред. В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI. С. 659.

⁴ *Психология: Словарь*. М.: Политиздат, 1990. С. 440; *Психологический словарь* / Под общ. ред. Ю.Л. Неймера. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 583; *Словарь психолога-практика* / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест, 2005. С. 917.

⁵ *Психология: Словарь*. М.: Политиздат, 1990. С. 119; *Психологический словарь* / Под общ. ред. Ю.Л. Неймера. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 138; *Словарь психолога-практика* / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест, 2005. С. 205.

В словаре русского языка даются следующие толкования слов «цель» и «задача» следующие: цель – «это предмет стремления, то, что *надо*, желательно осуществить», а задача – «это то, что *требуется* исполнения, разрешения»¹.

Как видно, и в психологических словарях, и в словаре русского языка под целями и задачами по сути подразумеваются одни и те же явления, стимулирующие и направляющие деятельность человека.

Анализ приведенных определений приводит к убеждению в обоснованности ранее высказанного в литературе мнения об отсутствии оснований для однозначного разграничения понятий целей и задач уголовного процесса и неоправданности попыток сформулировать две системы соответствующих категорий целей и задач². Термины «цель» и «задача» следует понимать в одном смысле. Для избегания путаницы в словоупотреблении в теории и практике уголовного процесса, пожалуй, правильнее использовать термин «задача» как более здесь устоявшийся в употреблении и доступный для понимания³. Разумеется, не нужно забывать при этом, что уголовный процесс, как и любой сложный вид деятельности, подчиняется не одной-единственной задаче, а комплексу взаимосвязанных и разноуровневых задач.

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Е.В. Миронова

При постановлении судом обвинительного приговора все периоды времени содержания обвиняемого под стражей во всех случаях подлежат суммированию и зачету в срок наказания в соответствии со ст. 308 УПК РФ, однако до вступления приговора в законную силу ограничение срока содержания под стражей по уголовным делам, а также необходимость их периодического продления служат соблюдению важнейших принципов уголовного процесса, в частности обеспечения права на за-

---

¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 870, 206.

² См. например: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. С. 38; *Мизулина Е.Б.* Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: Сб. науч. тр. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1990. С. 140; Уголовный процесс: Учеб. для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 1997. С. 14–15.

³ *Элькинд П.С.* Указ. соч. С. 38; *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства. Тарту: ТУ, 1991. С. 44.

щиту, неприкосновенности личности, охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Так, уголовно-процессуальный закон предусматривает 6-месячный срок содержания под стражей в ходе судебного разбирательства, а также возможность его продления по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, но каждый раз не более чем на 3 месяца, при этом начало течения срока заключения под стражу связывается с моментом поступления уголовного дела в суд (моментом поступления уголовного дела в суд является дата его регистрации аппаратом суда¹), а окончание регулируемого срока заключения под стражу приходится на момент вынесения приговора.

Вместе с тем при более глубоком обращении в проблеме механизма исчисления сроков содержания под стражей можно сделать вывод, что законодатель выводит ряд периодов содержания обвиняемого под стражей из-под непосредственного судебного контроля, в результате чего обвиняемый, подсудимый лишается права либо на строго ограниченный в законе и определенный срок ареста, независимо от того, относится ли преступление к тяжкому или особо тяжкому, либо на возможность периодического пересмотра судебными органами вопроса о наличии или отсутствии обстоятельств и оснований, обосновывающих необходимость его содержания под стражей. Так, уголовные дела регистрируются как вновь поступившие: 1) при передаче уголовного дела по подсудности из одного суда в другой; 2) при отмене кассационной инстанцией приговора и направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство; 3) после поступления в суд уголовного дела, возвращенного прокурору для устранения недостатков. При этом каждый раз начинает течь новый, 6-месячный срок заключения под стражу, регламентированный ст. 255 УПК РФ, независимо от того, какой промежуток времени уголовное дело находилось в производстве того или иного суда, а также от категории преступления.

На основании изложенного считаем, что в законодательстве необходимо предусмотреть правило, согласно которому подлежат суммированию все сроки содержания подсудимого под стражей в суде первой инстанции. При возвращении уголовного дела прокурору течение срока, установленного ст. 255 УПК РФ, должно приостанавливаться и возоб-

---

¹ Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде / Утверждена приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36; Инструкция по судебному делопроизводству в верховных судах, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов / Утверждена приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 г. № 161

новляться при повторном поступлении уголовного дела в суд¹. Также суммированию подлежат сроки содержания под стражей в суде первой инстанции после возвращения уголовного дела на новое судебное разбирательство судом кассационной инстанции с отменой обвинительного приговора. Кроме того, необходимо установить предельный, не подлежащий продлению, срок заключения под стражу, включающий в себя весь период рассмотрения уголовного дела вплоть до вступления приговора в законную силу.

СУЩЕСТВО И ОБЪЕМ ОБВИНЕНИЯ

А.А. Михайлов

Понятие «обвинение» не может быть до конца раскрыто без исследования его структуры, содержания и относящихся к нему иных уголовно-процессуальных понятий, в числе которых «существо обвинения» и «объем обвинения». О существовании обвинения говорится, например, в п. 3 ч. 1 ст. 220, ч. 5 ст. 246, ч. 1 ст. 248, ч. 5 ст. 321, п. 2 ст. 351 УПК РФ, а об объеме обвинения – в п. 3 ч. 1 ст. 39, п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Кроме того, указанные понятия зачастую используются в правоприменительной деятельности, в том числе судьями при мотивировке принимаемых по делу решений, особенно в случаях изменения обвинения. В то же время уголовно-процессуальный закон не раскрывает их содержания. Не дается четкого определения данных понятий и в теории уголовного процесса.

Как представляется, при определении существа и объема обвинения помимо анализа вышеуказанных норм УПК РФ следует учитывать структуру обвинения и то, с какой точки зрения характеризуют ее эти понятия.

Автор придерживается позиции, в соответствии с которой структура обвинения является трехчленной и двухуровневой. С учетом этого в ней выделяются фактическая фабула обвинения, юридическая формулировка и правовая квалификация, представляющие собой, в свою очередь, системы соответствующих элементов. Фактическую фабулу обвинения составляют фактические обстоятельства, подпадающие под конструктивные признаки состава преступления, юридическую формулировку – правовые признаки состава преступления, совершение которого инкриминируется обвиняемому, правовую квалификацию – соответствующие пункты, части статей и статьи уголовного закона.

---

¹ Такое предложение уже было высказано А.И. Ткачевым: См.: *Ткачев А.И.* Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 149.

Исходя из анализа п. 3 ч. 1 ст. 39, п. 3 ч. 1 ст. 220, п. 2 ч. 1 ст. 221, ч. 5 ст. 246, ч. 1 ст. 248, ч. 5 ст. 321, п. 2 ст. 351 УПК РФ, а также этимологического значения терминов «существо» и «объем»¹, существо обвинения можно определить как совокупность наиболее существенных элементов конкретного обвинения, отражающих его индивидуальный характер и признаки преступного деяния, инкриминируемого обвиняемому, а объем обвинения – как совокупность всех элементов конкретного обвинения (фактических обстоятельств, правовых признаков, пунктов, частей статей и статей уголовного закона).

При этом существо и объем обвинения следует считать соответственно качественной и количественной характеристиками конкретного обвинения, поскольку существо обвинения характеризует прежде всего содержательную сторону обвинения с точки зрения качественного состава входящих в него элементов, а понятие «объем обвинения» позволяет раскрыть состав элементов обвинения с количественной стороны.

Необходимость рассмотрения существа и объема обвинения как качественной и количественной характеристик конкретного обвинения, а также различие указанных характеристик обвинения с учетом их определений, данных выше, более всего проявляется применительно к вопросам изменения обвинения. Так, при изменении обвинения лица в краже денег в сторону смягчения, выражающемся в уменьшении размера похищенного с 10 000 до 8 000 руб., безусловно, речь идет только об изменении объема обвинения, а существо обвинения остается прежним. В то же время, если признак тайного хищения имущества заменяется в обвинении на признак открытого хищения, изменяется именно существо обвинения, в том числе в части квалификации деяния, тогда как объем обвинения останется прежним, если в целом количество элементов обвинения не уменьшится либо не увеличится.

**ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 1 ОТ 10 ФЕВРАЛЯ 2009 г.**

Е.В. Носкова

Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес существенные изменения в порядок рассмотрения судами жалоб, поданных на

---

¹ Существо – сущность, внутреннее содержание чего-нибудь, суть. См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2003. С. 782. Объем в данном случае необходимо рассматривать в значении величины, количества. См.: Там же. С. 441

основании ст. 125 УПК РФ, а также расширил перечень возможных вариантов решений, принимаемых как до рассмотрения жалобы по существу, так и по результатам её рассмотрения.

Наиболее значимым нововведением Постановления № 1 от 10.02.2009 г. (далее – Постановление) является распространение принципа состязательности на досудебное производство. Подробное обоснование того, что уголовный процесс на досудебных стадиях далек от состязательного, дает Ю.К. Якимович¹. В науке принято считать российский уголовный процесс процессом смешанного или континентального типа, в котором сочетаются разные принципы построения досудебного (розыскное или инквизиционное) и судебного (состязательное) производств. Тем не менее отступления от общего правила происходят, когда в досудебном производстве возникает необходимость судебного вмешательства и разрешения того или иного вопроса в судебном заседании.

На основе системного анализа законодательства и судебной практики приходим к выводу, что фактически рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия по правилам состязательного судопроизводства с участием сторон. Данный факт отнюдь не свидетельствует о том, что сегодня можно говорить о полном соблюдении принципа, закрепленного в ст. 15 УПК РФ, но в досудебном производстве появились элементы равноправия и состязательности сторон. Свидетельство этого – появление и становление института судебного контроля в форме обжалования в суд действий (бездействия) органов предварительного расследования.

Однако, продекларировав принцип состязательности в п. 1 Постановления, Пленум Верховного Суда в дальнейшем не приводит механизм его реализации. Обратимся к тексту Постановления (абз. 2 п. 1). Судьям надлежит на основе **имеющихся данных** и **дополнительно представленных материалов** проверять законность решений и действий (бездействия) должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, касающихся заявленных требований граждан об устранении допущенных нарушений, ущемляющих их права и свободы. На практике при подаче жалобы к самому тексту жалобы заявитель (самостоятельно или его защитник, законный представитель или представитель) не всегда имеет возможность приложить даже копию того решения, которое он обжалует (либо свидетельство обжалуемого действия/бездействия). Как правило, вся информация содержится в материалах дела, которые хранятся в органах предварительного расследования.

---

¹ Якимович Ю.К. Избранные статьи // Дифференциация уголовного судопроизводства по УПК Российской Федерации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 182–185.

Так кто же должен представить «имеющиеся» и «дополнительные» материалы? Ответ содержится в п. 12 Постановления – это лица, участвующие в судебном заседании, они вправе представлять в суд дополнительные материалы, имеющие отношение к жалобе. Попробуем разобраться, кто же из лиц, участвующих в судебном заседании, имеет реальную возможность представлять в суд дополнительные материалы. Практически все материалы, послужившие основанием для решения или действия (бездействия) должностного лица, может предоставить только то лицо, которое и приняло решение или произвело или воздержалось от производства обжалуемого действия, либо его непосредственный руководитель. Иные данные, необходимые для проверки доводов жалобы, могут содержаться также и в других источниках. Например, их можно взять из показаний свидетелей, но, к сожалению, о привлечении свидетелей в рамках рассмотрения и разрешения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ ни в тексте самого УПК, ни в Постановлении ничего не сказано.

В дальнейшем Пленум Верховного Суда дает еще больший повод усомниться в существовании состязательности в рамках судебного разбирательства по жалобе. В абз. 2 п. 12 Постановления указано, что при подготовке к рассмотрению жалобы судья истребует **по ходатайству** лиц, участвующих в судебном заседании, или **по собственной инициативе** материалы, послужившие основанием для решения или действия (бездействия) должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов жалобы. При анализе этого положения возникает как минимум три вопроса:

1. В каких случаях подлежит удовлетворению ходатайство лица, участвующего в судебном заседании, об истребовании материалов, а в каких нет?

2. В какой форме подаются ходатайства? Если в письменной, то подается ли такое ходатайство вместе с жалобой и должно ли оно быть приобщено к материалам жалобы? Если в устной, то в какой срок, может ли быть подана на предварительном слушании?

3. Каким образом «собственная инициатива» суда согласуется с реализацией принципа состязательности?

Кроме того, в Постановлении указано, что доводы заявителя должны быть проверены судом, но о способах проверки и возможных вариантах подтверждения доводов ничего не сказано.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что состязательность в досудебных стадиях уголовного процесса проявляется только как судоговорение, но реального равноправия здесь быть не может.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРАВА НА УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ ст. 125 УПК РФ И ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРОВ

С.А. Пелёвин

В соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ неявка лиц, настаивающих на рассмотрении жалобы с их участием, препятствует её рассмотрению. Поэтому в случаях, когда заявителем является осужденный к лишению свободы, по смыслу данной нормы суд должен обеспечить его участие в судебном разбирательстве, поскольку последний самостоятельно в суд явиться не может.

Согласно ч. 3 ст. 399 УПК РФ при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговоров, решение об участии осужденного в судебном заседании принимает суд. Из правовой позиции Конституционного суда РФ, выраженной в определениях от 11.07.2006 г. № 351-О и № 406-О, следует, что в случаях рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении (далее – УДО) от отбывания наказания при наличии соответствующей просьбы осужденного суд обязан обеспечить его участие в судебном заседании. Кроме вопроса об УДО, в порядке исполнения приговора, судом разрешаются и другие вопросы.

На практике нередко возникают ситуации, когда осужденные, направляя в суды многочисленные, очень часто надуманные и очевидно необоснованные жалобы и ходатайства, фактически злоупотребляют предоставленным им правом участия в судебных заседаниях и добиваются их этапирования из исправительных колоний в следственные изоляторы с целью участия в судебных заседаниях, преследуя на самом деле совсем иные цели.

Поэтому в уголовном процессе должны быть предусмотрены эффективные средства, позволяющие нейтрализовать злоупотребление предоставленными правами.

Личное участие осужденных в судебных разбирательствах во всех случаях не нужно, поскольку не обусловлено необходимостью и существом рассматриваемых вопросов.

В ст. 392 УПК РФ закреплено правило об обязательности для всех вступивших в законную силу приговоров и их неукоснительном исполнении на всей территории РФ. Осужденные к лишению свободы должны отбывать назначенное наказание в исправительном учреждении соответствующего вида, определенного приговором суда. Статья 77.1 УИК РФ закрепляет ограниченный перечень случаев и порядок привле-

чения осужденных, отбывающих лишение свободы, для участия в следственных действиях и судебных разбирательствах. Это обусловлено необходимостью соблюдения режима отбывания наказания и обеспечения исправительного воздействия на осужденного.

В случаях принятия судом решения об отказе в принятии жалобы для рассмотрения в порядке ст. 125 УПК РФ вопроса об участии осужденного в судебном заседании не возникает, так как оно не проводится. Но появляется вопрос о необходимости обеспечения участия осужденного в кассационном рассмотрении при обжаловании постановления суда, право на которое ему предоставлено ст. 376 УПК РФ.

При принятии судом жалобы для рассмотрения по существу в отдельных случаях суды со ссылкой на ст. 77.1 УИК РФ, уведомив осужденного о времени и месте судебного заседания и, разъяснив возможность довести свою позицию до суда с помощью адвоката, рассматривают жалобу без участия осужденного. Такая практика есть в Томской области и в других регионах России, что следует из судебной практики Конституционного суда РФ¹. При этом согласно правовой позиции, нашей закрепление в решениях Конституционного суда РФ, возможность довести свою позицию до суда может быть реализована осужденным иными предусмотренными законом способами. Аналогичное положение о разрешении вопроса об участии осужденного судом при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ содержит и п. 15 проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ». В связи с этим ст. 125 УПК РФ должна быть дополнена нормой о возможности решения вопроса об участии в судебном заседании осужденного к лишению свободы судом.

В порядке исполнения приговоров участие осужденных в судебных заседаниях также не должно обеспечиваться во всех случаях, поскольку

---

¹ Определения Конституционного суда РФ от 21.02.2008 г. № 110-О-О, № 114-О-О, от 24.01.2008 г. № 65-О-О и от 18.12.2007 г. № 938-О-О, в которых заявителями оспаривалась конституционность ч. 3 ст. 125 УПК РФ и ст. 77.1 УИК РФ, как не предусматривающих обязательное доставление осужденных для участия в рассмотрении жалоб. В данных решениях Конституционный суд РФ (в отличие от указанных определений по вопросам УДО) не указывает на наличие у суда обязанности во всех случаях обеспечивать возможность личного участия осужденных в судебном заседании, а придерживается точки зрения о том, что данные нормы «не исключают принятие судом решения об обязательности участия заявителей в судебном заседании при рассмотрении жалобы, в тех случаях, когда, по мнению суда, это необходимо согласно соответствующему процессуальному законодательству для защиты прав личности и достижения целей правосудия. ...Они также не препятствуют лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, довести до суда свою позицию... путем допуска к участию в деле его адвокатов и других представителей, а также иными предусмотренными законом способами».

перечень разрешаемых судом вопросов как по их характеру, кругу исследуемых обстоятельств, а также правовым последствиям чрезвычайно разнообразен.

При рассмотрении ходатайств осужденных и представлений администрации исправительных учреждений об изменении вида исправительного учреждения, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким, освобождении от наказания в связи с болезнью, об исполнении приговора при наличии двух и более неисполненных приговоров и других случаях, когда принимаемое судом решение влечет прекращение отбывания наказания, изменение порядка и условий отбывания наказания, а также в случаях, когда для решения тех или иных вопросов требуется изучение личности осужденного, участие осужденного должно обеспечиваться при наличии соответствующей просьбы последнего и если такое участие будет признано судом необходимым.

При разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, приведении приговора в соответствие с уголовным законом, имеющим обратную силу, зачете срока содержания под стражей в срок наказания вопрос об участии осужденного должен разрешаться по усмотрению суда, поскольку в указанных случаях суд не исследует и не устанавливает фактических обстоятельств по делу, а рассматривает данные вопросы исходя из содержания приговора, закона и материалов уже рассмотренного уголовного дела.

Поэтому нормы ч. 3 ст. 399 УПК РФ нуждаются в уточнении. Целесообразно предусмотреть в законе перечень вопросов, при разрешении которых при наличии соответствующей просьбы осужденного суд обязан обеспечить его участие в судебном заседании, а также когда этот вопрос может быть разрешен по усмотрению суда.

Также должны быть уточнены нормы ст. 376 УПК РФ и предусмотрена возможность рассмотрения кассационных жалоб на указанные постановления суда без участия осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

РЕВИЗИОННОЕ НАЧАЛО В КАССАЦИОННОМ И НАДЗОРНОМ ПРОИЗВОДСТВАХ ПО УПК РФ

А.А. Плашевская

В соответствии с УПК РФ закреплён принцип полной ревизии в надзорном производстве при значительном ограничении его действия в кассационном производстве.

Так, из анализа положений ч. 1, 2 ст. 360 УПК РФ можно сделать вывод, что выход суда кассационной инстанции за пределы кассационной жалобы или представления возможен только при соблюдении следующих ограничений: во-первых, установлены обстоятельства, которые касаются интересов других лиц; во-вторых, только в отношении осужденных или оправданных по этому же уголовному делу, которые не подавали кассационную жалобу или в отношении которых не было принесено представление; в-третьих, при этом недопустимо ухудшить положение осужденного или оправданного, в отношении которого применено ревизионное начало. При наличии вышеуказанных условий, в соответствии с ч. 2 ст. 360 УПК РФ, суд кассационной инстанции должен пересмотреть уголовное дело.

Анализируя положения ч. 1, 2 ст. 410 УПК РФ, можно сделать вывод, что суд надзорной инстанции не ограничен никакими пределами и, действуя в рамках ревизионного начала, вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (по другим основаниям и в отношении других осужденных или оправданных) с учетом соблюдения правил ст. 405 УПК РФ и позиции Конституционного суда РФ¹.

Представляется, что разница в терминах «должен» и «вправе» в данном случае не имеет принципиального значения в оценке степени (пределов) действия ревизионного начала в кассационном и надзорном производствах и охватывается понятием «компетенция».

Действие полной ревизии в надзорном производстве подтвердил (но с установлением определенных ограничений ее действия на этапе изучения и принятия решения по надзорной жалобе или представлению) и Верховный Суд РФ в своем постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 11 января 2007 г. «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей производство в надзорной инстанции»².

Первый шаг на пути формирования, как нам представляется, логичной системы обжалования (с учетом ординарности кассационной и исключительности надзорной стадии) совершил Верховный Суд. В п. 15 постановления № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих

---

¹ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан // Вестник Конституционного суда. 2005. № 4.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

производство в судах апелляционной и кассационной инстанций»¹ закреплён принцип полной ревизии в кассационном производстве. Согласно этому положению, суд кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела не связан доводами жалобы или представления, а также с личностью осужденного, которым подана жалоба или в отношении которого принесено представление, и вправе проверить дело в полном объеме, если обнаруженное нарушение предусмотрено ч. 2 ст. 381 УПК РФ, а также другого нарушения, если оно путем лишения или стеснения гарантированных прав обвиняемого, подсудимого и других участников процесса или иным путем повлияло или могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

В целом положительно оценивая данную позицию Верховного Суда РФ, следует отметить, что данное положение следовало бы закрепить законодательно. В противном случае выход суда кассационной инстанции за пределы ревизии, установленные ст. 360 УПК РФ, может рассматриваться как нарушение УПК РФ.

КОНЦЕПЦИЯ «НАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ» КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

М.Е. Пучковская

Существенно изменили уклад современного общества демократизация, расширение свободы личности, которые невозможны без переосмысления взаимоотношений между обществом и государством. Гражданское общество и государство либо взаимно дополняют друг друга, либо равно несут потери от нарушения связей. По оценкам экспертов, ежегодно растет число граждан, отчужденных от правовой политики государства и безразличных к ней. На наш взгляд, правовой нигилизм, исторически присущий русской ментальности, подпитывается на современном этапе отсутствием целостных правовых концепций в отдельных отраслях права. Наиболее остро эта проблема стоит в публичных отраслях, где одной из сторон правоотношений выступают органы власти. Исследователи отмечают, что в современном публичном праве преобладают частные, корпоративные, властные интересы, отражающие парциальные, узкоприкладные цели. Не является исключением и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Складывается впечатление, что посредст-

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 1.

вом норм Кодекса каждое ведомство правоохранительной системы пытается отстоять собственные интересы. Это приводит к подрыву доверия населения к таким фундаментальным институтам общества и государства, как милиция, суд, прокуратура.

В таких условиях потребность в сближении государства в лице правоохранительных институтов и элементов гражданского общества очевидна. Позиция многих современных ученых такова, что в условиях признания приоритета прав личности властные полномочия должны быть ограничены и подлежать контролю как со стороны личности, так и со стороны общества¹. Любые сила и власть имеют тенденции к самовозрастанию и коррумпируемости и только традиции свободного общества, в том числе традиция пристрастного контроля за властью со стороны граждан, смогут уравновесить силу государства.

Представляется, что именно в советскую эпоху была заложена концепция «народного права», которая была представлена в уголовно-процессуальном законодательстве институтами народных судов, общественных обвинителей, общественных защитников, участия общественности и трудовых коллективов. Имеющая под собой исконно русские традиции коммюнитарности (общинности), она позволяла общественному элементу в определенной мере контролировать судебную и правоохранительную систему. Конечно, полноценного функционирования эта концепция в тот период времени получить не могла, так как участие общественности в уголовном судопроизводстве было обусловлено не традициями гражданского общества в России, а другими причинами, которые во многом носили политический характер. Современный этап безусловно характеризуется более благоприятным климатом для возвращения гражданских инициатив. Официальные выступления высших должностных лиц страны свидетельствуют о готовности государства к консолидации с обществом, в том числе и в сфере судопроизводства².

Полагаем, что именно общественный контроль, реализуемый через различные формы народного представительства, способен повысить социальную эффективность деятельности правоохранительных органов в интересах развития и укрепления правового государства. Одной из главных черт развитой страны, по мнению ряда социологов, является

---

¹ Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 3.

² О подобной тенденции свидетельствуют выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД РФ от 06.02.2008 г., официальные заявления Р. Нургалеева, И. Шушкевича.

наличие «социального капитала», то есть способностей порождать и удерживать позитивные отношения: доверие и взаимную поддержку¹.

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ст. 25, 28 УПК РФ

С.М. Савчак

Согласно ст. 25 УПК РФ материалы уголовных дел, прекращаемых в связи с примирением сторон, должны содержать доказательства того, что:

- 1) достигнуто примирение с потерпевшим, и как следствие этого сам потерпевший согласен с решением о прекращении уголовного дела;
- 2) достигнуто соглашение по вопросам, связанным с заглаживанием вреда потерпевшему.

Соответственно, в материалах уголовного дела должны быть доказательства того, что взятые подозреваемым или обвиняемым обязательства перед потерпевшим действительно выполнены, в результате чего причинённый потерпевшему вред фактически заглажен.

При изучении 299 уголовных дел, прекращённых по указанному основанию, было выявлено, что уголовные дела, содержащие в своих материалах доказательства того, что было достигнуто примирение, составляют лишь 75,86% от числа изученных. Так в 51,72% уголовных дел имеются документы (заявления, протоколы допросов), в которых не только отражено соглашение о примирении, но и в той или иной форме утверждается о достижении договорённости по вопросу заглаживания вреда. В 13,79% изученных дел имеются документы, подтверждающих то, что вред потерпевшему действительно был заглажен (как правило, это расписки потерпевших о том, что ими были получены денежные средства или иные материальные ценности).

Таким образом, даже при прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон, то есть по их инициативе (ходатайству) права потерпевших не всегда соблюдаются в должной мере. Когда же уголовные дела прекращаются по другим основаниям, в частности в связи с деятельным раскаянием, то есть без учёта мнения потерпевших, предпосылок к ущемлению их прав становится ещё больше. Подтверждение этого тезиса продемонстрируем на примере того, как обеспечивается право потерпевшего на уведомление о принятом по делу решении. В результа-

---

¹ См.: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.

те проведённых исследований выяснилось, что при прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием это право нарушается в 3,6 раза чаще, чем в связи с примирением сторон. Вместе с тем соотношение количества нарушений, связанных с отсутствием разъяснения подозреваемому или обвиняемому о правовых последствиях прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, составляет 1,53 раза, причём это соотношение изменилось в обратную сторону. Стоит учесть, что деятельность субъекта, осуществляющего производство по уголовному делу, по соблюдению требований уголовно-процессуального закона в обоих случаях примерно одинакова по содержанию, то есть связана с предоставлением определённой информации, и различна по субъектам её направленности, поскольку речь идёт о потерпевшем и подозреваемом или обвиняемом. Таким образом, поскольку соотношение количества нарушений различно, оно связано именно с особенностями процессуального статуса участников уголовного процесса. В частности, с достаточной степенью вероятности можно утверждать: распространённость нарушений прав потерпевшего прямо зависит от обязательности или необязательности учёта его мнения при прекращении уголовного дела. Вместе с тем, учитывая публичный характер отечественного уголовного процесса, представляется правильным учитывать мнение потерпевшего лишь в части ограниченного круга вопросов. Поэтому с точки зрения усиления процессуальных гарантий законных интересов как потерпевшего, так и обвиняемого, более разумным будет оставить право прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям только за судом, но с обязательным рассмотрением заявленного гражданского иска, вне зависимости от того, будет ли вынесен обвинительный приговор или уголовное дело будет прекращено.

О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ПО УПК РФ

Д.М. Сафонов

Принятие 18 декабря 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ изменило традиционные приоритеты, закрепив приоритет личности, ее прав и свобод в уголовном судопроизводстве над интересами государственных органов и их должностных лиц, защищающих общество от общественно опасных проявлений (ст. 6 УПК РФ). Развитие правовых гарантий за истекший период, усиливаемое решениями Конституцион-

ного суда РФ позволило рассматривать отечественный уголовно-процессуальный кодекс как один из наиболее либеральных в мире. Однако принимаемые изменения по увеличению правовых гарантий личности не могли не отразиться на характере производства. Оно стало перегружено «обеспечивающими» личность процедурами. В этой связи нельзя не напомнить, что уголовное производство возникло как одно из государственных средств борьбы с преступностью, направленное, в первую очередь, на поддержание внутренней функции государства – его безопасности. Увеличение гарантий отдельной личности со временем ставит под угрозу целостность государства в целом. Полагаем, период определенной переоценки ценностей наступил. По «обычному» уголовному делу большой объем прав и высокая степень защищенности отдельной личности служит средством демонстрации «доброй воли» «развитого государства». Однако, когда угроза направлена на общественную и государственную безопасность, подобный подход не только неприемлем, но на наш взгляд, явно губителен.

Принятый в 2001 г. УПК РФ системы эффективных рычагов противодействия таким преступным проявлениям не содержал. Тем не менее отдельные элементы ограничения общих гарантий личности для обеспечения государственной безопасности все-таки имеются. Они, на наш взгляд, заслуживают выделения и комплексной оценки. УПК РФ предусмотрел особый порядок применения мер процессуального принуждения в отношении преследуемых лиц. Закон предусмотрел возможность предъявления обвинения лицу, подозреваемому в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ, не позднее 30 суток с момента применения меры, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).

Законодатель «в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни здоровья людей», предусмотрел возможность ограничить участие понятых при сохранении доказательственного значения полученных сведений (ч. 3 ст. 170 УПК РФ).

В целях обеспечения безопасности опознающего «предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым» (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Кроме того, ранее шифрование данных об участнике расследования (потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц) при необходимости обеспечить безопасность осуществлялось только с согласия руководителя следственного органа. Однако в настоящее время в соответствии с законом от

30.12.2008 г. № 226-ФЗ в случаях, не терпящих отлагательства, такое решение следователь может принять самостоятельно, а позже «при появлении для этого реальной возможности незамедлительно» «передать руководителю следственного органа постановление для проверки его законности и обоснованности» (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Кроме того, Федеральный закон РФ от 30.12.2008 г. № 321-ФЗ установил, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 206 ч. 2–4, 206 ч. 1, 212 ч. 1, 275, 276, 279 и 281 УК РФ, т.е. о преступлениях противобщественной безопасности, основ конституционного строя и государственной безопасности, рассматривает исключительно коллегия из трех судей.

Таким образом, полагаем, государство начинает проводить ревизию гарантиям, ранее предоставленным отдельной личности в уголовном процессе. Увеличение числа норм, содержащих «отступления» от ранее предоставленных прав, позволяет сделать вывод о возникновении тенденции по реформированию уголовного судопроизводства в целях защиты государственных интересов путем формирования уголовного судопроизводства в особых условиях.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ

М.К. Свиридов

Согласно гл. 6 УПК РФ сущность деятельности следователя – обвинительная. Однако однонаправленность деятельности следователя противоречит назначению расследования, что отмечается в литературе (В.А. Азаров, Ю.В. Деришев).

Действительно, значительное место в работе следователя занимает уголовное преследование. Но ограничить расследование установлением только обвинительной стороны происшедшего события нельзя, ст. 73 УПК РФ требует установления всех обстоятельств события. Значит, предписываемая следователю обвинительная деятельность должна быть дополнена деятельностью иной стороны – защиты, её состязанием с обвинителем-следователем. Однако возможна ли здесь состязательность?

Состязательность предполагает наличие трёх разнонаправленно действующих субъектов: двух спорящих сторон и субъекта разрешения дела. Следовательно, состязательность может быть там, где не только исследуются доказательства, но на этой основе разрешается дело.

В задачи расследования разрешение дела не входит. УПК РФ допускает – в виде исключения – разрешение дела при расследовании, однако без выделения отдельного субъекта: дело прекращает следователь. Значит, типичная для состязательности трёхсубъектная конструкция на предварительном расследовании не действует.

Основное место в расследовании занимают собирание и проверка доказательств, их исследование. В этой деятельности УПК РФ предписывает наличие двух разнонаправленных субъектов: следователя – на стороне обвинения, обвиняемого и его защитника – на стороне защиты. Казалось бы, при исследовании доказательств состязательность обеспечивается. Однако стороны здесь в возможности действовать активно далеко не равны.

Полномочия следователя в собирании доказательств весьма обширны. Часть 3 ст. 86 УПК РФ признаёт и защитника самостоятельным субъектом собирания доказательств, определяя для этого способы. Но всё это аннулируется тем, что собранные защитником доказательства становятся таковыми лишь после принятия и приобщения их к делу следователем. При проверке доказательств наблюдается сходная ситуация. Защитник знакомится с собранными следователем доказательствами в ограниченных пределах (в основном по усмотрению следователя). Даже при ознакомлении дела полной возможности для проверки доказательств у защитника нет: в отличие от следователя защитник не может общаться с носителем доказательств, даже если возникает необходимость что-то уточнить в показаниях.

Таким образом, полного действия состязательности на предварительном расследовании нет, и существенно изменить предварительное расследование в пользу состязательности нельзя, поскольку расследование по своему характеру ничем иным, как розыскным, быть не может. Поэтому правильным, как думается, будет вывод: конструировать предварительное расследование на состязательной основе невозможно, здесь нужна иная основа, которую можно представить в следующем виде.

Задача предварительного расследования – собрать все доказательства, необходимые для всестороннего установления всех обстоятельств уголовного дела (предмета доказывания). И выполнение этой задачи нужно возложить на следователя. Его деятельность должна быть всесторонней, полной и допускать деятельность защиты (в пределах, возможных для розыскного типа расследования). Собранные и проверенные следователем, с участием защиты, доказательства затем в судебном разбирательстве должны быть исследованы с разных позиций сторонами обвинения и защиты. Лишь такое перекрёстное исследование доказательств, чего не может быть в расследовании, создаёт основу для приговора.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Л.В. Симанчева

Сложившаяся практика назначения уголовного наказания не соответствует уголовной политике России в отношении несовершеннолетних. Большинство исследователей данной проблемы приходят к выводу, что уголовная политика в отношении несовершеннолетних должна включать не только карательные, но и воспитательные элементы. Альтернативой лишению свободы и другим мерам уголовного наказания, на наш взгляд, могут быть принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление небольшой или средней тяжести, применение которых могло бы реально осуществлять воспитательную функцию.

Однако опрос практических работников и анализ дел о применении принудительных мер воспитательного воздействия¹ свидетельствуют о неэффективности данных мер и редком их применении в настоящее время. Такое положение, на наш взгляд, обусловлено несовершенством уголовно-процессуального законодательства, предоставляющего право органу расследования прекращать уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего и обращаться в суд с представлением о применении принудительных мер воспитательного воздействия, тогда как суд лишен процессуальной возможности принять иное решение в случае несогласия с постановлением о прекращении уголовного преследования.

Представляется, что следует существенно изменить ст. 427 УПК РФ, регламентирующую деятельность суда по применению принудительных мер воспитательного воздействия:

1. Исключить из ч. 6 ст. 427 УПК РФ указание о возможности прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого;

2. Исключить из ч. 2 ст. 427 УПК РФ указание о рассмотрении данных дел в порядке ст. 108 УПК РФ, предусмотреть иной порядок рассмотрения данных дел, например, по типу применения принудительных мер медицинского характера, что понудит орган предварительного рас-

---

¹ Изучены дела о применении принудительных мер воспитательного воздействия судами Томской области за 2007–2008 гг. Анализ этих дел свидетельствует, что уголовное преследование прекращается в тех случаях, когда нет доказательств виновности несовершеннолетнего в совершении преступления. Прекращая уголовное преследование, орган расследования не собирает материалы, свидетельствующие о возможности исправления несовершеннолетнего без назначения наказания.

следования тщательно устанавливая все подлежащие доказыванию обстоятельства, а судам позволит проверять эти обстоятельства;

3. Предусмотреть возможность отказа в применении принудительных мер воспитательного воздействия и возвращения дела для производства предварительного расследования в случае, если суд не согласится с выводом органа предварительного расследования о возможности исправления несовершеннолетнего без назначения наказания;

4. Предусмотреть обязательное участие законного представителя при рассмотрении дел о применении принудительных мер воспитательного воздействия.

Представляется, что данные изменения законодательства, а также другие, которые не были освещены в этой статье, позволят повысить эффективность применения принудительных мер воспитательного воздействия.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕСТАВРАЦИИ ИДЕИ СУДЕБНОГО ПРАВА

Т.В. Соколов

В соответствии с идеей судебного права судоустройство, гражданский и уголовный процессы составляют единое целое – судебное право¹. Наука судебного права направлена не на разработку какой-то «универсальной процессуальной формы», «единого порядка производства в суде по всем делам», а на формирование общих начал и положений, от которых будет отталкиваться каждая отраслевая процессуальная наука. Одним из таких положений является общий фактор движения всех процессов: обращение в суд одной из сторон спора, т.е. судебный иск, иск в широком смысле слова.

В уголовном процессе таким фактором является обвинение, которое в свете судебного права рассматривается как уголовный иск² государства к лицу, которое предположительно совершило преступление. Данное

---

¹ Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983. С. 13–14.

² См.: Рязановский В.А. Единство процесса. М.: Городец, 1996. С. 16; Проблемы судебного права; Кулишер А.М. Защита субъективных публичных прав посредством иска // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 123; Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 124; Он же. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 260–261; Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе (стадия судебного разбирательства). М.: Госюриздат, 1948; Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 38–44.

государство является субъектом уголовного правоотношения, которое принудительно реализуется посредством уголовного судопроизводства. По делам публичного и частно-публичного обвинения государство «расщепляется» на два субъекта: судебную власть (суд), которая принимает уголовный иск к производству и разрешает его по существу, и обвинительную власть (прокуратуру), которая готовит, выдвигает и поддерживает уголовный иск перед судом. Подобное расщепление, во-первых, объективно вытекает из того, что отдельные органы государства не есть само государство в целом, они выполняют отдельные функции, из которых складывается государственная власть, и, во-вторых, признано самим УПК в разделении функций участников процесса¹. Заинтересованность прокурора, как представителя государства, в подаче уголовного иска презюмируется законом, т.е. государство, как истец в материальном смысле, заранее указало свою волю по распоряжению уголовным иском в уголовно-процессуальном законе: государство всегда при обнаружении признаков преступления будет готовить уголовный иск, а подготовив – подаст его в суд и будет поддерживать.

Разделение государства в процессе на суд и прокуратуру обеспечивает, во-первых, ненарушение прав, свобод и интересов личности, вовлеченной в уголовный процесс (потерпевшего и подсудимого), во-вторых, сопряженное с состязательной основой судебных стадий призвано обеспечить установление объективной истины по делу.

По делам частного обвинения функцию обвинения выполняет частный обвинитель (ст. 43 УПК) и право на подачу им заявления мировому судье остается на его усмотрение, т.е. диспозитивным: распоряжение этим правом не может заранее предreshаться законом. Подобная разница объясняется характером защищаемого интереса и вытекает из самого уголовного закона, поскольку в делах частного обвинения частный интерес превалирует над публичным.

Предметом уголовного иска является требование прокурора о защите нарушенного правопорядка, защищаемого уголовным правом, путем наказания лица за совершенное преступление. Причем сначала доказывается совершение преступления (в обвинительном заключении и в судебном следствии), и только потом, убедившись в доказанности фактического основания, прокурор в судебных прениях заявляет перед судом требование наказать и предлагает меру и размер наказания. Основание уголовного иска включает в себя фактическое и юридическое обоснование. Юридическим основанием являются нормы уголовного закона, которые предположительно нарушил обвиняемый. Фактическим осно-

---

¹ См.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс. Концепция самоограничения государства. Тарту, 1991; Она же. Технология власти. Уголовный процесс. Ярославль, 1992. С. 12 и посл.

ванием уголовного иска являются материалы, подтверждающие возникновение, изменение или прекращение уголовного правоотношения (уличающие, обвинительные доказательства).

Принятие в качестве основной идеи уголовного иска неизбежно повлечет изменение теоретических положений и законодательных конструкций в УПК. Например, о процессуальных функциях и правовом положении следователя и защитника, собирающих фактический материал для уголовного иска и его опровержения соответственно, о сущности доказательств и процессе доказывания (становится ли собранный сторонами материал доказательствами в момент их фиксации или только после их исследования в судебном заседании); о возможности изменения объема обвинения в суде (как в сторону смягчения, так и в сторону утяжеления); об установлении судебного порядка прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Н.С. Соколовская

На сегодняшний день большинство ученых сходятся во мнении, что доказательство являет собой единство содержания и формы. При этом к содержательной части относятся сведения о фактах, имеющих значение для дела (фактические данные), формой доказательства являются показания, заключения, вещественные доказательства и др.

УПК РФ закрепляет именно такую конструкцию доказательства. Так, ч. 1 ст. 74 УПК РФ определяет доказательство как любые сведения, на основе которых следователь, дознаватель, прокурор и суд устанавливают обстоятельства, которые имеют значение для дела. Часть 2 ст. 74 УПК РФ содержит закрытый перечень видов доказательств, которые являют собой конкретную форму определенного доказательства. Другими словами, в соответствии с УПК РФ доказательство – это сведения об обстоятельствах уголовного дела, облеченные в предусмотренную законом процессуальную форму.

Вместе с тем в научных публикациях часто можно встретить отождествление двух разных сущностей – «форма доказательств» и «источник доказательств». Так, например, Н.М. Кипнис пишет: «Доказательство по уголовному делу выступает в единстве своего содержания (фактические данные, сведения) и процессуальной формы (источники

получения фактических данных)»¹. Этому же мнению придерживаются Р.В. Костенко², А.Р. Белкин³, Ю.К. Орлов⁴ и некоторые другие ученые. Однако форма и источник доказательства не одно и то же, что убедительно доказывает С.А. Шейфер. «Форма явления не может быть его источником... Форма – неотделимый элемент любого явления, ибо, выражаясь философским языком, – это способ существования и выражение содержания»⁵. Если учесть, что выражением содержания доказательства согласно УПК РФ являются показания, заключения и прочее, перечисленное в ч. 2 ст. 74, то получается, что доказательство является источником самого себя. Что вряд ли соответствует логике и здравому смыслу. Источник явления всегда находится за рамками самого явления. Потому, разделяя мнение профессора С.А. Шейфера, полагаю, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ речь идет о видах доказательств, которые представляют собой различные процессуальные формы закрепления доказательства⁶. Под источником же доказательств следует понимать то, откуда следователь, дознаватель, суд черпают сведения об обстоятельствах дела – свидетеля, потерпевшего, эксперта, предметы, документы и прочее. Доказательством данные сведения, полученные из указанных источников, станут лишь тогда, когда следователь, дознаватель и суд облечат их в процессуальную форму определенного вида доказательств. К примеру, если следователь получает определенную информацию от свидетеля, то для того, чтобы в уголовном деле появилось доказательство, следователь должен в надлежащей форме закрепить показания свидетеля, которые и будут являться определенным видом доказательств по уголовному делу.

Таким образом, под доказательством следует понимать единство содержания и формы, в том смысле, что содержание – это сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, а форма – это процессуальное закрепление доказательства в определенной, предусмотренной законом форме (вид доказательства), а не то, откуда следователь, дознаватель, суд получают данные сведения (источник доказательства)⁷.

---

¹ Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 13.

² Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 23.

³ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 26.

⁴ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 39.

⁵ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. С. 68.

⁶ Там же.

⁷ Об этом же см.: Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. С. 156.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

В.Б. Стукалин

Уголовно-процессуальный кодекс определяет в ст. 194 следственное действие как проверку показаний на месте. В то же время, практически с момента появления данного следственного действия, в литературе оно определялось как проверка и уточнение показаний на месте. С этого же момента возникла дискуссия о процессуальной природе и целях проверки и уточнения показаний на месте, в которой участвовали М.С. Строгович¹, А.И. Васильев, С.С. Степичев², Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Б.В. Зотов³ и др. Одни авторы, определяя процессуальную природу и цели данного следственного действия, говорили о проверке показаний и установлении их достоверности, другие дополняли цели – установлением новых фактических данных, третьи говорили о том, что целью является установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, некоторые определяли в качестве цели установление и устранение противоречий в показаниях.

Казалось бы, дискуссия должна была прекратиться после принятия в 2001 г. действующего ныне уголовно-процессуального законодательства, которое в ч. 1 ст. 194 определило, что проверка показаний на месте проводится «в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В то же время здесь указывается, что «показания ... могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием». То есть без прямого указания закон предусматривает такую цель данного следственного действия, как проверка и уточнение доказательств. Соотношение показания – доказательства возможно в силу того, что показания даны «подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем», которые определяются как «ранее допрошенное лицо» (ч. 2 данной статьи).

Уголовно-процессуальное законодательство не конкретизирует предмет допроса участников предварительного и судебного следствия. В качестве исключения можно лишь указать показания эксперта (ч. 2 ст. 80 УПК РФ) и показания специалиста (ч. 4 этой же статьи). Таким образом, содержание показаний, перечисленных в ч. 1 ст. 194 УПК РФ, может относиться к любому из обстоятельств, перечисленных в ст. 73

---

¹ *Строгович М.С.* Неправильная тактика // Социалистическая законность. 1960. № 3. С. 21.

² *Васильев А.И., Степичев С.С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959. С. 19.

³ *Криминалистика / Авт. кол. Р.С.Белкин, А.И. Винберг, Б.В. Зотов и др. М., 1966. С. 338.*

УПК РФ. То есть любое из перечисленных обстоятельств может быть целью проверки показаний на месте.

Проверку и уточнение показаний на месте достаточно часто сравнивают с таким следственным действием, как допрос на месте совершения преступления, указывая на общие черты. Не оспаривая и не поддерживая различные точки зрения, хотелось бы обозначить один вопрос, который, на наш взгляд, не урегулирован действующим законодательством – добровольность волеизъявления участников данного следственного действия.

Содержание ч. 1 ст. 194 УПК РФ («...показания... могут быть проверены или уточнены...») позволяет говорить о том, что следователю дано право на проведение данного следственного действия. Данное право следователя должно респондировать обязанностью указанным в статье лицам участвовать в следственном действии. В то же время следует отметить, что данная обязанность не распространяется на подозреваемых и обвиняемых, отказ от дачи показаний которыми является их правом (по аналогии с допросом). Соответственно свидетели и потерпевшие, исходя из буквы статьи, обязаны давать показания, а в случае отказа они могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

Данная позиция двойственна: принудительный характер проведения может вызвать конфликтную ситуацию, осложняющую ход проведения следственного действия, однако проверка показаний может быть необходима для разоблачения ложных показаний.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.А. Тарасов

1. В п. 5 ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ среди «мер по профилактике коррупции» названо «введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области социальной деятельности единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции». Система уголовной юстиции, подверженная коррупции не менее, а, возможно, и более, чем другие сферы, бесспорно, относится к числу названных «областей социальной деятельности». Сам этот факт свидетельствует о том, что верховная власть в России восприняла признанный во всех развитых странах мира постулат: противодействовать коррупции должны, главным

образом, не сами люди, облеченные властью, а правовые условия их властной деятельности – правовые статусы и правовые процедуры, в которых эта деятельность осуществляется.

2. Апеллировать только к личностям в противодействии коррупции почти бессмысленно. Во-первых, страх перед самым суровым наказанием сам по себе мало кого способен удержать от удовлетворения собственных корыстных устремлений. Во-вторых, еще менее эффективно апеллировать к нравственности, поскольку массовое распространение коррупции способствует столь же массовому смещению нравственных ориентиров в её оценках, особенно, когда речь идет о самом себе. В-третьих, в современных условиях отчетливо проявился весьма специфичный для России феномен – необходимость довольно сложного для человека выбора между участием в коррупции и угрозой личной неприкосновенности за отказ от участия в ней. Наконец, в-четвертых: выделение специальной группы чиновников, уполномоченных на борьбу с коррупцией, в силу названных здесь причин способно спровоцировать коррупцию внутри самой этой группы, чему уже имеются фактические подтверждения.

3. Система антикоррупционных стандартов в уголовном судопроизводстве – это система процедурных механизмов контроля за свободой властного усмотрения на всех этапах движения уголовного дела. В уголовном процессе такие механизмы имеются – судебный и ведомственный контроль, прокурорский надзор, контрольные судебные стадии, состязательность, позволяющая отстаивать правовой интерес, ущемленный при реализации корыстных устремлений властвующего субъекта, гласность правосудия, участие в нем непрофессионального элемента и т.д. Однако механизмы подобного рода способны эффективно работать только тогда, когда в их нормативно-правовой основе воплощается универсальное правило, известное и активно разрабатываемое в общей теории права: в цепи связанных между собою юридически значимых действий должно обеспечиваться взаимодействие *разнонаправленных* правовых интересов. Каждый из таких интересов должен получать адекватное нормативно-правовое выражение и процедурное обеспечение. Развитие институтов состязательности процесса, например, – это вовсе не уступка частному интересу в ущерб публичному, как считают некоторые авторы, демонстративно обеспокоенные в последние годы расширением прав стороны защиты (иногда это упрощенно называют потворством преступникам), и даже не только средство защиты прав человека, это ещё и важный элемент противодействия коррупции.

4. Последний шаг законодателя по реформированию предварительного следствия – усиление процессуального статуса руководителя след-

ственного органа, вплоть до закрепления за ним властных полномочий, традиционно относившихся к надзорным полномочиям прокурора, нуждается в оценке, помимо прочего, в антикоррупционном аспекте. Из взаимоотношений органов уголовного преследования в досудебном производстве окончательно удалено надведомственное контролирующее звено (слово употреблено здесь в значении, близком к обыденному пониманию слова «контроль» и характерном для современных европейских языков). Это звено ранее было представлено носителем публичного интереса, состоящего в обеспечении законности самого досудебного производства, обоснованности направленного в суд государственного обвинения и не связанного ведомственными отчетными показателями. С антикоррупционных позиций удаление этого контролирующего звена выглядит крайне неоправданным.

5. Обозначенная законодателем ориентация на введение антикоррупционных стандартов – это лишь начало масштабной научно обоснованной законотворческой работы, направленной на совершенствование процедурных правил осуществления разных видов уголовно-процессуальной деятельности: пересмотра судебных решений, судебного контроля за применением процессуального принуждения, использования специальных знаний в доказывании и многих других. Отдельным направлением такой работы является коренное преобразование системы взаимодействия отечественной уголовной юстиции с институтами гражданского общества, что обозначено в ст. 3 названного выше федерального закона как один из принципов противодействия коррупции.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ ЗАОЧНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.Б. Тимко

В соответствии с Конституцией РФ «Заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается», но далее сделана оговорка: «кроме случаев, предусмотренных федеральным законом». Воспользовавшись данным положением, законодатель предусмотрел возможность рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого в нескольких случаях: 1) когда обвиняемый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие, если он обвиняется в совершении преступления небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ); 2) когда обвиняемый находится за пределами РФ и (или) уклоняется от явки в суд по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, но лишь в исключительных

случаях, если он не был привлечен к ответственности по данному уголовному делу на территории иностранного государства (ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

Часть 5 ст. 247 УПК РФ вызвала неоднозначные мнения среди ученых процессуалистов. На наш взгляд, следует более внимательно отнестись к интерпретации ч. 5 ст. 247 УПК РФ. По мнению автора, законодатель неоднозначно сформулировал данное положение, при прочтении неясно, относится ли данное положение только к случаям, если обвиняемый находится за пределами РФ, или же правило о возможности рассмотрения дела в отсутствие обвиняемого распространяется и на обвиняемых, находящихся на территории РФ и уклоняющихся от явки в судебное заседание. Поскольку законодатель в тексте нормы использовал формулировку о возможности применения заочного порядка только лишь в «исключительных случаях», то можно сделать вывод о том, что действие данного положения распространяется лишь на обвиняемых, находящихся за пределами РФ и уклоняющихся от явки. По мнению автора, в целях устранения разночтения при применении данной нормы, законодателю следует исключить союз «или» из текста ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Закон предусматривает рассмотрение уголовных дел в отношении обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлениях лишь в исключительных случаях. При этом возникает вопрос, какой именно случай следует считать исключительным. Представляется необходимым при принятии решения о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого в каждом конкретном случае обосновывать причины, по которым данное дело признано исключительным.

По мнению автора, является достаточно спорным и требующим доработки положение ч. 7 ст. 247 УПК РФ, согласно которому приговор, постановленный в порядке заочного производства, отменяется по ходатайству осужденного или его защитника в порядке надзора. Представляется возможным предусмотреть отмену заочного приговора при выявлении ряда фактов в более упрощенном порядке, путем обращения осужденного или его защитника с соответствующим ходатайством о вынесении постановления об отмене заочного приговора и о направлении дела на новое рассмотрение в ином составе.

Изучение правоприменительной практики показывает, что судьи редко рассматривают дела в порядке заочного производства. Несомненно, одной из причин достаточно осторожного подхода к заочному судопроизводству является крайне неудовлетворительная регламентация рассмотрения дела в отсутствие подсудимого в действующем законодательстве. На наш взгляд, нельзя согласиться с мнением некоторых авторов о нежелательном применении данного вида судопроизводства. Несмотря на необходимость реформирования ряда норм, заочное судопро-

изводство необходимо. Рассмотрение дела по существу в отсутствие подсудимого предоставляет реальную возможность воздействия на круг лиц, обвиняемых и причастных к совершению ряда тяжких и особо тяжких преступлений и скрывающихся в зарубежных государствах. Это позволяет довести до логического завершения бесконечно тянущиеся уголовные дела, а также реализовать права потерпевших.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

А.И. Ткачев

Начиная с 2003 г. Конституционный суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ ряд норм института возвращения уголовного дела прокурору, закрепленных в ст. 237 УПК РФ¹. В 2008 г. законодатель отменил указанные нормы². В результате основания возвращения уголовного дела прокурору остались прежними (они указаны в ч. 1 ст. 237 УПК РФ), а специальные нормы, регулирующие процедуру устранения выявленных судом нарушений в порядке ст. 237 УПК РФ, отменены. Поэтому по возвращенному прокурору уголовному делу следователь, дознаватель, прокурор, начальник следственного отдела в полной мере наделены полномочиями, какие они имеют в стадии предварительного расследования.

Таким образом, действующая редакция ст. 237 УПК РФ фактически закрепила институт дополнительного расследования при условии, что основаниями для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование являются нарушения, указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ (существенные нарушения уголовно-процессуального закона). В рассматриваемом институте наблюдается несоответствие задачи и средств ее достижения. Задача указанного института – это устранение нарушений,

---

¹ См., например: О проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Рос. газета. 2003. 23 дек.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // Рос. газета. 2008. 5 дек.

указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, для чего предоставлены неоправданно широкие средства предварительного расследования в полном объеме.

В уголовном процессе цели и средства их достижения должны соответствовать друг другу¹. Поэтому рассматриваемая редакция ст. 237 УПК РФ должна быть изменена таким образом, чтобы задачи института возвращения уголовного дела прокурору и средства их достижения соответствовали друг другу. Это может быть осуществлено путем изменения перечня оснований возвращения уголовного дела прокурору, либо путем установления процедуры устранения выявленных судом нарушений.

Не вдаваясь в дискуссию о том, какие следственные ошибки² должны быть признаны основаниями возвращения уголовного дела прокурору, следует признать, что характер следственных ошибок должен обуславливать процедуру их устранения. Как было отмечено, данное правило не соблюдается в действующей редакции ст. 237 УПК РФ. Поэтому может возникнуть негативная практика: суды в тех случаях, когда имеется «слабая» доказательственная база, либо когда оценка доказательств затруднительна, будут возвращать уголовные дела прокурору для устранения нарушений, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ, а органы предварительного расследования будут прекращать эти дела в связи с отсутствием по ним судебной перспективы. В целях предотвращения указанной негативной практики необходимо закрепить в УПК РФ правила, достаточные для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона по уголовному делу, возвращенному судом прокурору: 1) запрет органам предварительного расследования на прекращение уголовного дела; 2) допустимыми следует признать только те следственные и процессуальные действия, которые направлены на устранение выявленных судом нарушений.

Если помимо существенных нарушений уголовно-процессуального закона в качестве оснований для возвращения уголовного дела прокурору будут признаны также иные следственные ошибки, то для устранения каждой из этих ошибок должен быть установлен особый процессуальный порядок, соответствующий их характеру. Такая детализация УПК РФ будет способствовать единому пониманию смысла закона и формированию единообразной правоприменительной практики.

---

¹ Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 60.

² О видах следственных ошибок см.: Шейфер С. А. Структура и общая характеристика следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. М., 1988. С. 18.

О СОДЕРЖАНИИ И ПРЕДЕЛАХ РЕАЛИЗАЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

Т.В. Трубникова

Вопросы о том, насколько широко должно трактоваться понятие состязательности уголовного судопроизводства («внутренние» пределы состязательности) и могут ли реализации состязательного начала в уголовном процессе ставиться какие-либо ограничения со стороны других его принципов или со стороны самого назначения уголовного процесса, – одни из самых спорных вопросов современной науки уголовного процесса.

Чрезвычайно разнится самый подход к состязательности. Взяв наскладку лишь несколько работ, встречаем понимание состязательности как:

– наименования одного из идеальных типов уголовного процесса (состязательный уголовный процесс)²;

– сущности, основной идеи уголовного процесса³;

– правового режима уголовного судопроизводства (основанного на принципах процесса) и одновременно фундаментального принципа уголовного процесса⁴;

– принципа организации уголовно-процессуальной деятельности, обуславливающего состязательную форму уголовного процесса⁵;

– способа разрешения судом наиболее значимых юридических вопросов, спорной ситуации, конфликта⁶;

– принципа уголовного процесса⁷.

Коренным образом отличаются воззрения и на содержание содержательности, рассматриваемой в качестве принципа уголовного судопроизводства, располагающиеся в диапазоне от «узкого» истолкования понятия состязательности (основанного на позиции Европейского суда по правам человека, согласно которой «право на состязательный процесс в

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00132а.

² *Козьяин А.А.* Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

³ *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 36.

⁴ *Егоров А.Ю.* Состязательность в стадии назначения судебного заседания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13

⁵ *Кузнецова О.Д.* Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 8, 12.

⁶ *Кузнецова С.М.* Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 12.

⁷ *Лотыш Т.А.* Принцип состязательности и гарантии его обеспечения в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

уголовном деле означает, что как обвинению, так и защите должна быть дана возможность знать и комментировать поданные заявления и представленные доказательства другой стороны»¹), до толкования настолько «широкого», что принцип состязательности поглощает все прочие принципы уголовного процесса, кроме принципа законности, который, по мнению сторонников данной позиции, призван обеспечивать охрану состязательной сущности уголовного процесса².

Полярный характер имеют и взгляды различных авторов на соотношение между состязательностью и целями, назначением уголовного процесса: от подхода к состязательности как к способу установления истины, выявления правды и справедливости по каждому делу до фактического признания приоритета состязательности по отношению к задаче установления истины.

Отсутствие сколько-нибудь однозначного отношения к состязательности, попытки вложить в данное понятие чрезмерно широкое содержание, влекут за собой «размывание» ее существа. Это, в свою очередь, приводит к попыткам спекуляций, основанных на использовании термина «состязательность» для обоснования таких предложений по внесению изменений в законодательство, подходов к его толкованию, которые либо прямо противоречат узкому пониманию состязательности (например, предложение исключить обязанность предоставления стороне защиты всех материалов дела для ознакомления по окончании предварительного расследования), либо препятствуют реализации права участников процесса (в частности, потерпевшего) на судебную защиту, доступ к правосудию (например, обязанность суда прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, невзирая на позицию потерпевшего), либо противоречат другим принципам процесса, элементам права на справедливое судебное разбирательство (например, на практике встречаются случаи возложения на сторону защиты обязанности обеспечить явку свидетелей защиты, ранее допрошенных на стадии предварительного расследования, что прямо противоречит презумпции невиновности, ставит сторону защиты в фактически неравное положение).

Все это свидетельствует о необходимости попытаться системно определить конкретное содержание понятия состязательности, его место в уголовном процессе, соотношение с назначением и принципами (другими принципами) уголовного судопроизводства, а также границы его

---

¹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан против Турции» от 12.05.2005 г.

² См.: *Пикалов И.А.* Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 58, 62–63.

применения, с тем чтобы уголовное судопроизводство в целом позволяло обеспечивать реальную реализацию права каждого на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство.

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.С. Тюрин

Уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность участников со стороны обвинения и со стороны защиты, а также суда по возбуждению, расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел. Другими словами, назначение уголовного судопроизводства связано с защитой основных ценностей и норм общества, к которым в первую очередь относятся права человека.

Оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов (в пределах их полномочий) посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Если мы сравним эти два понятия, то убедимся, что и в первом и во втором случае деятельность осуществляется государственными органами с целью реализации правозащитной функции государства.

Уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность связана между собой целями и задачами. Вместе с тем оперативно-розыскная деятельность по отношению к уголовному судопроизводству является вспомогательной деятельностью. Тем не менее она играет очень важную роль в деле пресечения и раскрытия преступлений.

26 декабря 2008 г. в п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» внесены следующие изменения: «Проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия, перечисленные в статье 6 настоящего Федерального закона, производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений.

В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществляющее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации».

Этими изменениями законодатель подчеркнул неразрывную связь между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельно-

стью, указав при этом, что протокол при изъятии предметов составляет в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. А это значит, что протокол, оформленный должным образом, может быть представлен органу расследования с целью придания ему доказательственного значения. Представленные оперативными органами протоколы могут быть приняты органом расследования в качестве вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ). Этот вывод соответствует требованиям ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которая устанавливает возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств. Данная норма расширяет использование сведений оперативно-розыскного характера в доказывании по уголовным делам.

Таким образом, расширяется возможность представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу расследования или в суд. Этот вывод не противоречит Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденной 17 апреля 2007 г. совместным приказом восьми силовых ведомств. В ней закреплено, что представление результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД.

Из сказанного следует и второй вывод о том, что органы, занимающиеся оперативно-розыскной деятельностью, должны планировать оперативно-розыскные мероприятия таким образом, чтобы результаты их могли быть представлены органу расследования в целях придания им доказательственного значения.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ СУДОМ

Ю.В. Тюрина

Реализация права в юридической науке рассматривается как практическое осуществление, воплощение правовых норм в фактическое поведение людей¹.

---

¹ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1998. С. 286; Волпенко Н.Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 21; Элькин Д.П. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 143.

Деятельность судьи по рассмотрению и разрешению дела в рамках уголовного судопроизводства является реализацией уголовно-процессуальных норм.

В качестве структурных элементов реализации судом уголовно-процессуальных норм выступают: 1) судья; 2) норма уголовно-процессуального права; 3) фактические действия судьи, связанные с осуществлением данной нормы и 4) конечный результат, который выражается в судебных актах.

Для деятельности судьи по реализации норм уголовно-процессуального законодательства характерна двойственность: 1) взаимосвязанное осуществление норм уголовно-процессуального и уголовного права; 2) действия судьи в ходе рассмотрения и разрешения уголовного дела имеют внешнюю и внутреннюю стороны.

Большинство норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующих судебное производство, для их реализации требуют от суда совершения активных действий, проявляющихся вовне. С этой стороны деятельность судьи более оцениваема и подвергается правовой регламентации. Однако существуют нормы уголовно-процессуального законодательства, действия по реализации которых не имеют внешнего выражения (умственная деятельность). Так, норма ст. 87 УПК РФ определяет действие, которое должно быть осуществлено судом для проверки доказательств, а именно, сопоставление одних доказательств с другими. В данном случае реализация уголовно-процессуальной нормы будет заключаться в умственной деятельности судьи по сопоставлению доказательств между собой и их оценке. Внешне эта деятельность никак не выразится, но сама норма при этом будет реализована.

На внутреннюю сторону реализации уголовно-процессуальных норм оказывают влияние жизненные установки и опыт работы судьи в момент совершения предписываемых действий (формирование судебного внутреннего убеждения).

Реализация уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процедуру судопроизводства, раскрывает внешний аспект деятельности судьи, а уголовно-процессуальные нормы, определяющие порядок принятия решения по делу, ориентируют судью в основном на выполнение мыслительной деятельности.

В процессе разрешения дела судья осуществляет не только предписания уголовно-процессуальных норм. Он также дает юридическую квалификацию преступления, определяет для обвиняемого меры ответственности, т.е. наступление уголовно-правовых последствий. В ходе принятия решения по существу по уголовному делу судья реализует

нормы уголовно-процессуального права и применяет нормы уголовного права (см. ст. 299 УПК РФ). Поэтому судебное решение, завершающее уголовное судопроизводство, является правоприменительным актом. Промежуточные решения суда (например, определения об отложении или о приостановлении судебного разбирательства – ст. 253 УПК РФ) можно отнести к результатам реализации только уголовно-процессуальных норм.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М.С. Харламов

Сохранив функцию прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователя, действующий УПК РФ существенно ограничил прокурора в ее реализации.

Согласно УПК РФ, прокурор вправе лишь отменять незаконные и необоснованные решения следователя о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) и возвращать уголовное дело с обвинительным заключением следователю для проведения дополнительного расследования (ст. 221 УПК РФ). По иным процессуальным решениям прокурор имеет право лишь вынести постановление о направлении материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене принятого следователем решения. При этом в последнем случае указанное решение необязательно для руководителя следственного органа. Действия и решения самого же руководителя следственного органа прокурор в соответствии со ст. 37 УПК РФ вправе обжаловать только вышестоящему руководителю следственного органа. Таким образом, на сегодняшний день фактически закрепляется «общенадзорная» модель прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователей. Оставляя в стороне вопрос об эффективности подобного надзора, отметим некоторые практические проблемы.

Во-первых, отсутствует порядок рассмотрения требований прокурора. Очевидно, что положения Закона о прокуратуре, регулирующие порядок осуществления «общего» надзора, не применимы к отношениям, складывающимся в ходе предварительного расследования. Сам же УПК РФ не устанавливает каких-либо процедур разрешения обращений прокурором. В этой связи любопытно отметить, что отдельные положения приказов и указаний Генерального прокурора РФ об организации надзора за процессуальной деятельностью следователей фактически не имеют под собой законодательной основы.

Во-вторых, существует организационная проблема внутриведомственного взаимодействия руководителя следственного органа и прокурора. В большинстве регионов России низовое следственное звено представлено, как правило, межрайонными или городскими следственными отделами, в то время как большинство прокуроров соответствующего уровня осуществляют надзор на правах районных. При таком устройстве достаточно сложно районному прокурору, осуществляющему свою деятельность на принципах единства и централизации, реализовать надзор за межрайонными и городскими следственными отделами, которые, будучи по своей природе прокурорскими территориальными органами, иерархически обладают более высоким статусом.

Создавшаяся ситуация с неизбежностью приводит к межведомственным трениям, что негативно сказывается на качестве предварительного следствия.

На наш взгляд, учитывая перспективы образования единой следственной структуры, необходимо полностью отстранить прокурора от участия в процессе предварительного следствия, лишив его всех существующих полномочий на стадии возбуждения уголовного дела и при утверждении обвинительного заключения. При этом целесообразно также освободить прокурора от полномочий, связанных с отменой постановлений о возбуждении уголовного дела и утверждением статистической отчетности о возбужденных и направленных в суд уголовных делах. Кроме того, прокурор должен быть освобожден от обязанности координирования деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Все контрольные полномочия за законностью и обоснованностью предварительного следствия предоставить судебным органам, при этом законодательно наделить прокурора лишь правом инициировать судебную проверочную деятельность на основании обращения заинтересованных лиц.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ НОВЕЛЛ УПК РФ

И.В. Чаднова

В конце 2008 г. Государственная Дума РФ активизировалась и приняла четыре закона о внесении изменений в УПК РФ. В том числе 2 декабря 2008 г. в ряд статей УПК были внесены изменения, затрагивающие целый блок вопросов предварительного расследования. Хотелось бы остановиться на некоторых из них.

1. В дискуссионном вопросе о возможности производства следственных действий до возбуждения уголовного дела (далее – ВУД) законодатель вновь вернулся к производству освидетельствования, хотя так и не устранил закрепленное в ст. 179 УПК указание на процессуальный статус освидетельствуемого лица, что фактически делает невозможным производство освидетельствования до ВУД.

В то же время за рамками внимания законодателя осталась возможность производства до ВУД экспертизы. Учитывая что в ряде случаев без экспертного заключения собственно невозможно принять решение о возбуждении уголовного дела, такая ситуация представляется неверной.

Затрагивая ст. 179 УПК, хотелось бы также указать на несоответствие регламентации производства личного обыска и освидетельствования с точки зрения возможного нарушения прав и свобод граждан. Вторжение в личное пространство человека для поиска чего-либо в его одежде и вещах (личный обыск) требует судебного решения по ст. 29 УПК, тогда как освидетельствование, сопровождающееся возможным обнажением лица (причем не оговорено, до какой степени), что, несомненно, существенно нарушает право на неприкосновенность личности, возможно только лишь по постановлению следователя.

2. Существенно изменились полномочия руководителя следственного органа (далее – РСО). При анализе новой редакции ст. 39 УПК и ряда других возникает ощущение, что авторы законопроекта решили наделять РСО всеми правами, которыми ранее обладал прокурор, по контролю и надзору за предварительным следствием, создав тем самым второго участника уголовного судопроизводства, наделенного во многом аналогичными прокурору полномочиями.

Кроме того, изменения проведены крайне непоследовательно, фрагментарно. Так, по новому варианту полномочий РСО, закрепленных в ст. 39 УПК, возникает вопрос: в качестве кого он может «участвовать в проверке сообщения о преступлении»? Изменение позволяет ему не проводить проверку, а только участвовать в ней, в то время как ст. 144 УПК в новой редакции утверждает, что «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения». Далее, РСО наделен правом на ВУД, но лишен права на уголовное преследование (ст. 21 УПК). И таких противоречий множество.

3. Фактически отменена процессуальная самостоятельность следователя введением новой фигуры следователя-криминалиста с возможно-

стью участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству. Такое положение противоречит ст. 38 УПК – «самостоятельно направлять ход расследования, **принимать решение** о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа», а также порождает ряд проблем. Например, если порученное следователю-криминалисту следственное действие требует по ст. 29 УПК получения судебного решения – кто будет возбуждать перед судом такое ходатайство и обосновывать его затем в суде, подтверждая доказательствами (материалами уголовного дела, которых нет у следователя-криминалиста)? Кроме того, об отмене процессуальной самостоятельности следователя говорит также еще одно новое полномочие РСО – п. 4 ч. 1 ст. 39 «лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства».

Не вполне понятен и статус следователя-криминалиста как таковой. Исходя из определения п. 40.1 ст. 5 УПК РФ он, с одной стороны, приравнен к следователю как «должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу», а с другой – его вполне можно расценить как специалиста, участвующего в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Все изложенное позволяет утверждать, что реформа предварительного расследования не имеет четкой общей концепции и необходимы дальнейшие шаги по ее формированию, а не «латание дыр» в законодательстве, что можно наблюдать в настоящее время.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ВНЕ ТЕРРИТОРИИ СУБЪЕКТОВ РФ

Д.П. Чекулаев

Согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, а также воздушное пространство над ними. Кроме того, Российская Федерация обладает суверенными правами и осу-

ществляет свою юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права (ч. 2 ст. 67 Конституции РФ).

В полной мере соответствуют конституционным нормам положения УК РФ, действие которого распространяется на указанные выше территории и пространства (ч. 2 и 3 ст. 11 УК РФ), а также лиц, при определенных условиях совершивших преступления вне пределов Российской Федерации (ст. 12 УК РФ).

К сожалению, руководствуясь общими нормами ст. 32 УПК РФ о том, что уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, однозначно определить подсудность указанных категорий уголовных дел возможно не всегда. Порядок определения подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов РФ, а также уголовных дел о преступлениях, совершенных на территории РФ, но вне территории ее субъектов, в УПК РФ не закреплен. Общее указание на применение норм УПК РФ при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами РФ под флагом РФ, если указанное судно приписано к порту РФ (ч. 2 ст. 2 УПК РФ), представляется явно недостаточным.

Ошибочное определение подсудности уголовного дела неминуемо повлечет за собой нарушение нормы ч. 1 ст. 47 Конституции РФ о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Не вдаваясь глубоко в вопрос полноты законодательного регулирования юрисдикции судов РФ на территорию, не входящую в состав субъектов РФ, отметим, что толкование ч. 1 и 2 ст. 20 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹ позволяет сделать следующий вывод: Верховный суд республики, краевой (областной) суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа распространяет свою компетенцию только на территорию соответствующего субъекта Российской Федерации. Об этом прямо говорится и в федеральных законах о создании отдельных судов общей юрисдикции². Согласно ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях Российской Федерации»³, мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ и осуществляют свою деятельность в пределах судебных участков.

---

¹ СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 (с посл. изм.).

² См., напр.: Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 27.12.2000 № 160-ФЗ «О создании суда Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 12.

³ СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

Таким образом, может возникнуть парадоксальная ситуация, когда преступление, совершенное, например, на континентальном шельфе или морском судне под флагом РФ, подлежит юрисдикции РФ, однако при действующих правилах определения подсудности уголовное дело не может быть рассмотрено ни одним из российских судов. Существующая со времени действия УПК РСФСР практика направления таких уголовных дел в суд по месту окончания расследования или нахождения порта приписки судна обоснованна. Она отвечает интересам процессуальной экономии и целям уголовного судопроизводства, не создает предпосылок для произвольного ограничения прав участников процесса, однако требует легального закрепления.

Представляется, что в целях недопущения возможных ошибок при определении подсудности уголовных дел рассматриваемых категорий ст. 32 УПК РФ должна быть дополнена нормой о том, что если место совершения преступления определить невозможно, а также если преступление совершено во внутренних водах, территориальном море или воздушном пространстве РФ, иной территории, на которую распространяется юрисдикция РФ, либо вне пределов РФ, оно подсудно суду, в районе деятельности которого закончено предварительное расследование.

КТО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ?

С.А. Шейфер

1. До последнего времени этот вопрос, казалось, не имел смысла: ч. 1 ст. 37 УПК РФ устанавливала, что эту функцию от имени государства осуществляет прокурор. Впрочем, ему закон отводил и другую функцию – надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. В бесконечных дискуссиях о том, две ли это, либо одна, единая функция, правы были, на наш взгляд, те, кто, опираясь на системообразующий принцип состязательности, считали, что единственной функцией прокурора и движущей силой уголовного процесса является уголовное преследование, надзорные же полномочия даны ему для того, чтобы, используя их, направлять уголовное преследование к его конечной цели – изобличению виновного в преступлении лица, последующему обоснованию вины перед судом для его осуждения.

Но уже в момент принятия УПК РФ представление о такой роли прокурора как бы ставилось под сомнение тем, что функция уголовного преследования по делам публичного обвинения возлагалась также и на сле-

дователей и дознавателей, т.е. на лиц, которые традиционно ранее считались не обвинителями, а объективными и неподвзятыми исследователями.

Еще больше неясности в этом вопросе возникло с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г., а также рядом последующих нормативных актов, которыми прокурор был лишен многих своих полномочий, переданных вновь учрежденной полномочной процессуальной фигуре – руководителю следственного органа (далее – РСО). Возникли сомнения (и они отразилась в ряде публикаций) – остается ли прокурор органом уголовного преследования, а если остается, является ли он, как прежде, главным органом уголовного преследования.

2. Оценке новых, не всегда ясных, а порой и противоречивых законоположений может способствовать исторический анализ функций, возлагавшихся на прокурора в состязательном процессе в прежние времена.

Заметной вехой на этом пути стала судебная реформа 60-х гг. XIX в. в России и принятые в ту пору законодательные акты.

Принятое 29 сентября 1862 г. «Основные положения уголовного судопроизводства» (далее – ОП) в ст. 3 провозглашало: «Власть обвинительная отделяется от судебной», а ст. 4 констатировала: «Власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных принадлежит прокурорам».

В то же время согласно Закону от 8 июля 1860 г. вновь учрежденный судебный следователь, перестав быть полицейским чиновником, стал представителем судебной власти, обязанный, как об этом было сказано в ст. 265 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие». Такое определение роли следователя мало чем отличается от определения в УУС роли суда.

3. Анализ закрепленных в УУС полномочий прокурора, представляет его как распорядителя уголовным преследованием, способного обнаруживать преступления, возбуждать производство по ним и направлять предварительное следствие к быстрому и полному раскрытию преступления, преодолевая возможные недостатки расследования.

Именно прокурор, с помощью подчиненной ему полиции, выявлял факт совершения преступления при наличии законного повода и достаточного основания, требовал от следователя начать предварительное следствие (ст. 37 ОП), а одним из поводов к начатию предварительного следствия считалось «возбуждение дела прокурором» (п. 4 ст. 297 УУС). Прокурор и его товарищи могли возбуждать дела как по доходящим до них сведениям, так и непосредственно ими усмотренным преступлениям (ст. 311 УУС).

Согласно ст. 47 ОП «Постоянный надзор за производством следствия принадлежит исключительно прокурору»¹. При этом прокуроры и их товарищи имели право присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте следственное производство (ст. 280 УУС). Они вправе также предъявлять судебному следователю требования «по всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собиранию доказательств», а следователь был обязан их исполнить (ст. 281 УУС). Если при этом возникли препятствия к исполнению требований, судебный следователь уведомляет об этом прокурора или его товарища и ожидает разрешения ими препятствия (ст. 282 УПК). Эти лица могли также требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям (ст. 286 УУС) или, выражаясь современным языком, направлять дело на дополнительное расследование.

И хотя прекратить дело (и, следовательно, уголовное преследование) прокурор мог только с согласия суда, он, а не суд решал вопрос о предании обвиняемого суду. Заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагалось им в форме обвинительного акта (ст. 519 УУС). Этим актом все вышеназванные полномочия прокурора и результаты их реализации аккумулировались, представляя собой завершающий акт уголовного преследования на досудебном производстве.

Представления о прокуроре, как о носителе обвинительной власти, сохранились и в первых советских уголовно-процессуальных кодексах. Так, УПК РСФСР 1923 г., как и УУС, возлагал на прокурора обязанность возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по каждому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению (ст. 9), осуществлять надзор за предварительным следствием (ст. 118), а некоторые противоречия между прокурором и следователем могли разрешаться судом. В то же время поднадзорные прокурору следователи в течение ряда лет оставались при судах, что давало известное основание трактовать их как представителей судебной власти.

4. Последующие изменения уголовно-процессуального законодательства кардинальным образом изменили роль прокурора на досудебном производстве: в связи с передачей следователей в 1928 г. в непосредственное подчинение прокуратуре появилась особая, по мнению профессора М.А. Чельцова, форма предварительного расследования, названная им «прокурорским расследованием», в котором прокурор – «хозяин дела». Соответственно следователь, перестав быть самостоятельной фигурой, превратился в помощника прокурора по следствию.

---

¹ Заметим, что УУС для определения этой деятельности прокуроры употребляют более мягкий термин «наблюдение».

Установленное законом всевластие прокурора на предварительном расследовании не смогло, однако, противостоять беззакониям и произволу органов НКВД, МГБ в период культа личности. Принятый на волне устранения последствий культа личности УПК РСФСР 1960 г., предусмотрев некоторые гарантии против злоупотреблений, мало что изменил в роли прокурора и его отношениях со следователем.

Эта проблема была вновь поднята в связи с утверждением Концепции судебной реформы в РФ и принятием на ее основе УПК РФ 2001 г.

Провозгласив прокурора органом уголовного преследования и причислив его к стороне обвинения, наряду со следователем и дознавателем, закон, особенно на фоне положений Устава, породил неясность в вопросе о том, каким образом каждый из этих участников осуществляет функции уголовного преследования и насколько оправдано причисление следователя и дознавателя к стороне обвинения.

5. Как уже отмечено в начале статьи, еще больше неясностей в определении роли прокурора в досудебном производстве внес ФЗ от 5 июня 2007 г. Нельзя не признать, что реформа предварительного следствия, проведенная ФЗ-87 от 05.06.2007, существенно ослабила обвинительную власть, лишив ее носителя – прокурора многих полномочий, необходимых для успешного осуществления уголовного преследования, в т.ч и тех, которыми был наделен его далекий предшественник. Теперь прокурор не имеет права возбудить уголовное дело, т.е начать уголовное преследование, не может непосредственно руководить расследованием, обеспечивая целенаправленность уголовного преследования. Слабы возможности прокурора добиться начала уголовного преследования в случае, когда следователь отказал (по мнению прокурора, необоснованно) в возбуждении уголовного дела, не имеет прокурор и возможности прекратить при наличии оснований уголовное дело (что явно противоречит мысли о том, что прокурор – «хозяин» уголовного преследования и вправе им распоряжаться, в то время как эта мысль реализована в ч. 7 ст. 246 УПК, согласно которой отказ прокурора от обвинения в суде влечет за собой обязательное прекращение дела). Единственным исключением из этого запрета осталось (видимо, по недосмотру законодателя) предусмотренное п. 3 ч. 4 ст. 439 УПК право прокурора прекратить уголовное дело, представленное ему с постановлением следователя о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Как мне представляется, окончательно запутал этот вопрос Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. «О внесении изменений в УПК РФ». Закон фактически завершил передачу РСО всех полномочий, которыми ранее располагал прокурор и которые позволяли ему целенаправленно осуществлять уголовное преследование. Теперь РСО получил право

лично рассматривать сообщения о преступлениях, лично допрашивать подозреваемых и обвиняемых при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение ходатайств перед судом, возбуждать уголовное дело, в том числе в некоторых случаях и дела частного и частично-публичного обвинения, участвовать в судебных заседаниях по рассмотрению ходатайств следователя об избрании заключения под стражу и жалоб на действия и решения следователя, отказывать в возбуждении уголовного дела, отменять постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, вносить представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления, устанавливать дополнительный срок предварительного следствия по делам, возвращенным для дополнительного расследования.

Анализ этих дополнений статуса РСО показывает, что РСО практически получил все права, которыми ранее располагал прокурор, в том числе права чисто надзорного характера, нацеленные на устранение допущенных следователем нарушения закона, став полноправным распорядителем расследования. Прокурор же получил дополнительное право по своему мотивированному письменному запросу иметь возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, находящегося в производстве следователя (п. 2¹ ч. 2 ст. 37 УПК). Эта «уступка» производит странное впечатление, ибо никак не соответствует роли прокурора как главного органа уголовного преследования.

Новые законоположения рождают три недоуменных вопроса:

1. Если реформа предварительного следствия была вызвана необходимостью разделить надзор за следствием и руководство им – не следует ли поставить этот вопрос в отношении РСО, который фактически соединил в своих руках оба этих рычага управления предварительным следствием.

2. Правомерно ли иметь в уголовном процессе двух участников процесса, наделенных частично совпадающими полномочиями по осуществлению уголовного преследования, при отсутствии ясных и понятных оснований разграничения полномочий и крайнем ограничении возможности прокурора осуществлять эту функцию.

3. Чем объяснить игнорирование исторического опыта решения проблемы разделения властей обвинительной и следственной на досудебном производстве, закрепленного к тому же в законодательстве многих континентальных стран современной Европы, где прокурор по-прежнему остается главным органом уголовного преследования.

Ввиду сказанного реформа предварительного следствия представляется незавершенной. Нужны новые шаги законодателя, которые помогли бы устранить существующие неясности в правовой регламентации досудебного производства.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, КАСАЮЩИЕСЯ ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО

Ю.В. Шидловская

Как известно, к числу гарантий правосудия относится принцип состязательности, который одновременно служит и инструментом защиты личности. Состязательность в суде – это не только выполнение функции обвинения и защиты, но и разрешения дела по существу. Подлинная активность суда, тем более с участием присяжных заседателей, должна быть связана с поиском истины, поэтому на сегодняшний день, наверное, одним из противоречивых и дискуссионных вопросов, касающихся проблемы, связанной как с особенностями предмета, так и с особенностями пределов доказывания, является правило об исключении из судебного разбирательства с участием присяжных заседателей данных, характеризующих личность подсудимого. Нормы закона предписывают присяжным заседателям разрешать вопросы, связанные с предметом доказывания, что в некоторой степени отправляет их в область права: работая с доказательствами, присяжные заседатели производят проверку, собиравшие с целью проверки, оценку доказательств. В отличие от обычного порядка отправления правосудия присяжные заседатели как судьи исследуют не все обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а лишь те, которые не исключены из судебного следствия и не характеризуют негативно личность подсудимого, хотя по общим правилам, согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, входят в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Как известно, действующий УПК РФ запрещает исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении его (ч. 8 ст. 335 УПК). А между тем подобная информация является важным элементом заключения ряда экспертиз (судебно-психиатрической, судебно-психологической, наркологической). Именно на основании личностных данных испытуемого эксперты устанавливают наличие или отсутствие патологической наследственности, факты расстройства психики, в результате которых были совершены преступления. Очевидно, поэтому 77% опрошенных нами граждан, участвовавших в деле в качестве присяжных заседателей, считают, что присяжным необходимо знакомиться с данными, негативно характеризующими личность обвиняе-

мого – прошлый преступный опыт, алкоголизм – это имеет важнейшее значение при обсуждении вопроса о виновности. Однако в суде присяжных такая информация остается практически невостребованной, хотя могла бы способствовать вынесению объективного вердикта. Необходимо обратить внимание на то, что исследование личности обвиняемого закон включает в предмет доказывания на стадии досудебного производства и судебного разбирательства без участия присяжных, поскольку такая информация не может негативно повлиять на содержание обвинения и объективность приговора.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время проблема исследования личности подсудимого в суде присяжных разрешения так и не получила. Эта проблема тесным образом связана с фактом оценки всех представленных доказательств в совокупности. Обстоятельства, подлежащие исследованию с участием присяжных заседателей, явно носят правовую «окраску», поэтому председательствующий судья в соответствии со ст. 281–283 УПК РФ самостоятельно решает, какая часть доказательств будет исследована присяжными, а какая – нет, что, безусловно, ограничивает возможность присяжных в полном объеме исследовать фактические обстоятельства дела и перерастает в проблему пределов исследования. В результате возникает опасность возникновения судебной ошибки, основанной на невозможности присяжных принимать объективно верное решение в условиях ограничения информационного поля.

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ В СЛУЧАЯХ, КОГДА РАССМАТРИВАЕМОЕ ДЕЛО ИМЕЛО ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

О.Ю. Шумилина

Возрождение суда присяжных до настоящего времени неоднозначно оценивается процессуалистами, интересным представляется вопрос о порядке рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в тех случаях, когда рассматриваемое дело имело общественный резонанс в пределах определенной территории, широко освещалось в средствах массовой информации как до рассмотрения его с участие присяжных, так и в процессе его рассмотрения судом присяжных. В подобных случаях возникает вопрос: насколько подвержены воздействию СМИ присяжные и каким образом избежать влияния активного

освещения преступного деяния, личности подсудимого, иных лиц, причастных к совершению преступления, на формирование внутреннего убеждения присяжного заседателя при вынесении последним вердикта?

Так, обязанность по подготовке списков кандидатов в присяжные заседатели возложена на высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ, который ежегодно составляет общий и запасной списки присяжных заседателей, включая в них необходимое количество для нормальной работы соответствующего числа граждан, постоянно проживающих в районах и городах края, области (ст. 4 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»). Предполагаемое количество присяжных определяется исходя из количества уголовных дел, рассматриваемых судом. Администрация составляет централизованные списки присяжных, в которых пропорционально представлено население каждой административно-территориальной единицы, на которую распространяется юрисдикция соответствующего суда. Списки кандидатов в присяжные по действующему закону формируются на основе избирательных списков, а затем производится компьютерная выборка. Принцип, лежащий в основе процесса отбора кандидатов в присяжные, заключается в обеспечении случайного характера выбора и означает равную возможность для любого гражданина, отвечающего требованиям закона, войти в коллегию присяжных заседателей. Таким образом, в рассмотрении уголовного дела принимают участие присяжные административно-территориальной единицы, на которую распространяется юрисдикция соответствующего суда. Данная ситуация позволяет говорить о том, что на территории, где произошло рассматриваемое судом присяжных преступление и где средствами массовой информации сформирована какая-либо позиция по рассматриваемому делу, оно обсуждается в рабочем коллективе, Интернете, публикуются интервью обвиняемого, потерпевших, присяжные должны быть приглашены из другой административно-территориальной единицы Российской Федерации, поскольку их мнение будет менее подвержено влиянию СМИ региона, где будет слушаться уголовное дело. Положение о возможном роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава, которое содержится в ст. 330 УПК РФ, не позволяет разрешить эту задачу, поскольку отсутствуют гарантии того, что следующая коллегия присяжных окажется более объективной.

Полагаем, для решения указанной задачи требуется внесение изменений в ФЗ «О присяжных». Включив в него нормы, позволяющие в данных случаях отбирать присяжных заседателей из списков других административно-территориальных единиц РФ и доставлять кандидатов в присяжные в регион, где будет слушаться уголовное дело, компенсаци-

руя расходы на проезд и проживание. Такой способ позволит экономить денежные средства в сравнении с роппуском коллегии присяжных ввиду тенденциозности ее состава. Применение в таких случаях положений ст. 35 УПК РФ «Изменение территориальной подсудности уголовного дела» не целесообразно, так как усложнит явку в процесс большинства его участников: прокурора, потерпевших, их представителей, свидетелей.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ

Н.С. Югов

Действующий УПК РФ предусматривает возможность расследования уголовных дел коллективным субъектом – следственной группой. Порядок создания следственной группы предусмотрен ст. 163 УПК РФ. Это единственная норма, которая регламентирует процедуру образования коллективного субъекта, распределение обязанностей между руководителем и участниками следственной группы. Дефиниции «следственная группа» ни данная статья, ни ст. 5 УПК РФ, раскрывающая основные понятия, не дают. Вместе с тем четкое закрепление статуса следственной группы необходимо. Дело в том, что практика широко использует такую форму совместной деятельности следственных и оперативных органов, как следственно-оперативные группы. Такие группы создаются для моментального реагирования на противоправные действия лиц, их совершивших, а также для расследования многоэпизодных сложных уголовных дел. Отсутствие четкого разграничения прав и обязанностей сотрудников, входящих в следственно-оперативную группу, нередко приводит к тому, что оперативные работники милиции ведут следствие, а следователь лишь оформляет или подписывает процессуальные документы, составленные оперативными уполномоченными. В доктрине уголовно-процессуального права не раз обращалось внимание на негативные последствия сращивания процессуальной и не процессуальной деятельности. Это опасно с точки зрения возможности нарушения прав граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Законодатель в ст. 163 УПК РФ не случайно не употребляет термина следственно-оперативная группа, указывая лишь на возможность привлечения оперативных сотрудников в следственную группу для оказания содействия в производстве следственных и процессуальных действий. Полагаем, что законодатель также предостерегает практику от сращивания процессуальной формы расследования и не процессуальной оперативно-розыскной деятельностью. Это два самостоятельных вида

правоохранительной деятельности и в сфере уголовного судопроизводства, они могут дополнять друг друга лишь в рамках, предусмотренных УПК. Это такие формы взаимодействия, которые предусмотрены ст. 89, 163, 164, 209 УПК РФ.

Многочисленные подзаконные нормативно-правовые акты вопреки нормам УПК РФ оперируют понятием «следственно-оперативная группа», чем и руководствуется следственная практика. Представляется, что для нормализации ситуации необходимо:

- во-первых, дать понятие следственной группы и закрепить его в УПК РФ;
- во-вторых, дать более четкую регламентацию порядка функционирования следственной группы;
- в-третьих сформировать новую ведомственную нормативную базу, регламентирующую порядок действия следственных групп с привлечением оперативных сотрудников.

При этом понятие следственно-оперативной группы должно быть исключено из ведомственных источников.

ПРОИЗВОДСТВО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Ю.К. Якимович

Как писал М.С. Строгович, «по сути дела, освидетельствование – это тот же осмотр и отличается от него тем, что предметом освидетельствования является не вещь, как при осмотре, а живой человек»¹.

Данное определение актуально и по сей день, но с одной оговоркой. Новый УПК РФ предусматривает освидетельствование с целью выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, что вряд ли можно отнести к осмотру. Это скорее суррогат осмотра, эксперимента и экспертного исследования. Подобного рода освидетельствование (например, состояния алкогольного или наркотического опьянения) широко применялось в следственной практике, хотя и прямо противоречило УПК РСФСР. Полагаем, что решение законодателя о введении в новый УПК РФ такого рода освидетельствований представляется ошибочным.

Тем более что по УПК РФ освидетельствование может быть проведено только в том случае, когда для установления указанных выше обстоятельств, например состояния опьянения, не требуется производства судебной экспертизы.

---

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. С. 113.

Для определения же состояния алкогольного или наркотического опьянения необходимо получить образцы для сравнительного исследования (кровь, моча), что, безусловно, является составной частью производства экспертизы

Поскольку постановление следователя является обязательным для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179 УПК РФ), согласия подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего на их освидетельствование не требуется. Согласия же свидетеля не требуется только в одном случае – когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. В любом другом случае для освидетельствования свидетеля требуется его согласие (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

О производстве освидетельствования следователь составляет постановление. В случаях, не терпящих отлагательств, освидетельствование может быть проведено до возбуждения уголовного дела.

Порядок освидетельствования и составления протокола освидетельствования установлен ст. 179, 180 УПК РФ.

Однако освидетельствованию (ч. 1 ст. 179 УПК РФ) могут быть подвергнуты подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. В стадии же возбуждения уголовного дела этих участников процесса нет и быть не может. Значит и некого освидетельствовать до возбуждения уголовного дела. В этой связи законодателю необходимо было дополнить число участников процесса такими лицами, как «заявитель», «пострадавший», «заподозренный».

Тогда бы освидетельствование (этих лиц) было бы действительно возможно в стадии возбуждения уголовного дела.

Освидетельствование производится следователем. При необходимости следователь привлекает к участию в производстве освидетельствования врача или другого специалиста. При освидетельствовании обвиняемого, подозреваемого могут принимать участие их защитники и законные представители.

При освидетельствовании лица противоположного пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом, а протокол освидетельствования составляется следователем со слов врача. Данное положение закона представляется неверным. Правильнее было бы установить в законе следующий порядок: «Если освидетельствование сопровождается обнажением лица другого, чем следователь, пола, следователь поручает производство освидетельствования органу дознания. Начальник органа дознания поручает производство освидетельствования дознавателю одного с освидетельствуемым пола. В этом случае протокол освидетельствования составляет лицо, непосредственно его произведшее».

При освидетельствовании, как и при производстве любого другого следственного действия, могут применяться фотографирование, видеозапись, киносъемка. Но если освидетельствование сопровождается обнажением освидетельствуемых лиц, то только с их согласия.

При производстве освидетельствования не допускаются действия, унижающие честь и достоинство освидетельствуемого лица или опасные для его здоровья и тем более жизни.

Протокол освидетельствования составляется с соблюдением общих требований, установленных ст. 166 и 167 УПК РФ.

И, наконец, последнее.

В соответствии с ч. 2 ст. 290 УПК РФ освидетельствование может производиться в суде. При этом если освидетельствование сопровождается обнажением, то оно производится врачом или иным специалистом.

Но ведь в этом случае нарушается основополагающий принцип судебной деятельности – принцип непосредственности. И потом, трудно представить, что необходимость освидетельствования возникла именно при рассмотрении дела в суде. А значит, освидетельствование проводилось уже в стадии предварительного расследования, и потому проводить его вновь в суде повторно нет необходимости: достаточно огласить имеющийся в деле протокол освидетельствования.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА СОБИРАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В.В. Ясельская

Право защитника собирать доказательства вызвало многочисленные споры среди ученых-процессуалистов и практических работников. В юридической литературе достаточно подробно анализировались две основные проблемы, связанные с реализацией защитником права собирать доказательства. Первая проблема – сложности в получении защитником сведений, необходимых для защиты обвиняемого. Вторая проблема – в преобразовании сведений, полученных защитником в доказательства. Ученые предлагали различные варианты их разрешения. Менее исследованной оказалась еще одна серьезная проблема этического характера, когда законом предусмотрен и способ поучения сведений, и порядок их представления, тем не менее защитник фактически не может реализовать свое право, в том числе по субъективным причинам.

Так, УПК РФ впервые предоставил защитнику право опрашивать лиц с их согласия. В 70-х гг. прошлого столетия защитник не имел пра-

ва встречаться со свидетелями и беседовать с ними до слушания дела, выяснять что-либо по делу. Сам факт беседы служил основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката. Провозглашение в законе нового права дало адвокатам надежду на то, что они смогут на равных со следователем получать оправдательные доказательства и представлять их суду. Однако эта надежда быстро развеялась, а положение, закрепленное в законе, оказалось декларацией.

Пункт 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ не содержит каких-либо ограничений на круг лиц, которых защитник вправе опрашивать, требуется лишь получение согласия лица на проведение опроса. В связи с этим у адвокатов в практической деятельности возникли вопросы, в частности имеет ли право защитник на стадии предварительного расследования опрашивать лиц с их согласия, уже допрошенных в качестве свидетелей, в том числе если ему известно, что до этого опрашиваемое лицо было допрошено следователем?

По мнению президента Адвокатской палаты г. Москвы Г.М. Резника опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей, адвокат не вправе. «Непроцессуальные контакты с такими лицами недопустимы, попытки опроса защитником лица, являющегося свидетелем по делу, будут расцениваться как нарушение процессуального закона и законодательства об адвокатуре»¹.

По этому вопросу имеются разъяснения Совета Адвокатской палаты г. Москвы, согласно которым опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей, адвокат не вправе. Они являются участниками судопроизводства, и адвокат должен получать от них интересующие его сведения при проведении следственных действий².

Такая позиция вызывает критику. Во-первых, не ясно, при проведении каких следственных действий защитник может получить интересующие его сведения, если в допросе свидетелей на стадии предварительного расследования защитник, как правило, не участвует. Во-вторых, как защитник сможет задать вопрос свидетелю, если он предварительно с ним не побеседовал.

Иначе решен вопрос о возможности проведения адвокатом опроса лица с его согласия после его допроса следователем в качестве свидетеля в методических рекомендациях по реализации прав адвоката, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ: «... такой опрос возможен только в

---

¹ Возможности защиты в рамках нового УПК России: Материалы научно-практической конференции адвокатов, проведенной Адвокатской палатой г. Москвы при содействии коллегии адвокатов «Львова и партнеры», 2003 / Под ред. Г.М. Резника. М.: Лекс, 2003. С. 95.

² Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2003. Вып. 1. С. 30–31.

случае, если в ходе его допросов не были выяснены все вопросы, имеющие существенное значение для дела»¹.

Эти рекомендации также не вносят ясности и ограничивают права защитника. Кто будет решать, были ли выяснены все вопросы, имеющие существенное значение, или нет? Можно ли определить, все ли вопросы выяснены, не побеседовав с лицом? Получается, что защитник вправе опрашивать лиц с их согласия, которых выявил он сам, либо тех, которых не успел допросить следователь.

Почему же от расторопности следователя зависят права защитника? Почему презюмируется недобросовестность защитника? Если такой позиции придерживаются органы адвокатского сообщества, что тогда говорить о представителях стороны обвинения? Причем оказать давление на свидетеля с таким же успехом можно и после его допроса следователем. До тех пор, пока не изменится отношение к адвокатам-защитникам, они не смогут реализовать свои права и осуществлять эффективную защиту обвиняемых.

---

¹ Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», одобрены советом ФПА РФ 22 апреля 2004 г., протокол № 5.

КРИМИНАЛИСТИКА

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Р.Л. Ахмедшин

Криминалистическая наука достаточно давно изучает личность преступника, однако если проанализировать динамику исследований, с достаточно высокой степенью надежности можно сделать вывод о понижении эффективности данного исследования. Используемые в современной криминалистической науке методики, базирующиеся на данных о личности преступника, являются в основном заимствованными (методика построения психологического профиля неизвестного преступника, методика географического профилирования, методика «анализ утверждений»).

По нашему мнению, важнейшей причиной подобного выступает некоторая «устарелость» исходных базовых положений в криминалистическом учении о личности преступника, базирующаяся не на научных, а на философских установках, имеющих преимущественно доктринально-идеологическое обоснование.

Научная бесперспективность философского подхода к проблеме изучения личности вообще определяется крайне высокой степенью вариативности индивидуальных характеристик человека. Объединяя в единое исследовательское пространство сильно отличающиеся объекты, мы получаем ситуацию, в которой любые выводы будут характеризоваться высокой степенью абстракции, а как следствие, неконкретности. Объединяя в одну исследовательскую группу серийного убийцу и лицо, совершившее оскорбление другого лица, мы автоматически уравниваем движущие этими лицами силы. На уровне теоретического осмысления в этом уравнивании нам «помогает» установка о единстве и взаимосвязанности и взаимодополняемости биологического, социального и индивидуально-психологического фактора человеческого поведения.

Однако насколько верно данное положение? Не противоречит ли оно тезису о необходимости эволюционной специализации? Не является ли данное положение ярким примером упрощенного подхода полутора-вековой давности? Представляется, что дело обстоит именно так.

В современной персонологии существует достаточно большое количество самостоятельных теорий личности, противоречащих друг другу. Эти теории эмпирически подтверждены и порой очень слабо пресекаются. Вывод – психика людей не подчиняется какому-то единому общему алгоритму, определенные группы людей функционируют на различных этапах жизненного пути, а порой и просто в различных ситуациях по различным законам. Но если это так, то в криминалистике целесообразно вернуться к дискуссиям о доминанте фактора человеческой психики у отдельных групп людей.

Данный призыв не представляет собой попытку пересмотра правового статуса личности в целом, нерационально оспаривать тезис о равенстве всех перед законом. Однако тезис о равенстве не предполагает тезиса об одинаковости людей, одинаковости сил, движущих ими, одинаковости факторов, определяющих преступное поведение людей. Таким образом:

1. Тезис о взаимообусловленности биологического, социального и индивидуально-психологического факторов преступного поведения является целесообразным только в доктринально-правовом понимании, для реализации криминалистически значимых задач он является тупиковым.

2. В криминалистике целесообразно разработать принципиально новую типологию личности преступника, основанием деления в которой на первых порах будет выступать доминирующий фактор психики.

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛОГИИ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А.В. Батраков

Планирование расследования по конкретному уголовному делу охватывает не только процесс в целом, но и планирование производства отдельных следственных действий. При этом принятие решения о производстве того или иного следственного действия связано с выбором наиболее адекватного, исходя из конкретной ситуации расследования, следственного действия, а также определением его места в системе других, разработкой его стратегии. Планирование – это мыслительная деятельность следователя, связанная с анализом исходной информации и определением оснований к производству того или иного следственного действия; с прогнозированием условий его производства; определением задач, которые будут решаться; круга участников следственного действия; разработкой тактики и определением комплексов технических средств, направленных как на обнаружение, так и на фиксацию следов

преступления; определением организации проведения следственного действия; времени и места в плане расследования по конкретному уголовному делу, в группе уголовных дел, находящихся в производстве того или иного следователя. Все перечисленные аспекты мыслительной деятельности следователя так или иначе связаны с применением аналогии. Применение аналогии в планировании производства следственных действий – это одно из условий эффективного их проведения. Между тем этому нередко не уделяется должного внимания, что приводит к недостаткам всего расследования.

Моделируя мысленно произошедшее событие преступления, исходя из обстановки, следователь воссоздает картину прошлого по следам, оставшимся на момент осмотра. Недостающие элементы (не сохранившиеся) следователь дополняет, используя метод аналогии, сопоставляя ситуацию с наиболее схожими происшествиями прошлого из его памяти и результатами осмотров этих происшествий, а также результатами расследований этих преступлений.

Прогнозируя и учитывая условия проведения следственных действий, следователь всегда стоит перед сложным выбором (альтернативой) возможных его действий или решений, и в выборе тактических приемов, и в выборе технических средств, и в выборе времени производства следственного действия, и в выборе необходимых организационно-технических решений. Чем он руководствуется при принятии решения? Конечно же, следователь оценивает сложившуюся ситуацию, пытаясь учесть все факторы. Наиболее распространенные и часто встречающиеся ситуации в определенный момент уже вылились в различного рода криминалистические рекомендации, но совокупность установленных по делу обстоятельств и возникшие (или прогнозируемые) условия производства следственных действий могут быть не стандартными. В этом случае следователь и использует метод аналогии, подбирая мысленно наиболее сходную по основным признакам ситуацию, на основе которой формирует совокупность своих решений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СУБЪЕКТАМИ РАССЛЕДОВАНИЯ – ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОЖАРОВ

М.В. Безуглов, О.Ю. Гасевская, З.М. Катаев

Эффективность борьбы с преступностью характеризуется не только количеством зарегистрированных преступлений, но главным образом уровнем их раскрываемости. Число же нераскрытых преступлений с

190

каждым годом возрастает. Поэтому сегодня как никогда требуется взвешиваемая переоценка некоторых фундаментальных подходов к формированию следственно-оперативных групп при расследовании преступлений, особенно таких сложных, как криминальные пожары, взрывы.

Прежде всего, следует четко исполнять нормативные акты, регламентирующие взаимодействие субъектов расследования. Порядок взаимодействия и организация работы органов внутренних дел РФ по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами, регламентирован приказом МВД РФ от 31.08.1996 г. № 487 и приложенной к нему инструкцией. Однако этот приказ почти повсеместно не исполняется, постоянно действующие группы не создаются (например, в Кемеровской области). Кроме того, особой задачей является выявление возможностей улучшения работы следственно-оперативных групп путем поиска творческих подходов при их формировании, преодоления формализма при отборе субъектов этих групп. Как представляется, следственно-оперативные группы могут улучшить свой потенциал путем синергетического подхода к их формированию.

Впервые понятие синергии (греч. работать вместе) было введено Рут Бенедикт. Термин применялся для обозначения такого совместного действия, производимого отдельными элементами, когда получаемый при этом результат превышает результат, который может дать раздельная работа этих элементов. В условиях низкой социальной синергии успех одного члена группы ведет к потерям и неудачам другого. При высоком уровне социальной синергии кооперация (сотрудничество) используется максимально: система культурного доверия усиливает сотрудничество и положительные взаимоотношения индивидов и помогает свести до минимума конфликты и разногласия.

Абрахам Маслоу, ученик Рут Бенедикт, рассматривал синергию и у отдельного человека. Сравнение себя с другими способствует проявлению высокой индивидуальной синергии. Если успех другого приносит индивиду глубокое удовлетворение, то в ответ ему легко и щедро предлагается помощь. В некоторой степени в таких случаях соединяются и эгоистические, и альтруистические мотивы. В помощи другому индивид ищет личное удовлетворение.

Можно также отнести к понятию синергии соединение мысли и действия у индивида. Когда индивид принуждает самого себя начать действовать, это указывает на какой-то конфликт мотивов. Если взять идеальный вариант, то индивиды делают то, что им следует делать, потому что они хотят делать это¹. Самоактуализация не застывшее состояние.

---

¹ *Фрейджер Р., Фрейдимен Дж.* Личность: Психологическая энциклопедия. СПб.; М., 2002. С. 500–501 (864).

Это действующий процесс, при котором способности индивида проявляются полностью, творчески и радостно.

А. Маслоу перечислял следующие характерные черты для самоактуализирующихся:

1. Более эффективное восприятие реальности и более удобные отношения с реальностью.
2. Приятие (себя, других, природы).
3. Непосредственность, простота, естественность.
4. Сосредоточенность на проблеме.
5. Способность обособиться, потребность в уединении.
6. Автономия, независимость от культурных штампов и окружения.
7. Сохраняющаяся свежесть восприятия.
8. Мистический и вершинный опыт.
9. Чувство общности с другими.
10. Более глубокие и проникновенные взаимоотношения.
11. Демократичность, креативность.
12. Способность распознавать цели и средства, хорошее и плохое.
13. Философский, незлобный, доброжелательный юмор.
14. Сопrotивление окультуриванию вне любой определенной культуры¹.

Думается, что синергетический подход к формированию следственных-оперативных групп из самоактуализирующихся личностей – один из путей, который, вне всякого сомнения, приведет к повышению эффективности их работы, их самоорганизации.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.П. Берсенеv

В настоящее время продукты речевой деятельности становятся объектом исследования при расследовании уголовных или решении гражданских дел, потому что в них содержатся прямой источник и правовая оценка правонарушения, совершенного посредством речи. Необходимость в проведении подобных исследований возникает при рассмотрении дел о клевете, оскорблении, разжигании межнациональной и религиозной вражды, экстремизме, по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

---

¹ Фрейджер Р., Фрейдимен Дж. Указ. соч. С. 489, 493 (864).

Поскольку именно результат речевой деятельности – речевое произведение является основным объектом судебно-лингвистической экспертизы, то возникает необходимость в осуществлении профессиональной лингвистической экспертизы спорного текста.

В конце 90-х гг. XX в. к проведению лингвистической экспертизы привлекались специалисты филологи, не работавшие в государственных судебно-экспертных учреждениях. Это объяснялось отсутствием соответствующей специальности в государственном перечне родов судебных экспертиз и, следовательно, правовых оснований для производства экспертиз в области лингвистики в ведомственных судебно-экспертных учреждениях.

В 2001 г. была создана общественная организация – Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, которая возглавила и объединила все отечественные направления научно-практических изысканий в области судебно-лингвистических экспертиз.

В 2006 г. в «Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ» внесена новая экспертная специальность – «Исследование продуктов речевой деятельности в рамках рода судебных экспертиз» («Лингвистическая экспертиза»). Законодательство, реагируя на изменения общественных отношений сегодняшнего времени, пошло по пути создания и закрепления общих задач, и принципов экспертной деятельности. В нормативных актах устраняются противоречия, встречающиеся в производстве лингвистических экспертиз.

Следствием спонтанного процесса проведения лингвистических экспертиз явилось отсутствие обобщения эмпирического материала, закреплённых нормативно: общей концепции института лингвистической экспертизы, понятий, задач, функций и принципов деятельности экспертов-лингвистов. Двойственная природа лингвистической экспертизы – нахождение ее на стыке языка и права – выявила проблему взаимопонимания и взаимодействия следователей и судей, с одной стороны, и экспертов-лингвистов, с другой. Проблема, на наш взгляд, кроется в наличии пробелов и противоречий по исследуемым вопросам, возникших на стыке двух гуманитарных наук – юриспруденции и лингвистики.

Производство судебно-лингвистической экспертизы спорных и конфликтных текстов выходит за рамки лингвистики и требует создания единых критериев употребления лингвистических и юридических средств:

а) возникает необходимость, используя сложившийся инструментарий (средства, приемы, принципы) лингвистического и юридического анализов, в формулировании положений, отражающих пересекающиеся понятия юридического и лингвистического характера;

б) на наш взгляд, требуется разработать новый комплексный инструментарий – средства, систему принципов, алгоритмы, которые позволяют упорядочить результаты лингвистического и юридического анализов;

в) необходимо выработать качественно новую систему признаков, которая обеспечит взаимосвязь результатов лингвистического и юридического анализов.

Сложности взаимодействия субъектов судебно-лингвистической деятельности и субъектов правоприменения, на наш взгляд, возможно преодолеть созданием унифицированных понятийного и терминологического аппаратов, разработкой методики нового вида судебной экспертизы, отвечающей современным требованиям судопроизводства.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К РАССЛЕДОВАНИЮ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОЖАРОВ

О.Ю. Гасевская

Ситуационный подход к расследованию преступлений прочно вошел как в теорию криминалистики, так и в практику.

Кроме следственных ситуаций существуют криминальная ситуация, ситуация расследования, ситуация на месте происшествия.

Следственная ситуация – это существующая в данный момент реальность, в условиях которой действует следователь. Криминальная ситуация – это обстановка совершения преступления. При расследовании криминальных пожаров нельзя не учитывать следующие ситуации, которые возникают при совершении преступлений, связанных с пожарами: допожарная ситуация; пожарная ситуация; послепожарная ситуация (следовая картина).

В литературе обычно отмечаются ситуации:

– причина пожара известна, причина пожара неизвестна;

– преступник известен, преступник неизвестен;

В принципе такие ситуации возражений не вызывают. Однако нельзя не отметить, что в абсолютном большинстве случаев следователь оказывается перед фактом: ни причина пожара, ни преступник не известны. Более того, почти всегда нельзя понять, есть ли в совершенном происшествии признаки преступления. В этой связи представляется, что следственные ситуации следует рассматривать при

наличии информации о компонентах горючей системы. Известно, что для возникновения и распространения горения необходимы три компонента, которые во взаимодействии и соответствующем количественном соотношении образуют горючую систему: горючие вещества, окислитель, тепло зажигания.

В этой связи при расследовании криминальных пожаров обычно возникают типичные ситуации:

а) известно горючее вещество, окислитель, но не известен источник тепла;

б) известен источник тепла, окислитель, но не известно горючее вещество;

в) известно горючее вещество, источник тепла, но не известно, откуда поступает окислитель;

г) известны все компоненты горючей системы, но неизвестны дополнительные и необходимые условия формирования причины пожара.

Немаловажное значение для изучения ситуационного подхода имеет структура следовой картины события, сопряженного с пожаром, которая характеризуется мозаикой разнообразных следов – типичных и нетипичных для пожара. Часто на месте происшествия можно обнаружить следы, которые возникли не непосредственно от пожара и не преобразовались в процессе его развития и которые встречаются при совершении любых других преступлений. Это следы рук, ног, транспортных средств, документы и предметы. В отличие от типичных, на основании которых можно сделать вывод об очаге пожара, интенсивности и путях распространения огня, а в ряде случаев и о его причине, нетипичные для пожара следы свидетельствуют против преступника, указывают на его путь, действия на месте преступления. Пыль, копоть, пепел не должны препятствовать поиску следов преступления. На полированных, глянцевых и бумажных поверхностях, которых не коснулся огонь, остаются отпечатки пальцев и ладоней. Выяснение происхождения, так называемых «аномальных предметов», неизвестно как попавших на место происшествия, во многом способствует раскрытию преступлений. Кроме того, состояние окон, дверей, замков и задвижек позволяет определить, как они выглядели до пожара, какие с ними произошли изменения.

При этом значение ситуационного подхода состоит в том, чтобы теоретически сформулировать, эмпирически проверить, а затем практически рекомендовать оптимальное решение для каждой конкретной ситуации при расследовании преступлений, связанных с криминальными пожарами.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ

А.А. Дедков

В настоящее время следователем используется большое количество приемов и способов, позволяющих провести допрос с максимальным количеством извлечения необходимой информации по конкретному уголовному делу. Но всегда могут возникнуть определенные сложности с получением таких качественных показаний от свидетеля, потерпевшего и подозреваемого, например при неправильном установлении психологического контакта с допрашиваемым. Под психологическим контактом традиционно понимается взаимная, мыслимая связь допрашивающего лица с допрашиваемым, позволяющая получить наиболее истинные данные по совершившемуся общественно опасному деянию. Процесс установления или результат такого контакта в ряде случаев может быть осложнен следующим:

Во-первых: бывают случаи, когда следователю необходимо получить информацию не от взрослого человека, а от ребенка как личности еще не сформировавшейся, сильно эмоциональной и способной к фантазированию. И также не следует забывать о том, что при допросе несовершеннолетнего обязательно присутствие одного из родителей, попечителя или законного представителя, что, в свою очередь, тоже влияет на процесс получения информации, так как установление психологического контакта будет направлено на несколько лиц. И в результате неправильно построенного допроса могут быть сильно искажены получаемые сведения, имеющие значение по делу.

Во-вторых: многие свидетели и нередко обвиняемые дают правдивые показания на основе своих объективно правдивых представлениях о предметах и событиях. В их ощущениях в основном корректно отражаются свойства предметов материального мира. Обычно они правильно воспринимают интересующие нас предметы и факты, удерживают их в памяти и точно излагают на предварительном следствии и в суде. Однако на практике приходится сталкиваться и с ошибочными или ложными показаниями. Изучив те психологические факторы, которые могут привести к ошибочности или ложности показания, можно, с одной стороны, разработать тактику ведения допроса, обеспечивающую предупреждение таких показаний, и получения правдивых, достоверных и полных показаний, а с другой – найти подход к установлению психологического контакта с допрашиваемым и к оценке результатов допроса.

В-третьих: следователь должен быть психологически подготовлен к проведению каждого из допросов. Психологическая подготовка включает в себя точное знание сущности предстоящей деятельности: 1) цели; 2) действия, при помощи которых они могут быть достигнуты; 3) условия, которые могут быть созданы следователем; 4) психические свойства и состояния, которые необходимо будет проявить к допрашиваемому.

Следственная практика показала, что следователь, умеющий создать соответствующий психологический контакт с допрашиваемым, может выявлять и укреплять эти положительные моменты в психике даже преступника-рецидивиста. Следователь, завоевав своим принципиальным и гуманным подходом авторитет у допрашиваемого, может апеллировать к его совести, добрым чувствам. Психологический контакт следователя с допрашиваемым и проявляемая к нему гуманность должны быть пронкнуты принципиальностью.

Рекомендации по психологическому контакту сформированы на основе особенностей отдельных групп: 1) исходя из процессуального статуса; 2) исходя из социально-биологических особенностей. Эти группы неоднородны. Чтобы их охватить, рекомендации должны быть достаточно абстрактны, например применительно к каждому психотипу.

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

Н.С. Дергач

Эффективность взаимодействия органов предварительного расследования достигается лишь при строгом соблюдении его основных принципов – тех правовых положений, в соответствии с которыми взаимодействие осуществляется¹:

1. Соблюдение законности как один из важнейших принципов Российского государства осуществляется во всех сферах государственной и общественной деятельности и специально закреплен в Конституции РФ. В содержание принципа законности входит выполнение следователем и соответствующими работниками органа дознания обязанности обеспечить участникам процесса, с которыми они вступают в контакты при совместной согласованной деятельности, реальную возможность использовать предоставленные им законом права.

---

¹ *Кругликов А.П.* Сущность и правовые формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания. Волгоград, 1985. С. 11.

2. Строгое разграничение компетенции. При осуществлении взаимодействия на первоначальном этапе расследования квартирных краж нет служебного соподчинения органов следствия и дознания, слияния процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Полномочия следователя и органа дознания при осуществлении взаимодействия определены законами и ведомственными нормативными актами. Четкое размежевание прав и обязанностей следователя и органа дознания является неперемennым условием законности взаимодействия, его эффективности. Данные, полученные оперативным путем, носят сугубо ориентировочный характер. Слепая вера в полученные оперативно-розыскным путем сведения, неприятия всего, что им противоречит, приводит следователей ко многим грубым ошибкам.

3. При осуществлении взаимодействия следователь выступает по существу в качестве организатора «коллективного труда». В подобных случаях возникает необходимость распределения обязанностей, координации действий, налаживания обмена информацией, согласования и контроля за исполнением. Руководящая роль следователя состоит в том, что обычно он определяет, необходимо ли взаимодействие при расследовании квартирной кражи, с какого момента, в какой форме и на какой срок. Так, именно он проверяет качество выполнения своих поручений и указаний и имеет право дать новые. В процессе взаимодействия сотрудникам органа дознания не отводится основная роль: лишь иногда они являются инициаторами взаимодействия, их предложения влияют на его содержание и формы.

4. Неразглашение данных предварительного следствия, установленное законом, объясняется тем, что преждевременное разглашение данных расследования квартирных краж может раскрыть преступнику путь, по которому идет следователь, и дать возможность скрыться, затруднить собиpание и проверку доказательств, нанести ущерб интересам подозреваемого и т.д. Всё это должны понимать работники органа дознания, знакомящиеся в ходе взаимодействия с материалами уголовного дела. В свою очередь, следователь должен учитывать, что большинство оперативно-розыскных действий осуществляется негласно, и уметь так использовать данные, полученные органами дознания, чтобы не допустить разглашения средств и методов его деятельности.

5. Планирование взаимодействия придает ему организованность и целеустремленность. Как свидетельствует практика, высоки показатели раскрываемости квартирных краж там, где планированию взаимодействия придается должное значение. Благодаря планированию обеспечивается наиболее рациональное использование следователем помощи оперативных аппаратов органов внутренних дел. Беспланоность же, напро-

тив, нередко становится одной из причин слабой эффективности взаимодействия. Прежде чем принимать решение о направлении дальнейшей работы, о необходимых средствах и наиболее целесообразных методах расследования, нужно максимально полно оценить ситуацию, которая сложилась на момент принятия решения.

К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ КАК ЭЛЕМЕНТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА КОНКУРЕНЦИЮ

А.А. Еремин

В теории криминалистики под способом понимается система противоправных действий (бездействия) субъекта, направленная на достижение единой цели и объединенная единым замыслом.

Перечень преступлений, относимых разными авторами к категории коррупционных, достаточно широк, и способы их совершения в полном объеме содержатся в уголовном законе. Отрицательным аспектом данного закрепления является отсутствие систематизации.

В результате применения логических методов при исследовании объективных и субъективных признаков коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию, нами построена трехуровневая система классификации способов, основанная на их соотношении (место и характер связи) со служебными полномочиями.

Первый по степени обобщения уровень представлен четырьмя разновидностями, рассматриваемыми далее.

Способствование – действия субъекта по использованию своего служебного статуса, авторитета, возможностей, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, совершенные из корыстной и иной личной заинтересованности.

Осуществление – действия (бездействие) субъекта по выполнению служебных полномочий, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, совершенные из корыстной и иной личной заинтересованности.

Злоупотребление – действия (бездействие) субъекта по использованию служебных полномочий вопреки интересам службы, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, совершенные из корыстной и иной личной заинтересованности.

Превышение – действия субъекта, явно выходящие за пределы его служебных полномочий, направленные на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, совершенные из корыстной и иной личной заинтересованности.

Второй уровень представлен типичными способами, перечень которых частично содержится в уголовном законе.

Например, нормативно закрепленной является регистрация заведомо незаконных сделок с землей (ч. 1 ст. 170 Уголовного кодекса РФ) и незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица (ч. 1 ст. 169 Уголовного кодекса РФ), которое в зависимости от круга служебных полномочий субъекта преступления может быть отнесено к злоупотреблению или превышению.

К числу типичных способов данного уровня, не указанных в уголовном законе, относится, например, регистрация незаконных сделок с иным недвижимым имуществом.

Третий уровень способов, относящихся к вышеприведенным примерам, состоит из типичных действий (бездействия), составляющих вмешательство: проведение внеплановых проверок, нарушение правил и порядка оформления документов или принятия решений, затребование сведений или отказ (уклонение) от их предоставления и т.п., а также незаконную регистрацию: материальный и идеальный подлог субъектом преступления, затребование неполного перечня документов, непринятие мер при наличии сомнительных или заведомо подложных документов и т.п.

Дальнейшее развитие указанных положений, на наш взгляд, состоит в систематизации типичных способов третьего уровня на основе практических данных раскрытия и расследования коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию.

ВЗАИМОСВЯЗИ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО И УЧЕНИЯ О ТАКТИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ КАК НАУЧНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

И.В. Иванов

Как свидетельствует научно-познавательный опыт, к числу особенно сложных, проблемных вопросов криминалистической тактики всегда относилось установление межконцепционных взаимосвязей. В подавляющем большинстве исследований межконцепционные взаимосвязи оставались вне поля зрения научного анализа. При этом подразумевалось, что роль и значение взаимосвязей между теми или иными концеп-

200

циями являются настолько очевидными, само собой разумеющимися, что всякое их исследование неактуально. Вместе с тем отсутствие должного внимания к связям инспирирует возникновение разноречивых суждений относительно места названных учений в структуре криминалистической тактики, трудностей в истолковании задействуемых научных понятий и знаний, интерпретации конкретно-прикладных рекомендаций.

Выяснению своеобразия межконцепционных связей учения о личности обвиняемого и учения о тактическом приеме препятствует комплекс сложившихся исходных допущений о природе, функциях, назначении данных учений. В итоге в рамках предметного поля зрения криминалистической тактики оказываются неоправданно пересекающимися многочисленные, а главное, разнородные, связи – генетические и формальные (внешние). Эта разнородность обусловлена тем, что одни связи могут быть выделены на основе отображения в криминалистических учениях природы познаваемой реальности, появление других предопределяется их функциональными особенностями в процессе их применения, третьи актуализируются в связи с попытками определения их места в структуре криминалистической тактики. Вследствие неоправданного смещения межконцепционных связей весьма неожиданным образом возникают не всегда очевидные, трудноразрешимые противоречия.

Опираясь на анализ научно-криминалистической литературы, мы полагаем, что на сегодняшний день концептуально значимый профиль утверждаемых в исследованиях взаимосвязей задается акцентуацией внешней стороны познаваемых явлений. Доминирование внешнего обусловливает высокую степень формализации познаваемого, является показателем избыточной социологизации. Внешние связи в познаваемом не требуют особой аргументации, преимущественно они констатируются на уровне всегда существующей формальной взаимосвязи между отдельными понятиями, а возникающие при этом разноречия опять же разрешаются на основе формально-логических средств. *Констатация* является доминирующим способом устранения научно-познавательной неопределенности. Названный эффект возникает за счет высокой степени формализации, размывающей границы между «общим», «особенным» и «единичным» в познаваемом, отождествлением «целого» и «части». Получаемое выводное знание менее всего отражает внутренне необходимые взаимосвязи учения о личности обвиняемого и внутреннюю природу учения о тактическом приеме. Взаимосвязи криминалистического учения о личности обвиняемого и криминалистического учения о тактическом приеме приобретают формальный характер, что на практико-прикладном уровне находит отражение в разноречивости тактических рекомендаций.

Основание для поиска иных взаимосвязей между учениями исходно определяется, на наш взгляд, существующими представлениями о предмете науки криминалистики, криминалистическим учением о механизме преступления. Существующая особенность определения механизма преступления как научного понятия состоит в том, что в его структуре особо подчеркивается необходимость познания закономерностей в связях и отношениях, производных от представлений о личности обвиняемого¹. Характер взаимосвязей между криминалистическими учениями о личности обвиняемого и о тактическом приеме определяется природой личности обвиняемого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА-АВТОТЕХНИКА И ЕГО ОЦЕНКА

С.З. Идрисова

Заключение эксперта является доказательством, поскольку содержит сведения о подлежащих доказыванию фактах. Оценка заключения эксперта является наиболее ответственным этапом проведения экспертизы по уголовному делу. Именно здесь экспертиза выступает как средство доказывания в системе доказательств.

В целях качественного расследования дорожно-транспортных происшествий следователю необходимо в каждом конкретном случае осуществлять оценку поступивших к нему заключений экспертиз, исходя из принципов уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ), а также правил оценки доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

В криминалистической литературе рекомендуется несколько стадий оценки заключения экспертизы².

Первым этапом оценки заключения эксперта является оценка его научной обоснованности. После того как факт, являющийся предметом экспертизы, установлен, переходят ко второму этапу – оценке доказательственного значения экспертизы.

В зависимости от форм заключения эксперта выделяют требования к формулированию и оценке выводов заключения эксперта³.

---

¹ См., например: *Кустов А.М.* Типовая модель механизма преступления – основа частной криминалистической методики // *Вестник криминалистики.* 2004. № 1(9). С. 15–18.

² *Крестовников О.А.* Оценка и использование заключения эксперта. М., 2007.

³ *Колдин В.Я.* Судебная идентификация. М., 2002. С. 192.

В категорическом отрицательном разрешении вопроса о тождестве необходимо установление экспертом наряду с негативной частью позитивной информации об искомом объекте. Категорическое положительное разрешение вопроса о тождестве подлежит проверке по существу, с точки зрения его научной обоснованности, сопоставления с другими документами по делу. В предположительном положительном разрешении вопроса о тождестве анализируются структура заключения эксперта, обнаруженные в процессе исследования фактические данные, на которых основаны выводы эксперта. Определяя родовое, видовое или групповое тождество сравниваемых объектов, эксперт устанавливает определенный, отграниченный от других класс объектов, максимально узкую классификационную группу объектов. Заключение эксперта должно отвечать требованию определенности формулировки. При установлении источника происхождения сравниваемых отображений следует руководствоваться требованиями, предъявляемыми к формулированию и оценке выводов о родовом (групповом) тождестве.

Оценивая заключение автотехнической экспертизы, следователь должен помимо общих требований руководствоваться следующими положениями.

В случае предоставления противоречивых данных эксперт должен провести исследование и сформулировать выводы, исходя из предоставленных вариантов данных.

При формулировании выводов эксперта относительно фактических повреждений отдельных деталей транспортного средства в исследовании должны быть установлены причины, вызвавшие повреждение транспортного средства в результате дорожно-транспортного происшествия или постороннего воздействия; время возникновения повреждений; причинная связь между обнаруженной неисправностью и событием дорожно-транспортного происшествия; возможность предотвращения дорожно-транспортного происшествия при определенном техническом состоянии транспортного средства в момент происшествия и связанные с техническим состоянием транспортного средства обстоятельства, которые способствовали или могли способствовать возникновению дорожно-транспортного происшествия.

В заключение эксперт должен сформулировать выводы о возможности предотвращения дорожно-транспортного происшествия; причинной связи между действиями (бездействием) водителя по управлению транспортным средством и последствиями дорожно-транспортного происшествия.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ф.В. Исмагилов

Эффективность организации расследования преступных нарушений правил безопасного использования производственной и транспортной техники, опасных веществ, изделий и производственных отходов предполагает решение ряда задач, одной из которых является сбор сведений об элементах криминалистической характеристики преступлений.

Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений охватывает способы расследования очень широкой группы преступлений, расположенных в разных главах УК РФ.

Криминалистическая характеристика названной группы преступлений ярче всего проявляется в особенностях преступного поведения субъектов данных преступлений, механизме и обстановке их совершения, типологических чертах таких правонарушителей, а в ряде случаев и в типологических чертах потерпевших¹.

Объединение столь широкой группы преступлений в рамках единой методики расследования носит сугубо криминалистический характер. С точки зрения криминалистической характеристики названные преступления проявляют общие черты.

Среди основных элементов, раскрываемых в криминалистической характеристике преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, с учетом специфики их механизма следует выделить подсистемы типовых сведений:

1) сведения о способах совершения рассматриваемых преступлений, способах их сокрытия, а также приемах иного противодействия расследованию;

2) о личности субъектов, совершивших дорожно-транспортные преступления (ДТП), а также об особенностях их преступного поведения;

3) о личности потерпевших, особенностях их поведения до, во время и после совершенного ДТП;

4) о пространственно-временных и иных окружающих условиях (обстановке) совершения ДТП;

5) о причинах ДТП и их влиянии на механизм такого рода событий;

6) о механизме совершения ДТП.

---

¹ Яблоков Н.П. Криминалистика. М.: Норма, 2008. С. 380.

Профессор Н.П. Яблоков, рассматривая вопросы методики расследования неосторожных видов преступлений, отмечает, что своеобразие преступного поведения правонарушителей, прежде всего, зависит от характера данного субъекта, ибо он может быть специальным (должностное лицо) и общим (не должностным лицом). Такое разделение субъектов имеет исключительно важное значение при расследовании ДТП, а также при расследовании всех неосторожных видов преступлений. Разделение субъектов на специальные и общие ярче проявляется при расследовании ДТП, так как при установлении механизма преступного поведения должностных и не должностных лиц проявляется вся следовая картина дорожного события. Например, проверены ли были перед выпуском рейсового автобуса все узлы и агрегаты, обеспечивающие безопасность дорожного движения.

Как показывает анализ материалов уголовных дел по ст. 264 УК РФ, справедливо уделяется большое внимание изучению личности потерпевшего. Всестороннее раскрытие этого элемента криминалистической характеристики ДТП необходимо для оценки поведения самого потерпевшего до, в период и после возникшей аварийной ситуации. Насколько профессионально были выбраны действия водителя с момента возникшей опасной дорожной ситуации и до кульминационного момента.

Все перечисленные обстоятельства помогают собрать более полные сведения об элементах криминалистической характеристике ДТП и установить причинно-следственную связь между всеми элементами этого события.

ДЕРМАТОГЛИФИКА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Калянов, Е.С. Мазур

В настоящее время дерматоглифика нашла криминалистическое значение в идентификации неопознанных и расчлененных трупов, в экспертизах родства, в прогнозировании сомато-функциональных и психологических возможностей человека.

Для установления взаимосвязей ладонной дерматоглифики с описательными признаками внешности у лиц мужского пола с целью возможности построения соответствующих диагностических моделей проведен анализ результатов сопряженности.

Были исследованы отпечатки ладоней 2620 мужчин в возрасте от 22 до 50 лет европеоидной расы в совокупности с описательными признаками внешности. Характеристика проявления дерматоглифики ла-

дней основывается на способе, разработанном в 2005 г. с некоторыми дополнениями.

Взаимосвязь ладонной дерматоглифики с конституциональными и внешне-опознавательными признаками у мужчин

Признаки	Наблюдаемое значение критерия χ^2					
	Правая ладонь			Левая ладонь		
	П/пальцевая обл.	Гипотенар	Тенар	П/пальцевая обл.	Гипотенар	Тенар
Цвет кожи	29,8*	93,1*	45,2*	28,9*	26,9*	99,0*
Цвет глаз	77,2*	295,3*	58,4*	57,9*	235,0*	105,1*
Форма лица	64,9*	109,8*	36,2*	5,6	110,2*	40,4*
Форма бровей	24,7*	83,9*	9,9***	44,1*	128,4*	55,8*
Цвет волос	44,8*	89,7*	7,2	24,3*	98,7*	15,2***
Форма волос	19,6***	208,9*	84,2*	53,7*	141,7*	74,7*
Профиль лица	7,7	56,6*	14,1**	17,8*	64,4*	5,6
Наклон лба	12,4	159,1*	50,2*	34,3	135,4*	32,5*
Рост бровей	6,9	109,1*	3,1	15,1**	78,6*	1,4
Глазные щели:						
-ширина;	29,8*	220,7*	68,7*	44,1*	76,2*	11,5***
-наклон;	111,8*	216,9*	46,0*	25,6*	53,4*	163,5*
-выраженность верхнего века	19,9***	175,8*	21,4*	26,7*	172,3*	77,8*
Нос:						
-спинка;	14,3***	169,7*	36,6*	14,9***	144,5*	13,1***
-кончик;	22,9**	157,6*	204,5*	61,8*	112,5*	24,3*
-основание*	58,5*	159,6*	4,4	23,4*	317,4*	67,9*
Губы:						
-толщина;	27,7*	229,8*	41,7*	32,8*	106,6*	34,5*
-выступание	14,7***	106,4*	25,4*	51,8*	124,9*	46,7*
Подбородок:						
-ширина;	33,3*	106,2*	22,3*	53,2*	57,3*	193,5*
-выступание	37,3*	109,2*	40,9*	10,0***	109,8*	114,5*
Ушные раковины:						
-выступание;	59,3*	330,3*	29,2*	48,0*	105,3*	85,7*
-степень оттопыренности	13,7***	178,7*	15,4***	47,2*	213,4*	84,5*

Примечание: $P < 0,0001^*$, $P < 0,001^{**}$, $P < 0,05^{***}$

Для выявления значимых связей ладонной дерматоглифики с внешне-опознавательными признаками проводился анализ таблиц сопряженности с использованием статистики Пирсона (χ^2 -критерий). Связи считались статистически значимыми при уровне статистической значимости $p < 0,05$.

Установлена взаимосвязь ладонной дерматоглифики с внешне-опознавательными признаками с учетом полового диморфизма (таблица).

Ввиду объемности полученных результатов в указанных таблицах отражены результаты анализа только для случаев со значимыми связями внешне-опознавательных признаков по типам ладонных узоров.

Проведенный анализ позволил установить наличие связей, а также их выраженность в зависимости от типа рисунка и его расположения, выявляя в указанных подсистемах наиболее информативные показатели.

Топография связей на ладонях у мужчин обусловлена папиллярными узорами в виде ульнарных петель и с наличием двух дополнительных трирадиусов. Размещение установленных связей имеет следующий вид: подпальцевая область обеих рук, гипотенар правой и тенар левой ладоней.

Результаты анализа сопряженности показали существование значимых взаимосвязей между ладонной дерматоглификой и внешне-опознавательными признаками у мужчин. Выявленная взаимосвязь ладонной дерматоглифики с внешне-опознавательными признаками у мужчин может быть использована для обоснования создания диагностических моделей с целью идентификации личности.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ФАКТАМ АВАРИЙ НА УГОЛЬНЫХ ШАХТАХ

З.М. Катаев

В 1997–2007 гг. вследствие аварий, нарушений правил безопасности на угольных предприятиях Кузбасса смертельно травмирован 521 работник. Прокуратурами было возбуждено 186 уголовных дел, в том числе по ч. 1 ст. 143 Уголовного кодекса РФ – 7, по ч. 2 ст. 143 УК – 14, по ч. 1 ст. 216 УК – 46, по ч. 2 ст. 216 УК – 101, по ч. 3 ст. 216 УК – 5, по ч. 1 ст. 217 УК – 11, по ч. 2 ст. 217 УК – 2 дела.

Из 186 уголовных дел данной категории прекращено 146 уголовных дел (78%), направлено в суд – 39 дел (21%). Из 19 приостановленных уголовных дел в суд впоследствии были направлены только 2 дела. Данное положение вызывает серьезную озабоченность.

120 уголовных дел (82,8%) прекращены по реабилитирующим основаниям, в том числе 114 (78,6%) по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления). Среди нереабилитирующих оснований значительная часть приходится на ст. 25 УПК РФ (прекращение уголов-

ного дела в связи с примирением сторон) – 11 дел (7,6%) и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (вследствие акта об амнистии) – 10 дел (6,9%).

Для более успешного расследования уголовных дел по фактам аварий на угольных шахтах предлагается реализовать следующие мероприятия.

Во-первых, обеспечить обязательную специализацию следователей, для формирования достаточного уровня знаний которых, возможно введение курсов: технологического – «Основы горного производства» и криминалистического – «Особенности расследования аварий на горнодобывающих предприятиях». Данные дисциплины необходимо изучать со студентами, желающими впоследствии специализироваться именно в этой области.

Во-вторых, организовать дополнительное обучение и регулярное повышение квалификации действующих следователей с участием преподавателей технических и юридических дисциплин, научных работников, специалистов угольных компаний, Ростехнадзора, военизированных горноспасательных частей (далее – ВГСЧ) и др.

В-третьих, сформировать специальные следственно-оперативные группы, члены которых имели бы допуск к горноспасательным работам и могли совместно с подразделениями ВГСЧ спускаться к местам аварий. Использование подобных следственно-оперативных групп позволит обеспечить квалифицированное проведение осмотров мест происшествий в подземных условиях.

В-четвёртых, проводить на шахтах оперативную работу, направленную на выявление причин, условий, обстоятельств и лиц, нарушающих правила безопасности при производстве горных и взрывных работ, нормы охраны труда. Привлекать к сотрудничеству работников горнодобывающих предприятий, являющихся носителями оперативно значимых сведений.

В-пятых, обеспечить, как на постоянной основе, так и при расследовании конкретных уголовных дел, координацию деятельности оперативных подразделений федеральной службы безопасности, органов внутренних дел, ФСКН, таможни, осуществляющих оперативное обслуживание шахт.

В-шестых, переподчинить ВГСЧ Министерству по чрезвычайным ситуациям России с последующей передачей функций расследования уголовных дел по фактам аварий на объектах горнодобывающей отрасли специально созданному структурному подразделению.

В-седьмых, обеспечить взыскание материального ущерба, причинённого по вине должностных лиц, занимавшихся проектной, экспертной, технологической, надзорной деятельностью на шахтах.

В-восьмых, создать в крупных угольных бассейнах экспертные учреждения, в которых могли бы проводиться комплексные экспертизы, назначаемые в рамках расследования уголовных дел данной категории.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

А.С. Князьков

Элементы криминалистической характеристики преступлений, посягающих на существующий порядок оборота наркотических средств, представляют собой систему значимых признаков данного вида преступления, поиск и анализ которых способствуют получению информации о совершенном преступлении и совершившем его лице. С операционной точки зрения на сущность криминалистической характеристики преступления к элементам рассматриваемой группы преступлений надлежит относить те обстоятельства (признаки), которые получают взаимное отражение друг на друге в ходе подготовки, совершения и сокрытия указанных преступлений и в силу этого могут быть вычленены при производстве следственных действий.

Независимо от предпочтений того или иного автора в назывании элементов указанной криминалистической характеристики каждый из них отмечает такой элемент, как обстановка совершения наркотического преступления. Место данного элемента в структуре криминалистической характеристики рассматриваемого преступления определяется овеществленным характером отображения связей и отношений различных элементов друг с другом, в том числе с обстановкой совершения преступления. В то же время обстановка совершения преступления может получить идеальное отражение, имеющее важное значение для выяснения первоначально существующей «следовой картины», в том числе для производства таких следственных действий, как допрос, следственный эксперимент и проверка показаний на месте.

Элементами обстановки каждого преступления названной группы являются самые различные обстоятельства, в силу заметных отличий преступлений относящиеся к названной группе. Чаще всего среди них называют следующие: полуфабрикаты для переработки наркотических средств и сами переработанные наркотические средства; табачные изделия со следами пропитки гашишным маслом или с добавлением гашиша; отходы маковой соломки, конопляной соломы, продукты побочных

реакций синтеза наркотических средств; здания, сооружения, например гаражи, дачи, автофургоны, служащие помещением для подпольных лабораторий по производству наркотических средств, оборудование и сырье и другие.

Специфическим элементом обстановки совершения преступления являются недействительные рецепты на получение наркотических средств, к числу которых относятся рецепты, выданные частнопрактикующим врачом; рецепты, выписанные врачами другого города, чем то, в котором проживает получатель фармацевтического средства; рецепты, содержащие признаки подчистки, дописки, исправления, травления, поддельной подписи и печати; рецепты, в которых отсутствуют отдельные реквизиты, например выполнение текста на русском и ином, кроме латинского, языке; несколько рецептов на имя одного получателя, выданных разными врачами, и другие.

Наиболее важное место в обстановке совершения преступления занимает место совершения преступления (место преступления): его специфической особенностью является возникновение существенных материальных изменений по сравнению с первоначальным видом как результат совершения тех или иных действий преступника.

К особым следам незаконного оборота наркотических средств, связанного с их изготовлением и производством, относятся прекурсоры наркотических средств, а также реагенты и растворители.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ФАКТАМ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

А.А. Корчагин

Состояние борьбы с тяжкими преступлениями против личности продолжает оставаться неадекватным масштабам распространения криминального насилия. В последние годы отмечается рост количества уголовных дел, возбужденных по фактам безвестного исчезновения граждан. По данным ИЦ ГУВД Алтайского края, в 2005 г. было объявлено в розыск 2941 человек, в 2006 г. – 3347 человек, в 2007 г. – 3463 человек, а в 2008 г. – уже 3946 человек.

Успех борьбы с данным видом преступлений в целом зависит от эффективности и своевременности принимаемых следственных дейст-

вий и оперативно-розыскных мер¹. Сложившаяся практика реагирования органов внутренних дел на сигналы о безвестном исчезновении людей продолжает существенно отличаться от работы по раскрытию умышленных убийств. Уголовные дела по таким материалам возбуждаются несвоевременно. Внезапность и беспричинность исчезновения не рассматриваются как признаки преступления. Имеют место случаи, когда после регистрации заявлений о безвестном исчезновении проверка в порядке ст. 114 УПК РФ проводится сотрудниками ОВД, срок проведения которой продлевается до 10 суток руководством ОВД. После материалы поступают в прокуратуру, где проводится аналогичная проверка. Необходимо также учитывать и оказываемое со стороны преступников противодействие расследованию данных преступлений². Следователи при рассмотрении заявлений об исчезновении граждан не в полном объеме выполняют необходимый комплекс мероприятий, направленных на установление обстоятельств исчезновения и местонахождения пропавшего. При доследственных проверках следователи не всегда анализируют полученную информацию, имеют место случаи, когда прокурорские следователи самоустраиваются от проведения проверок, сбор материала осуществляется сотрудниками ОВД, а следователи на основании этих сведений принимают процессуальные решения. При неустановлении местонахождения разыскиваемого срок проверки в порядке ст. 144 УПК РФ продлевается до 10 суток. В большинстве случаев такое продление не обосновывается. В материалах дела отсутствует постановление о продлении срока проверки заявления об исчезновении, фиксируются факты игнорирования следователями указаний прокуроров о проведении конкретных мероприятий. В некоторых случаях проведение розыскных мероприятий по розыску начинается лишь после возбуждения уголовного дела. Целесообразно разработать методику расследования уголовных дел, возбужденных по фактам безвестного исчезновения применительно к отдельным категориям пропавших (мужчины, женщины, малолетние, подростки, пожилые). Следует уделить внимание созданию эффективной методики судебного следствия по делам о данной категории убийств. Как представляется, устранение имеющихся недостатков проведения предварительных проверок и расследования дел позволит повысить эффективность розыска пропавших и расследования убийств, связанных с исчезновением людей.

---

¹ Гавло В.К., Корчагин А.А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 64.

² Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 21.

О ПОНЯТИИ И РОЛИ ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ О ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

Д.И. Кривошеин

Накопленный наукой и практикой опыт убедительно свидетельствует о том, что существование человека вне отношений и связей невозможно. Материалистическое мировоззрение придало общественным отношениям значение решающего условия выживания человека в мире. Более того, общественные отношения воплощают сущность личности. Подобная расстановка акцентов потеснила активную роль сознания, значимость субъективного фактора в жизни человека. Как свидетельствует история развития человеческого общества, в процессе взаимодействия человека с естественной и социальной природой возникают многообразные *отношения и связи*, которые первоначально истолковывались преимущественно в социологическом духе¹, в том числе в системе метрических (количественных) показателей. Для человека пространство и время – это не только атрибуты материи (для примера достаточно привести такие понятия, как «Родина», «историческая память»). В субъективном, личностном восприятии пространство и время – это, прежде всего, *социально-личностная* среда существования. Ее содержание определяется и заполняется совокупностью не только общественных, но и личностно-смысловых отношений и связей. Личностно-смысловая, субъективная организация поведения, трансформирующаяся в индивидуально-личностную, сопровождающаяся целеустремленностью, избирательностью, пристрастностью, предпочтительностью, подкрепляемая волей, повторяясь в социальной природе человека миллионы раз, при-

---

¹ Как отмечается в исследованиях, «окружающая и воплощенная в человеке природа ... тесно взаимосвязаны. Но насколько меньше в философии, науке, общественном мнении уделяется внимания проблемам второго рода! Кроме, пожалуй, медицинского аспекта, они даже не всегда осознаются, а если решаются, то весьма часто в сугубо социологическом, техникстском духе. К природе человека многие продолжают относиться так же, как к внешней природе лет 30 назад, когда речь велась в основном об ее покорении и переработке. Более того, в философии, науке, общественном сознании существует сильная тенденция отрицания природы в человеке вообще, предлагается считать, что его единственная «природа» – общество (история). Эта ситуация проявляется в дискуссиях о соотношении понятий человека и личности, его сущности и существования, связи духовного и физического начал» (Кутырев В.А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие. М., 1988. С. 171).

обрела известную устойчивость. Личностный смысл отражает как индивидуальный, так и коллективный опыт¹.

В работах, посвященных исследованию роли смысла в жизни человека, отмечается: «Смысл – понятие не какой-то специальной науки, а понятие принципиально междисциплинарное, выражающее содержание социального опыта. Под смыслом понимается и идеальное содержание, идея, ценность чего-либо (смысл жизни, смысл поступка, смысл истории и т.п.); и целостное содержание, не сводимое к значению его частей, а, наоборот, само определяющее эти значения... Смысл толкуется и как объективное содержание явления, текста и т.д., независимое от субъекта, и как приписываемые субъектом характеристики»². Как устойчивое образование *лично-смысловые отношения и связи*, возникающие на стыке объективного и субъективного, социального и личного, есть субъективный способ самовыражения личности. Не претендуя на научную строгость, мы полагаем возможным определить *лично-смысловое пространство* как *совокупность индивидуально-личностных отношений и связей, устанавливаемых субъектом в единицу времени*. Интеграция личного смысла и лично-смыслового пространства в криминалистическое учение о личности обвиняемого создает предпосылку расширения некоторых параметров данного учения.

НАУЧНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

И.Т. Кривошеин

В традиции научно-познавательной деятельности всегда было устойчивым стремление к выработыванию особых ориентиров, задающих научно-познавательное отношение к окружающей действительности, организующих мыслительную деятельность, уверенно проводящих мысль сквозь хаос бесчисленных информационных потоков и фактов

---

¹ А.Н. Леонтьев, характеризуя соотношение индивидуального и коллективного, отмечал, что «общественно выработанные значения начинают жить в сознании индивидов как бы двойной жизнью. Рождается еще одно внутреннее отношение, еще одно движение значений в системе индивидуального сознания... Вот это-то обстоятельство и ставит психологию перед необходимостью различать познаваемое объективное значение и его значение для субъекта. Чтобы избежать удвоения терминов, я предпочитаю говорить в последнем случае о *личностном смысле*» (Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. С. 145).

² Тульчинский Г.Л. Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005. С. 9.

действительности. Речь идет о научно-мировоззренческих принципах. Возможность постижения существа релевантных криминалистике научно-мировоззренческих принципов содержится в уяснении истоков формирования связи зарождающейся науки с той потенциальной реальностью, в которой ей предстояло развернуться и совершенствоваться. Интеллектуальная мысль была озабочена установлением надежных точек слияния криминалистики не только с судебно-следственной практикой, но и с самой жизнью (Г. Гросс, А. Вейнгарт, С.Н. Трегубов). Поиск связи криминалистики с реальностью приводил к мысли о необходимости сочетания общественного и научного мировоззрения, к утверждению в криминалистике двух мировоззренческих начал – разумного и рассудочного. Придание этим началам общезначимого научно-познавательного характера по существу означало утверждение в научном познании *принципа универсального мировоззренческого долженствования*. В целях успешного расследования преступлений данный принцип открывал возможность привлечения знаний с различным статусом и содержанием – от естественных, технических и гуманитарных, до здравого смысла, задеиствования научного и обыденно-житейского опыта. В границах принципа универсального мировоззренческого долженствования формировался и укреплялся *объективно-материалистический подход*, привоивший расследование к достижению объективной истины.

Переход «буржуазной» криминалистики в 1917 г. в иное социальное пространство сопровождался тотальным изменением мировоззрения. Материалистическое мировоззрение, диалектико-материалистическая концепция миропонимания были утверждены властью как единственно научные. Все, что не вписывалось в материалистическое миропонимание, заранее расценивалось как ненаучное. В криминалистике безраздельно утверждался принцип *диалектико-материалистического долженствования*. При встраивании диалектико-материалистической концепции в систему научно-криминалистического знания криминалисты столкнулись с немалыми трудностями. Встраивание всякой новой системы в сложившуюся систему – это не просто техническая операция. Криминалистика же к этому времени не имела научно-познавательного опыта в такого рода масштабных изменениях. По сути криминалисты просто не знали, что им делать с философией диалектического материализма. В итоге в криминалистике начались процессы, в последствии расцениваемые самими криминалистами как вульгаризация диалектического материализма (С.П. Митричев). Но это лишь один из итогов, и далеко не самый драматичный. Утверждаемые диалектическим материализмом первичность бытия и вторичность сознания служили исходным мировоззренческим началом *избирательного* научно-познаватель-

ного отношения к действительности. В результате ранее утверждавшиеся в криминалистике ценности и приоритеты, выработанное знание были подвергнуты издевательски-мстительному осмеянию; прервалась связь времен, разрушилась историческая память, научная преемственность. В криминалистике безраздельно утвердилась *избирательность*, что по сути означало утверждение гипертрофированного принципа *объективистско-материалистического долженствования*. Криминалистика оказалась вытесненной из бытия. Осмысление и преодоление мировоззренческого стереотипа – «бытие определяет сознание», прежней системы ценностей и приоритетов, устоявшейся научно-мировоззренческой традиционности есть заглавный вектор развития криминалистики.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Т.К. Кужугет

Понятие криминалистической характеристики расследования преступлений в криминалистическую теорию вошло как направление познания для решения криминалистических задач¹ и стало одним из основных структурных компонентов методики расследования, наряду с криминалистической характеристикой преступления.

Если криминалистическая характеристика преступления имеет ретроспективную направленность, находится в системе «преступление», отражая закономерности его подготовки, совершения, сокрытия и посткриминального поведения, то криминалистическая характеристика расследования преступления имеет текущую направленность, отталкиваясь именно от криминалистической характеристики преступлений. О составе её структуры имеются разные мнения.

С учетом всего этого, на наш взгляд, криминалистическую характеристику расследования преступлений, в том числе налоговых, удобно представить в виде трех блоков: а) оценка информации, предопределяющая содержание следственных ситуаций; б) анализ информации, предопределяющий содержание следственных версий; в) использование информации, предопределяющее содержание следственных действий (рис. 1). Такая структура впервые предложена нами.

---

¹ Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул, 2006. С. 138–147.

Рис. 1. Криминалистическая характеристика расследования преступлений

В данной схеме криминалистическая характеристика расследования преступлений нами показана как направление познания, сущность которого заключается в оценке, анализе и использовании информации, предопределяющих следственные ситуации, версии и действия. В структуре её центральное место занимает понятие «информация».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Н.Ю. Лебедев

Безусловно, осмотр места происшествия является важным следственным действием. Однако необходимо отметить, что в ходе проведенного анализа судебной практики выявлены некоторые проблемы, связанные с применением норм УПК РФ, регламентирующих проведение осмотра места происшествия:

1. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 177 УПК РФ осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра жилища. До возбуждения уголовного дела, согласно ч. 2 ст. 176 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, мо-

жет быть проведен лишь осмотр места происшествия. Непонятно, относится ли к осмотру места происшествия требование ч. 4 ст. 177 УПК РФ, когда местом происшествия является жилище. Кроме того, согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть проведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. Осмотр места происшествия является неотложным следственным действием. Таким образом, осмотр жилища, когда оно является местом происшествия всегда является случаем не терпящим отлагательства, и тогда, когда следователь производит осмотр места происшествия (а он, согласно ч. 2 ст. 176 УПК РФ, производится в случаях, не терпящих отлагательства) до возбуждения уголовного дела, он вправе осмотреть жилище, которое является местом происшествия, без получения судебного решения и согласия проживающих в нем лиц.

В связи с изложенным предлагаем внести в ч. 5 ст. 177 УПК РФ положение о том, что требования данной нормы не распространяются на осмотр места происшествия, когда местом происшествия является жилище.

2. Согласно ч. 3 ст. 170 УПК РФ в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей осмотр места происшествия может проводиться без участия понятых. Это положение, на наш взгляд является спорным. С одной стороны, хорошо, что следователю дана возможность провести осмотр места происшествия самостоятельно, так как у него не всегда есть возможность обеспечить участие понятых в осмотре места происшествия. С другой стороны, могут возникнуть злоупотребления со стороны следователей. Ведь законодательство не дает нам определений «труднодоступная местность», «надлежащие средства сообщения», нет и однозначного понимания того, когда производство следственного действия будет связано с опасностью для жизни и здоровья. Кроме того, непонятно, почему законодателем установлена возможность проведения осмотра места происшествия без участия понятых, но не указано на возможность в тех же случаях проводить осмотр трупа на месте его обнаружения без участия судебно-медицинского эксперта (врача), хотя бы в случаях, когда производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

В целях устранения указанных недостатков считаем необходимым внести в ст. 5 УПК РФ разъяснения понятий «труднодоступная местность», «надлежащие средства сообщения», «опасность производства следственного действия для жизни и здоровья людей».

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ О НАЛИЧИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДА В ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

О.А. Мальцев

В криминалистике как одной из юридических наук заложена тактико-правовая основа фиксации следов, связанных с преступным событием. Следует отметить, что если в процессуальной литературе чаще говорят о «закреплении доказательств», об их «процессуальном оформлении», то в литературе криминалистической чаще всего акцентируется внимание на фиксации следов.

В зависимости от того, признает ли субъект криминальной деятельности себя виновным или нет, а если признает, то как – полностью или частично, его показания соответственно классифицируются по информационному содержанию психологического следа, т.е. признание или отрицание вины полностью либо частично. То есть психологический след может быть истинным, ложным, а также ошибочным.

Истинным является такой психологический след, в котором сообщаемые субъектом криминальной деятельности сведения соответствуют действительности, т.е. тем обстоятельствам, при которых произошло криминальное событие. Напротив, ложным психологическим следом будут считаться показания, в которых сообщаемые субъектом криминальной деятельности сведения полностью или частично не соответствуют действительности и укажут на отсутствие в его памяти психологического следа. Ложным следует признавать психологический след, когда субъект криминальной деятельности умышленно признает себя виновным и рассказывает о преступлении, которого не совершал.

В практике подобные случаи именуют самооговором. Помимо добросовестного заблуждения мотивом дачи таких ложных показаний может быть желание выгородить близкого человека, чувство ложного товарищества и т.д. Но самооговор может быть и следствием добросовестного заблуждения, когда обвиняемый ошибочно в силу тех или иных обстоятельств (например, провала в памяти вследствие алкогольного или наркотического опьянения) считает, что именно он совершил противоправные действия. Это – ошибочные показания, которые допрашиваемое лицо считает правдивыми. Показания, в которых субъект криминальной деятельности сообщает заведомо ложные сведения об участии в совершении преступления других лиц, именуются оговором. Эти показания также являются ложными и могут быть даны с целью избежать ответственности за свои действия либо с целью мести и др.

Оценка психологического следа субъекта криминальной деятельности производится исходя из общих принципов, т.е. с точки зрения его относимости, допустимости, доброкачественности. С этой целью психологический след должен тщательно проверяться и исследоваться. При этом следует учитывать особое процессуальное положение субъекта криминальной деятельности, его заинтересованность в исходе дела, то, что он не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Проверка показаний субъекта криминальной деятельности должна производиться независимо от того, признает он себя виновным или нет, являются ли его признания полными либо частичными, правдивыми либо ложными. Перечисленные обстоятельства, безусловно, следует учитывать, но только с тем, чтобы верно очертить границы соответствия психологического следа с криминальным событием. Если информация о наличии психологического следа в субъекте криминальной деятельности об интересующих следователя обстоятельствах дела подтверждается другими доказательствами, то границы их соответствия могут быть очерчены минимумом вспомогательных (материальных и не материальных) следов.

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Д.А. Мезинов

С введением в действие с 01.07.2002 г. нового УПК РФ процессуальные нормы, регламентирующие производство по уголовному делу на стадии судебного разбирательства, особенно на таком ее важном этапе, как судебное следствие, серьезно изменились. Именно в правовом регулировании судебного следствия нашло явное выражение такое главное и существенное отличие процессуального порядка судебного разбирательства по современному УПК РФ от порядка судебного разбирательства, предусматривавшегося в ранее действовавшем УПК РСФСР, как последовательная реализация в нем начала состязательности. При этом в известной мере изменилась роль и усилилась значимость судебного следствия среди этапов судебного разбирательства, в свою очередь укрепившегося в качестве основной и ключевой стадии уголовного процесса.

Криминалистическая тактика в наиболее общих чертах представляет собой систему теоретических положений и разработанных на их основе

тактических приемов и рекомендаций по осуществлению урегулированной уголовно-процессуальным законом деятельности и предназначенных для эффективной реализации этого закона. Поэтому произошедшие существенные изменения уголовно-процессуального закона требуют внесения серьезных корректив в криминалистическую тактику в целом и в криминалистическую тактику судебного следствия в частности.

Полагаю, произошедшие изменения уголовно-процессуального закона требуют проведения научных исследований в области криминалистической тактики судебного следствия по следующим направлениям. Во-первых, по выявлению имеющих тактико-криминалистическое значение отличий современного состязательного порядка судебного следствия от розыскного, каковым, по сути, являлся порядок судебного следствия до вступления в силу нового УПК РФ. Для этого понадобится осмысление сущности состязательности, а также иных изменившихся условий судебного разбирательства, последовательно реализуемых в правовом регулировании судебного следствия по современному УПК РФ. Во-вторых, по совершенствованию ранее разработанных и разработке новых теоретических положений криминалистической тактики судебного следствия и основанных на них тактических рекомендаций и приемов деятельности суда и сторон в условиях последовательной реализации начала состязательности.

Основным результатом исследований в первом из названных направлений должно стать формулирование определяемого действием начала состязательности комплекса процессуальных и тактических задач деятельности в судебном следствии как суда, так и сторон обвинения и защиты, прежде всего, их профессиональных участников: прокурора – государственного обвинителя и адвоката-защитника. По результатам исследований во втором из названных направлений, очевидно, по новому, в соответствии с изменениями процессуального законодательства (выразившимися, прежде всего, во внедрении начала состязательности в судебное следствие), необходимо определить понятие, структуру, элементы содержания криминалистической тактики судебного следствия, а также основные направления разработки и совершенствования тактических рекомендаций и приемов деятельности суда и сторон на данном этапе уголовного процесса. В итоге исследований в данном направлении должны быть разработаны предложения по совершенствованию тактических рекомендаций и приемов деятельности в судебном следствии как суда, так и профессиональных участников сторон обвинения (прокурора – государственного обвинителя) и защиты (адвоката-защитника).

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ ВОДИТЕЛЯ, СОВЕРШИВШЕГО ДТП

Д.П. Песенкова

Как известно, качественное проведение допроса невозможно без четкого представления о круге обстоятельств, которые должны быть выявлены у очевидцев ДТП. В криминалистической литературе это относится к сбору подлежащих установлению исходных данных. Как показывает практика, объем такой информации может быть различен, так же как и уровень осведомленности лиц, владеющих данной информацией. В этой связи, как представляется, при проведении допроса в целях установления причинной связи следователю необходимо воспользоваться тем объемом информации, который характеризует, прежде всего, причинную связь с технической стороны события. Это, по нашему мнению, дает возможность детализировать объем полученной для дальнейшего исследования информации относительно всех элементов криминалистической характеристики в ходе проведения допроса.

Из работ, посвященных допросу по делам о ДТП, ясно, что зачастую авторы связывают особенности проведения допроса, прежде всего, с личностью очевидцев и их особенностями восприятия события, что верно. Но в этом случае следователь опускает техническую сторону полученной информации, поскольку трудно ее оценивать, ссылаясь на то, что определяющими факторами для формирования показаний являются психофизиологические особенности лица, условия наблюдения и т.д. При проведении допроса нужно выяснить отмеченные факторы и дать правильную оценку достоверности свидетельских показаний. Однако, по нашему мнению, нельзя преуменьшать значения технических вопросов для проведения допроса очевидцев.

Как представляется, более значимым для установления причинной связи будет выяснение не просто особенностей формирования и получения информации от очевидцев, а ее содержательной стороны и степени отражения и проявления информации в отдельном элементе криминалистической характеристики преступления, что подразумевает системный подход к исследованию.

Практика показывает, что наиболее проблемными при допросе являются вопросы, характеризующие элементы обстановки и механизма ДТП. Вместе с тем отметим, что сбор сведений об обстановке совершения ДТП фиксируется в протоколе осмотра места происшествия в 47,8% случаев из общего числа изученных нами уголовных дел по ст. 264 УК РФ. Более 50% случаев о названном элементе криминалистической ха-

рактики ДТП (КХ ДТП) фиксируется в приложениях к протоколу осмотра места происшествия (схемы ДТП, фототаблицы и др.). Поскольку протокол осмотра места происшествия раскрывает лишь один из важных элементов КХ ДТП – обстановку совершения преступления, то механизм совершения ДТП опирается на установление причинно-следственной связи проводимых при производстве допроса всех процессуальных фигур.

Исследования практики показывают, что сложнее выяснить механизм ДТП, включающий суждения о скорости движения участников, о пространственно-временных параметрах, установление которых происходит именно при допросе. Как представляется, каждое из этих суждений, изначально обусловленных полнотой информации исходных данных, для каждого из исследуемых обстоятельств достаточно субъективно. Пространственно-временные параметры занимают особое место в механизме ДТП и характеризуют фазы развития события. В то же время при установлении причинной связи следователь выясняет временную последовательность проявления элементов и момент взаимодействия их в пространстве. Например, на практике необходимость данного исследования вытекает в 100% случаев из заключений автотехнической и судебно-медицинской экспертиз. Но практика показывает, что следователи довольно редко обращаются к установлению данного компонента механизма ДТП (2,7%) при допросе.

Важным является и исследование самого момента кульминации аварийной обстановки как начальной стадии пространственно-временных связей. Отправными служат первоначальные материалы осмотра, экспертизы. Однако на практике следователи пренебрегают выяснением подобных обстоятельств, и в данной ситуации теряет причинную связь цепь элементов «дорожная обстановка – механизм ДТП» при проведении допроса.

Таким образом, говоря о допросе по расследованию ДТП в целях установления причинной связи, нельзя не повторить, что одна из особенностей кроется в полноте и грамотности формирования первоначальной информации.

О ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПО ПОЧЕРКУ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.А. Попова

Практически все взгляды на природу почерка представлены с физиологической точки зрения. Меж тем, в силу односторонности, это не позволяет ответить на вопросы, волнующие современных ученых-

222

почерковедов. В первую очередь это касается решения так называемых собственно-диагностических задач, наименее разработанных на данный момент. Необходимость привлечения психологических знаний утверждалась учеными¹ еще во второй половине XX в., соглашаясь с этим, считаем нужным не только продолжить, но и углубить исследования в данном направлении.

Личностные особенности в полной мере проявляются на психологическом уровне. Это становится ясным уже при обращении к значению понятия «личность», под которым мы подразумеваем совокупность характеристик, имеющих генетическую и биологическую предрасположенность, а также обусловленных социальным опытом, обстоятельствами окружающей среды². Деятельность является специфической человеческой формой активного отношения к миру³. Причем это как внутренняя (психическая), так и внешняя (физическая) активность. Также деятельность является результатом реализации психических и социальных свойств человека⁴. Исходя из этого своеобразие деятельности зависит от проявлений психических процессов, которые формируют индивидуальность и специфичность.

Чем сложнее по организации движение, тем шире и прочнее функциональная связь с личностными показателями. Письмо является одним из самых сложных двигательных навыков, поэтому можно говорить о корреляциях между признаками почерка и свойствами личности⁵.

Человек реализуется и воспринимается через деятельность. Поэтому исследование результатов, продуктов деятельности позволяет выделить индивидуальные свойства личности. Почерк – это один из продуктов письменно-речевой деятельности. Так как письменно-двигательный навык обладает относительной устойчивостью, то информация не характеризуется только одномоментностью (момент выполнения рукописи), а

---

¹ См., например: *Гурьянов Е.В., Щербак М.К.* Психология и методика обучения письму в букварный период. М., 1952; *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975; *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.

² *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теория личности. 3-е изд. СПб., 2005. С. 24.

³ *Мильман В.Э.* Побудительные тенденции в структуре деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 5.

⁴ *Зинин А.М.* О системе признаков человека при криминалистическом установлении личности // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: Сборник научных трудов. М., 1997. С. 34.

⁵ Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов: 2-е изд., перераб. и доп. / Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М., 2007. С. 262.

позволяет судить о более постоянных свойствах¹. Что придает ей особую ценность.

Психические свойства личности не относятся к предметам материального мира, но находят отображение в навыках. Динамическая структура проявления навыков позволяет последним быть фиксированными отображениями. В этом случае их материальная основа скрыта и недоступна непосредственному восприятию², вследствие чего необходимо знать законы отражения особенностей личности в почерке, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии определенных особенностей у человека и их проявлении в почерке.

Рассмотрев психологическую составляющую почерка, можно прийти к новому знанию. Полученные данные интересно сравнить с физиологическими законами развития и функционирования почерка. Именно такой сравнительный анализ позволит выявить возможные разночтения или, наоборот, подтвердит ранее полученные выводы.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА, ОКАЗЫВАЮЩЕГО ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ СВИДЕТЕЛЮ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Романова

Несмотря на то, что участие адвоката в уголовном судопроизводстве для оказания юридической помощи свидетелю не является новым, данный вопрос остается по-прежнему актуальным в связи с законодательной неурегулированностью многих аспектов деятельности адвоката в этой области и определенным консерватизмом практических работников. Так, не решен вопрос о возможности участия адвоката в других следственных действиях, помимо допроса, проводимых со свидетелем, нет единства в определении тактики поведения адвоката в различных следственных ситуациях, не установлен порядок допуска адвоката в уголовное дело.

В ст. 56 УПК РФ предусмотрено право свидетеля являться на допрос с адвокатом. При этом не говорится о возможности участия адвоката в иных следственных действиях. На практике же с участием свиде-

---

¹ Сидельникова Л.В. Принципы разработки перечней признаков почерка в целях создания методик определения свойств личности по почерку // Теория и методика судебно-почерковедческого и технического исследования документов: Сборник научных трудов. М., 1988. С. 149–150.

² Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968. С. 23, 31.

теля проводятся не только различные следственные, но и процессуальные действия.

Исследование выявило определенный консерватизм следователей и оперативных работников, препятствующих активному участию адвокатов, оказывающих юридическую помощь свидетелю в участии в следственных действиях. Практика автора показала, что в 70% случаев работники правоохранительных органов требовали от адвоката предъявления соглашения об оказании юридической помощи свидетелю, не позволяли пообщаться с доверителем до его допроса в качестве свидетеля или сводили это время до минимума.

Практика допроса в качестве свидетеля лиц, фактически подозреваемых в совершении преступления, является, к сожалению, уже вполне традиционной (по 40% изученных уголовных дел). Естественно, что их допрос осуществляется, как правило, без участия адвоката. Нередкими являются и те случаи, когда следователи допрашивают свидетелей в присутствии оперативных сотрудников, других следователей, что, как правило, происходит в ситуациях, когда есть основания полагать, что свидетель причастен к совершению преступления. Присутствующие часто вмешиваются в допрос с целью оказать на свидетеля психическое, а порой и физическое воздействие, что, естественно, является недопустимым.

Участие адвоката в следственных действиях, производимых со свидетелем, позволит не только оказать последнему квалифицированную юридическую помощь, но и обеспечить его безопасность. Это особенно актуально в конфликтных ситуациях и когда процессуальные действия производятся с лицом, фактически подозреваемым в совершении преступления (например, осмотр, обыск и т.д.).

Участие адвоката в различных следственных действиях, производимых с участием свидетеля, является гарантией соблюдения прав последнего и зачастую сохранения его процессуального положения именно в качестве свидетеля.

В связи с этим представляется не совсем обоснованной точка зрения некоторых авторов, которые полагают, что если есть доказательства причастности лица к совершению преступления, то адвокат должен добиться изменения следователем, дознавателем процессуального статуса свидетеля на статус подозреваемого¹. Полагаем, что адвокат в любом случае не должен действовать в ущерб интересам своего доверителя и требовать ухудшения его процессуального положения, даже если есть основания полагать, что свидетель причастен к совершению преступления.

---

¹ *Брежнева М.Ю.* Участие адвоката в уголовном судопроизводстве для оказания юридической помощи свидетелю: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 19–20.

В целях обеспечения прав свидетеля последнему на законодательном уровне должна быть предоставлена возможность являться с адвокатом не только на допрос, но и для участия в любом следственном или процессуальном действии.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ, ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ф.К. Свободный

Как известно, судебные экспертизы принято делить на девять классов, роды, виды и подвиды, среди которых выделяется класс «судебно-медицинские и психофизиологические экспертизы», объединяющий три рода: судебно-медицинскую, судебно-психиатрическую и судебно-психологическую экспертизы¹.

Опираясь на работы А.Р. Лурии², Е.Н. Соколова, М. Клейнера³, Ю.И. Азарова, Ю.И. Холодного⁴, Я.В. Комиссаровой⁵, автор настоящей работы предлагает следующее определение судебной психофизиологической экспертизы (далее – СПФЭ):

СПФЭ – это назначаемое с соблюдением закона процессуальное действие, состоящее в специально организованном исследовании связи между психологическими раздражителями (стимулами), несущими информацию о расследуемом событии и физиологическими реакциями живого лица, регистрируемыми при помощи полиграфа.

Объект исследования в философской, гносеологической интерпретации определяется как то, «на что направлена познавательная или иная деятельность субъекта»⁶. В юридической науке неоднозначно решается проблема относимости к объектам экспертизы помимо материальных предметов еще и идеальных объектов – данных о событии и характери-

---

¹ Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. С. 7–17.

² Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта. Психология эмоций. Тексты. М.: Изд. МГУ, 1984.

³ Холодный Ю.И. Краткая история становления психофизиологического аппаратурного метода детекции лжи. М.: Мир безопасности, 2000.

⁴ Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. М.: Мир безопасности, 2000; *Он же*. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 2 (14).

⁵ Комиссарова Я.В. Проблема становления психофизиологической экспертизы: Материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 89.

⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 453.

зующих его фактах. Ряд авторов, тем не менее, не останавливается на ограничении объекта как имеющего только материальную природу.

Опираясь на работы Р.С. Белкина, М.М. Коченова, В.Д. Арсеньева¹, Ф.С. Сафуанова, Т.Н. Секераж², Ю.И. Холодного, автор полагает наиболее оптимальным считать объектом судебной психофизиологической экспертизы психофизиологическую деятельность субъекта правовых отношений (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля, истца, ответчика), отражающую ситуации, имеющие юридическое значение в рамках расследуемого события. К таким ситуациям относятся составы наказуемых деяний (в рамках уголовного и административного кодекса), а также юридические действия, спор о которых решается в порядке гражданского судопроизводства.

«Предмет судебной экспертизы – фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных знаний и исследования материалов уголовного либо гражданского дела. Предмет судебной экспертизы предопределяется объектом экспертного исследования и вопросами следователя (суда)»³.

Автор считает, что предмет судебной психофизиологической экспертизы определяется как имеющая юридическое значение взаимосвязь физиологических реакций живого лица (опрашиваемого) с психологическими раздражителями (стимулами), несущими информацию о расследуемом событии.

Предложенные автором настоящей статьи определения имеют пилотный характер и могут служить основанием для дальнейшей дискуссии по проблемам судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ст. 124 УК РФ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ СТРАН СНГ)

В.Б. Стукалин

Анализ диспозиций статей уголовных кодексов стран, входящих в состав Содружества Независимых Государств, позволяет говорить о наличии достаточно большого количества общих признаков, характе-

---

¹ *Арсеньев В.Д.* Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Проблемы теории судебной экспертизы: Сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М., 1980. № 4. С. 31.

² *Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

³ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М.: Юрист, 1999. С. 335.

ризующих такой состав преступления, как неоказание помощи больному, предусмотренный ст. 124 УК РФ, что позволяет определить конкретные элементы, которыми может быть дополнен состав указанного преступления.

По конструкции объективной стороны большинство составов материальные, то есть законодатель включил в объективную сторону не только понятие деяния, причинной связи, но и обязательное наличие общественно опасных последствий. Исключение составляют составы, предусмотренные ч. 1 ст. 161 УК Республики Беларусь, ст. 129 УК Грузии, ч. 1 ст. 115 УК Республики Молдова, где законодатель не включил в объективную сторону, в качестве обязательных её признаков, наличие общественно опасных последствий, тем самым определив состав указанного преступления как формальный.

Объективная сторона включает три обязательных признака, рассмотрение которых позволит описать некоторые элементы криминалистической характеристики.

Во-первых, объективная сторона преступлений, неоказание помощи больному (т.е. внешняя форма проявления преступного действия), характеризуется бездействием – неоказанием без уважительной причины помощи больному. С данным признаком связан такой элемент криминалистической характеристики, как способ.

Во-вторых, объективная сторона преступлений включает в себя обязательное наступление вредного результата неоказания медицинской услуги – определенного вида и степени тяжести причиненного вреда: от среднего (ст. 124 УК РФ, ч. 1 ст. 118 УК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 128 УК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 121 УК Туркменистана, ч. 1, 2 ст. 116 УК Республики Узбекистан) до тяжкого (ч. 2 ст. 124 УК РФ, ч. 2 ст. 142 УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 118 УК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 115 УК Республики Молдова, ч. 2 ст. 128 УК Республики Таджикистан, ч. 2 ст. 121 УК Туркменистана, ст. 116 УК Республики Узбекистан) либо наступления смерти (ч. 2 ст. 124 УК РФ, 142.3 ст. 142 УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 161 УК Республики Беларусь, ч. 2 ст. 118 УК Республики Казахстан, УК Кыргызской Республики, ч. 2 ст. 115 УК Республики Молдова, ч. 2 ст. 128 УК Республики Таджикистан, ч. 2 ст. 121 УК Туркменистана, ст. 116 УК Республики Узбекистан, ч. 2 ст. 139 УК Украины).

На наш взгляд, целесообразно в целях усиления ответственности медицинских работников сконструировать состав, предусмотренный ст. 124 УК РФ, как формальный.

Общественно опасные последствия в большинстве составов выражаются в причинении вреда средней тяжести и тяжкого вреда здоровью

(в некоторых составах, а именно, ч. 1 ст. 161 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 116 УК Республики Узбекистан, в причинении тяжкого телесного повреждения) либо повлекшие смерть. Деяние, повлекшее причинение вреда здоровью легкой тяжести, не учитываются.

Анализ данного уголовно-правового признака позволяет определить содержание такого элемента криминалистической характеристики, как последствия совершения преступления.

В-третьих, необходимо наличие прямой причинной связи между деянием в форме бездействия медицинского работника и наступившими неблагоприятными для пациента последствиями. Данная причина является наиболее сложно доказуемым элементом как уголовно-правовой, так и криминалистической характеристики.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ – СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

А.Н. Хоменко

Для повышения эффективности и достижения цели занятий необходимо в должной мере обеспечить соблюдение одного из дидактических принципов обеспечения их наглядности.

К данным средствам, проблемам по их применению необходимо подходить с полным пониманием: методически правильное применение позволит дать студентам необходимые научные знания в области криминалистики, а также привить им комплекс навыков для практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Указанный выше принцип, применительно к содержанию учебного курса, является внутренне присущим данной дисциплине. Связано это с тем, что в системе криминалистики огромное место занимает криминалистическая техника, которая изучает соответствующие методы и технические средства. Кроме того, такая форма занятий, как лабораторное, практическое занятие, предполагает использование значительного числа наглядных пособий.

Использовать наглядные пособия, те или иные справочные материалы, а также применяемые технические средства необходимо, исходя из преподаваемого материала, его сложности для понимания студентами. Приступая к подготовке изучаемой темы занятия, необходимо учитывать, каков объем учебного материала и как его нужно проиллюстрировать:

1) использовать учебную доску для изображения простого в графическом исполнении материала; кодоскоп, к которому по теме предварительно готовятся слайды – либо рисованные от руки, либо изготовленные фотографированием или ксерокопированием;

2) на семинарских, практических, лабораторных занятиях использовать материалы на планшетах, развешанных в классе; подготовленные по темам различные компактные справочные материалы, а также различные модели механизмов: ударно-спускового механизма пистолета-пулемета, механизма сувальдных навесных и врезных замков и т.д.;

3) при использовании видеofilьмов заострять внимание студентов на показе тактически правильного проведения того или иного следственного действия, на возможных выявленных ошибках, применении и взаимодействии изучаемых по теме криминалистических средств;

4) необходимо задействовать в процессе обучения мультимедийный проектор в совокупности с электронно-вычислительной техникой. Они позволят расширить возможности усвоения изучаемой темы. Для определения глубины понимания тем учебных занятий по каждой из них подготавливаются тесты. Данные тесты студенты изучают и отвечают на них с помощью компьютера, который в дальнейшем проводит их оценку;

5) при проведении практических занятий по вопросам криминалистической тактики необходимо использовать фотоаппаратуру и видеокамеры. Они позволят в дальнейшем совместно изучить отснятый материал по следственному действию и по нему установить, что при проведении этого следственного действия проведено было неправильно и как можно его провести значительно лучше.

Все вышеперечисленное необходимо учитывать с существующими методиками использования наглядных материалов, с решением вопроса о их применении в том или ином виде занятия для наиболее эффективного их достижения.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О СОВЕРШЕНИИ ГРАБЕЖЕЙ, РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Л.С. Шеховцова

Анализ материалов архивных уголовных дел о совершении грабежей и разбойных нападений в сельской местности свидетельствует о том, что в 68% случаев данные преступления раскрываются по «горя-

чим следам»¹. В таких условиях этап предварительной проверки сообщения о совершении этих общественно опасных деяний представляет особый интерес.

Специфика предварительной проверки уголовных дел данной категории определяется объективными обстоятельствами совершенного преступления в сельской местности. Удаленность места совершения преступления от районного центра, бездорожье, плохая обеспеченность транспортными и топливными ресурсами многих сельских отделов внутренних дел, проблемы со связью в поселениях выступают негативными обстоятельствами для быстрого реагирования сотрудников следственных и оперативных подразделений на поступившие сообщения. С другой стороны, локальность поселений, незначительная численность их жителей выступают в качестве способствующих проверке обстоятельств, позволяя облегчить поиск похитителя, очевидцев, установить место сокрытия похищенного имущества и т.п.

Особенность этапа предварительной проверки сообщения о совершении таких преступлений состоит в его тесной связи с первоначальным этапом расследования. С внесением поправок в УПК РФ² следователь, орган дознания вправе самостоятельно возбуждать уголовное дело, эта мера позволила значительно ускорить процесс реагирования на факт совершения грабежа, разбойного нападения. Постановление о возбуждении уголовного дела зачастую выносится следователем уже на месте происшествия.

Сообщение о совершенном преступлении в 88% случаев поступает от пострадавшего и имеет форму заявления или протокола принятия сотрудниками милиции устного заявления о преступлении. В 36% случаев из всех изученных уголовных дел данной категории предварительная проверка производится участковыми уполномоченными милиции, поскольку большую часть своего рабочего времени они проводят в непосредственной близости от предполагаемого места преступления и имеют реальную возможность прибыть туда в максимально короткий срок. Дежурная следственно-оперативная группа не всегда может обеспечить оперативность таких действий, срок ее прибытия на место происшествия составляет в среднем от 1 до 3 часов с момента поступления в дежурную часть сообщения о преступлении.

Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие выступает неотъемлемой частью предварительной проверки таких пре-

---

¹ Здесь и далее приводится анализ материалов 180 архивных уголовных дел, рассмотренных районными судами Омской, Тюменской областей, Забайкальского края за последние 3 года.

² Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ.

ступлений и зачастую содержит достаточные данные для возбуждения уголовных дел. Это объясняется, главным образом, различиями в объекте осмотра, разницей между типичными обстановками совершения данного общественно опасного действия в городе и в деревне. Сельские грабежи и разбойные нападения совершаются на открытой местности лишь в 26% исследованных случаев. Большая часть анализируемых преступлений совершается в жилищах и на территориях крестьянско-фермерских хозяйств (38%), где объективно существуют благоприятные условия для длительного хранения и качественного изъятия различного рода следов.

Таким образом, специфика обстановки грабежей и разбойных нападений, совершаемых в сельской местности, определяет особенности производства процессуальных действий, организации взаимодействия между следователем, участковыми уполномоченными и оперативными сотрудниками при возбуждении таких уголовных дел.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В ЦЕЛЯХ ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

М.Н. Яблокова

Полиграф для раскрытия и расследования преступлений в нашей стране применяется более пятнадцати лет. Сначала метод был востребован только в рамках оперативно-розыскной деятельности, на современном этапе проводятся психофизиологические экспертизы с использованием полиграфа.

Тем не менее проблемы, возникающие в связи с применением полиграфа в уголовном процессе, актуальны. Нет единого мнения среди научного сообщества, нет единого восприятия метода среди практиков. Показательно в этом аспекте отсутствие единообразной судебной практики по данному вопросу. Весомый вклад в разработку теоретических и прикладных аспектов применения полиграфа внесли такие отечественные юристы, как О.В. Белюшина, Я.В. Комиссарова, В.В. Семенов, Ю.И. Холодный и некоторые другие.

В исследованиях по данной тематике не уделяется должного внимания процессу информационного отображения преступлений, а также классификации криминалистически значимой информации, полученной с использованием полиграфа.

Информационное отображение события преступления в живой природе выражается в изменениях, происходящих в сознании и памяти лю-

дей. Речь идет об идеальных следах преступного события. Процесс их образования имеет сложную психофизиологическую природу. Эффективность применения полиграфа определяется существованием так называемого психофизиологического феномена, когда стимул (слово, предмет, фотография и т.п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, образ которого запечатлен в его памяти, устойчиво вызывает физиологические реакции, превышающие реакции на предъявляемые в тех же условиях сходные, но не связанные с данным событием стимулы¹.

В зависимости от решаемых задач и процессуального оформления криминалистически значимая информация носит ориентирующий или доказательственный характер. Ориентирующая призвана обеспечить сбор доказательственной информации. Последняя используется в процессе доказывания и установления истины по делу².

Ориентирующую информацию получают в результате оперативно-розыскной деятельности, в ходе опроса граждан с использованием полиграфа. Его результаты имеют ориентирующее значение и не могут являться доказательством. Они помогают в выборе наиболее перспективного пути расследования.

Доказательственная информация может быть получена в результате использования специальных знаний в форме заключения специалиста или эксперта.

Заключение специалиста является сравнительно новым доказательством. Много вопросов возникает по поводу его формы и содержания. Отсутствие детального регулирования этих вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве затрудняет введение этого доказательства в уголовный процесс.

Заключение эксперта появляется в деле в результате проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. Вопрос доказательственного значения вероятного заключения этой экспертизы необходимо решать, учитывая ее возможности, а также помня о том, что доказательственный факт устанавливается на основе оценки заключения эксперта в системе всех собранных по делу доказательств.

Таким образом, приобщение к уголовному делу справки о результатах опроса с использованием полиграфа в качестве документа является недопустимым, а выводы эксперта-полиграфолога должны оцениваться не по форме, а по содержанию.

---

¹ *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // *Вестник криминалистики* / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2005. Вып. 1 (13), 2 (14).

² *Криминалистика* / Под ред. Н.П. Яблокова. М.: Юристъ, 2007. С. 57.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Антонов А.Г.</i> Законодательная регламентация специальных оснований освобождения от уголовной ответственности (наказания) при даче взятки в УК РФ и УК ряда зарубежных стран	3
<i>Антонов Т.Г.</i> Юридическое закрепление последствий неправомерного уголовно-противоправного поведения	4
<i>Барышева Е.А.</i> Предмет причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения	6
<i>Беларёва О.А.</i> К вопросу о разграничении мошенничества и незаконного предпринимательства	8
<i>Ведерникова Л.В.</i> Уголовно-правовая защита права собственности на недвижимое имущество	9
<i>Винокуров В.Н.</i> Имущественные отношения как объект уголовно-правовой охраны	12
<i>Дудина Е.А.</i> Советское и постсоветское уголовное законодательство об ответственности за нарушение избирательных прав граждан	13
<i>Закурский М.С.</i> Тяжкие последствия преступлений в законодательстве некоторых зарубежных стран	15
<i>Ермакова О.В.</i> Момент окончания вымогательства	17
<i>Калегов Р.В.</i> Проблемы применения ст. 157 УК РФ «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» в исполнительном производстве как основа защиты интересов семьи	19
<i>Красильникова М.С.</i> К вопросу о понятии вверенного имущества	20
<i>Лебедево С.А.</i> Моральный вред как общественно опасное последствие имущественных преступлений	22
<i>Мальшев Я.В.</i> Лжесвидетельство: некоторые проблемы квалификации	23
<i>Махно Е.В.</i> К вопросу о месте ч. 3 ст. 195 УК РФ в системе неправомерных действий при банкротстве: постановка проблемы	25
<i>Мелихов С.Ю.</i> Уголовная ответственность за управленческую халатность в зарубежных странах	27
<i>Потапова И.В.</i> К вопросу о применении ст. 134 Уголовного кодекса РФ во взаимосвязи с нормами Семейного кодекса РФ	28
<i>Смирнов А.Н.</i> Возмещение вреда как иная мера уголовно-правового характера	30
<i>Сутурин М.А.</i> Условное осуждение в отношении несовершеннолетних. Постановка проблемы	32
<i>Сухоносенко А.В.</i> Некоторые технико-юридические особенности состава получения взятки по УК РФ	33
<i>Тыняная А.М.</i> Уголовная ответственность за халатность по законодательству Российской империи	35

Уткина С.С. Квалифицированные виды террористического акта (ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ)	37
Чупрына П.С. Уголовная ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству зарубежных стран	39
Чупрына Л.В. Классификация международных стандартов в сфере обращения с условно-досрочно освобожденными	41
Цой Л.В. Критерии отграничения вымогательства от смежных составов преступлений против собственности	43
Ахмедшина Н.В. О статусе виктимологического знания на современном этапе его развития	45
Аюпов В.Ш. К вопросу о криминологической характеристике потерпевшего при доведении до самоубийства	46
Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив как криминологическая категория	49
Демина К.А. Особенности мотивационной сферы женщин преступниц	50
Капитонов С.А. Превенция как организационная предпосылка правопорядка	52
Карелин Д.В. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия	54
Ковалев В.В. Объект и предмет социально-криминологического исследования общественного мнения о коррупции в высших учебных заведениях	56
Коломийченко Е.В. Предупреждение городской преступности несовершеннолетних	58
Корнилов А.В. Детерминанты организованного коррупционного поведения	59
Михайлова С.Н. Недостатки в работе спецшколы открытого типа	61
Надмитов С.С. Личность несовершеннолетнего имущественного преступника	63
Никитина И.А. Мошенничества на финансовом и потребительском рынках	65
Опалч Е.В. Криминологическая характеристика деяния, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ (использование рабского труда), по материалам Кемеровской области	67
Писаревская Е.А. Основы виктимологической профилактики насильственной преступности несовершеннолетних	68
Попов К.В. Социальная обусловленность института условно-досрочного освобождения	70
Прокументов Л.М. Общественная опасность рэкета	72
Сошина Л.А. Некоторые аспекты преступности в сфере незаконного оборота оружия (по материалам Иркутской области)	73
Щедрин Н.В. Законодательное определение коррупции	75
Гета М.Р. Альтернативы наказанию: смена парадигм	76
Гришко А.А. О реализации права осужденного на опровержение и ответ	78
Диденко А.В. Тюремная субкультура и адаптация осужденных с расстройствами личности	79
Ланкин Н.И. Основные направления реформирования уголовно-исполнительной системы России в свете Европейских стандартов	81
Лелик Н.Б. Зарубежный опыт исправительного воздействия на несовершеннолетних, лишенных свободы	83
Любарский А.Ф. Охрана как средство обеспечения изоляции осужденных и ее правовое регулирование	85
Молчанова Е.П. Проблема правового регулирования деятельности секции психологической помощи для осужденных в местах лишения свободы	86
Ольховик Н.В. О штатной численности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций	88

<i>Павленко А.А.</i> Совершенствование применения недобровольного лечения в отношении осужденных к лишению свободы	90
<i>Пропостин А.А.</i> Имущество, не подлежащее конфискации: исторический аспект	92
<i>Уткин В.А.</i> «Подводные камни» электронного мониторинга	94
<i>Чубраков С.В.</i> Подходы законодателя к нормативному закреплению принципов	96

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Азаров В.А.</i> Идеальна ли система принципов современного уголовного процесса России?	100
<i>Андреева О.И.</i> К вопросу о сроках в уголовном судопроизводстве	101
<i>Балдин В.В.</i> Обращение в доход государства денег, ценностей и иного имущества, добытых преступным путем (уголовно-процессуальные аспекты)	104
<i>Васин В.В.</i> О целях и задачах первой судебной стадии уголовного процесса Российской Федерации	106
<i>Воронин О.В.</i> О российской модели прокуратуры	108
<i>Гнездовская М.Ю.</i> К вопросу о принципе состязательности на этапе предварительного расследования	109
<i>Гумеров Г.Г.</i> О принципиальных коллизиях процессуального положения некоторых участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения	111
<i>Гурман Е.В.</i> Некоторые проблемы при рассмотрении уголовных дел в порядке апелляционного судопроизводства	113
<i>Диваев А.Б.</i> Предмет доказывания по уголовному делу	114
<i>Дудко Н.А.</i> Оценка допустимости доказательств в суде присяжных	117
<i>Еремеева Ю.Е.</i> Изменение, дополнение и создание норм уголовно-процессуального права в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса	118
<i>Жеребцова Т.И.</i> Участие защитника в выявлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу	120
<i>Иорисов О.Р.</i> К вопросу о праве суда кассационной инстанции непосредственно исследовать доказательства	122
<i>Ильютченко Н.В.</i> Цели реформы уголовно-процессуального законодательства Австрии	123
<i>Калугин А.Г.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым)	125
<i>Капитонов А.Е.</i> Функция предварительного расследования	126
<i>Кин А.Р.</i> Право на участие в кассационном разбирательстве	128
<i>Куделькин Д.В.</i> Оперативно-розыскное право – фактор оптимизации уголовного процесса	129
<i>Лебедев Н.Ю.</i> К вопросу о показаниях обвиняемого (подозреваемого) как источнике доказательств	131
<i>Лонь С.Л.</i> Правосознание в системе правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса	132
<i>Мезинов Д.А.</i> Цели и задачи уголовного процесса: следует ли разграничивать?	134
<i>Миროнова Е.В.</i> Проблемы исчисления сроков содержания под стражей в судебных стадиях российского уголовного процесса	135
<i>Михайлов А.А.</i> Существо и объем обвинения	137
<i>Носкова Е.В.</i> Действие принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 г.	138

<i>Пелёвин С.А.</i> Реализация осужденными к лишению свободы права на участие в судебном заседании при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговоров	141
<i>Плашевская А.А.</i> Ревизионное начало в кассационном и надзорном производствах по УПК РФ	143
<i>Пучковская М.Е.</i> Концепция «народного правосудия» как основа консолидации общества и государства в сфере уголовного судопроизводства	145
<i>Савчак С.М.</i> Защита прав потерпевших при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25, 28 УПК РФ	147
<i>Сафонов Д.М.</i> О формировании правовой основы для обеспечения уголовного судопроизводства в особых условиях по УПК РФ	148
<i>Себридов М.К.</i> Предварительное расследование и состязательность	150
<i>Симанчева Л.В.</i> Процессуальные проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия	152
<i>Соколов Т.В.</i> Уголовно-процессуальные аспекты реставрации идеи судебного права	153
<i>Соколовская Н.С.</i> К вопросу о понятии доказательств	155
<i>Стукалин В.Б.</i> К вопросу о проверке показаний на месте	157
<i>Тарасов А.А.</i> Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве	158
<i>Тимко О.Б.</i> К вопросу о возможности рассмотрения дел в порядке заочного судопроизводства	160
<i>Ткачев А.И.</i> О необходимости дальнейшего реформирования института возвращения уголовного дела прокурору	162
<i>Трубникова Т.В.</i> О содержании и пределах реализации состязательности в уголовном процессе	164
<i>Тюрин Н.С.</i> Соотношение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности	166
<i>Тюрин Ю.В.</i> Отдельные аспекты понимания реализации уголовно-процессуальных норм судом	167
<i>Харламов М.С.</i> О некоторых проблемах прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователей	169
<i>Чаднова И.В.</i> Отдельные вопросы предварительного расследования в свете новелл УПК РФ	170
<i>Чекулаев Д.П.</i> Определение территориальной подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных вне территории субъектов РФ	172
<i>Шейфер С.А.</i> Кто осуществляет уголовное преследование на досудебном производстве?	174
<i>Шидловская Ю.В.</i> Процессуальные особенности предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей, касающиеся допустимости использования данных о личности подсудимого	179
<i>Шумилина О.Ю.</i> Порядок рассмотрения уголовных дел присяжными заседателями в случаях, когда рассматриваемое дело имело общественный резонанс	180
<i>Югов Н.С.</i> Проблемы формирования следственной группы	182
<i>Якимович Ю.К.</i> Производство освидетельствования	183
<i>Ясельская В.В.</i> Проблемы реализации защитником права собирать доказательства	185

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ахмедшин Р.Л.</i> Личность преступника как объект познания в криминалистике	188
--	-----

<i>Батраков А.В.</i> Применение аналогии при планировании производства следственных действий	189
<i>Безуглов М.В., Гасевская О.Ю., Катаев З.М.</i> Взаимодействие следователя с субъектами расследования – одно из основных условий раскрытия, расследования и предупреждения криминальных пожаров	190
<i>Берсенева А.П.</i> Современное состояние и некоторые проблемы судебно-лингвистической экспертизы	192
<i>Гасевская О.Ю.</i> Ситуационный подход к расследованию криминальных пожаров	194
<i>Дедков А.А.</i> Проблемы изучения установления психологической связи при допросе	196
<i>Дергач Н.С.</i> Принципы осуществления взаимодействия следователя и органов дознания при расследовании квартирных краж	197
<i>Еремин А.А.</i> К вопросу о способе как элементе криминалистической характеристики коррупционных преступлений, посягающих на конкуренцию	199
<i>Иванов И.В.</i> Взаимосвязи учения о личности обвиняемого и учения о тактическом приеме как научно-познавательная проблема криминалистической тактики	200
<i>Идрисова С.З.</i> Заключение эксперта-автотехника и его оценка	202
<i>Исмагилов Ф.В.</i> Некоторые элементы криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений	204
<i>Калянов Е.В., Мазур Е.С.</i> Дерматоглифика в криминалистическом описании внешности человека	205
<i>Катаев З.М.</i> О совершенствовании расследования уголовных дел, возбужденных по фактам аварий на угольных шахтах	207
<i>Князьков А.С.</i> Обстановка совершения преступления, посягающего на установленный порядок оборота наркотических средств	209
<i>Корчагин А.А.</i> Проблемы расследования уголовных дел, возбужденных по фактам безвестного исчезновения граждан	210
<i>Кривошеин Д.И.</i> О понятии и роли личностно-смыслового пространства в криминалистическом учении о личности обвиняемого	212
<i>Кривошеин И.Т.</i> Научно-мировоззренческие принципы криминалистики	213
<i>Кужугет Т.К.</i> Особенности криминалистической характеристики расследования налоговых преступлений	215
<i>Лебедев Н.Ю.</i> Некоторые проблемные аспекты проведения осмотра места происшествия	216
<i>Мальцев О.А.</i> Криминалистические особенности формирования доказательственной информации о наличии психологического следа в личности преступника	218
<i>Мезинов Д.А.</i> К вопросу о направлениях совершенствования криминалистической тактики судебного следствия	219
<i>Песенкова Д.П.</i> Установление причинной связи при допросе водителя, совершившего ДТП	221
<i>Попова О.А.</i> О проблеме диагностики личности по почерку через организацию деятельности	222
<i>Романова А.В.</i> Некоторые аспекты деятельности адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю на стадии предварительного расследования	224
<i>Свободный Ф.К.</i> К вопросу об определении понятия, объекта и предмета судебной психофизиологической экспертизы	226
<i>Стукалин В.Б.</i> К вопросу о соотношении элементов уголовно-правовой и криминалистической характеристики ст. 124 УК РФ (сравнительный анализ законодательств стран СНГ)	227

<i>Хоменко А.Н.</i> Дидактические материалы – средство повышения эффективности учебных занятий	229
<i>Шеховцова Л.С.</i> Особенности предварительной проверки сообщений о совершении грабежей, разбойных нападений в сельской местности	230
<i>Яблокова М.Н.</i> Использование полиграфа в целях получения криминалистически значимой информации	232

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 44

Редактор *А.И. Корчуганова*
Подготовка оригинал-макета *Ю.А. Сидоренко*

Подписано в печать 20.10.2009 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 15,00; усл. печ. л. 13,95; уч.-изд. л. 13,75.
Тираж 500. Заказ 844

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство “Иван Фёдоров”», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1